

**ПОЛИТИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ  
ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД:  
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

*Монография*

Ответственный редактор  
кандидат юридических наук, доцент  
***А. П. Евсеев***

Харьков  
«Юрайт»  
2017

УДК 347.998.8  
ББК 67.71 Е 25  
П 49

Рекомендовано к печати Ученым советом  
юридического факультета Харьковского национального  
университета имени В. Н. Каразина  
(протокол № 1 от 29.08.2017 г.)

**Рецензенты:**

**В. П. Колесник**, судья Конституционного Суда Украины, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины;

**Н. Н. Платошкин**, доктор исторических наук, профессор, советник дипломатической службы 2-го класса;

**Л. М. Исаев**, кандидат политических наук

**Авторский коллектив:**

**А. П. Евсеев** – ответственный редактор, **А. С. Бакумов**,  
**Е. И. Григоренко**, **Я. А. Григоренко**, **А. А. Заика**

П 49 **Политизация конституционных институтов в современный период: сравнительно-правовое исследование** : монография / Отв. ред. А. П. Евсеев. – Харьков : Юрайт, 2017. – 264 с.  
ISBN 978-966-2740-76-9

Монография посвящена феномену политизации конституционных институтов, наметившейся в последние годы в США и странах ЕС. Авторы анализируют также особенности избирательного права и избирательной системы, основные этапы становления двухпартийной системы в США, показывают специфику избирательных кампаний отдельных партий и их лидеров. Рассматривается проблематика революций как формы народоправства, противостоящей в современном мире выборным процедурам. Особое внимание уделено процессу политизации судебной власти.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-966-2740-76-9

УДК 347.998.8  
ББК 67.71 Е 25

© Евсеев А. П., Бакумов А. С.,  
Григоренко Е. И. и др., 2017  
© «Юрайт», оформление, 2017

## Содержание

**Введение**..... 5

### Глава 1.

#### «Переходный конституционализм»

**как комплексный политико-правовой феномен**..... 11

1.1. Социальные революции как катализатор  
политизации государственно-правовой жизни..... 11

1.2. Люстрация: международный опыт,  
украинские реалии..... 31

1.3. «Проработка прошлого» как средство  
легитимации нового конституционного порядка..... 44

1.4. Популизм как угроза конституционному строю..... 69

### Глава 2.

**Политический характер отношений, возникающих  
в связи с осуществлением народовластия  
(на материалах США)**..... 90

2.1. Избирательный корпус политических партий..... 90

2.2. Роль гендерного фактора  
в избирательных правоотношениях..... 105

2.3. Особенности электорального поведения  
отдельных категорий избирателей  
(на примере военнослужащих)..... 124

2.4. Избирательные кампании политических партий..... 142

<b>Глава 3.</b>	
<b>Политизация судебной власти.....</b>	<b>170</b>
3.1. К феноменологии «политической юстиции».....	170
3.2. Влияние правых на судебную систему в странах ЕС.....	193
3.3. Выборы судейского корпуса как специфическая особенность политической системы США.....	226
3.4. «Гибридизация» международного правосудия как фактор, препятствующий его политизации.....	237

**ВВЕДЕНИЕ**

*Рассказать обо всех мировых дураках,  
Что судьбу человечества держат в руках?  
Рассказать обо всех мертвецах-подлецах,  
Что уходят в историю в светлых венцах?*

*Г. Иванов*

Последние годы принесли нам слишком много потрясений, чтобы сохранить академическую холодность при анализе событий кровотока действительности. Но классификация происходящих и происходивших в сфере конституционного права перемен помогает встречать их с открытыми глазами и пониманием.

Так, одной из характернейших примет нашего времени стала усиливающаяся буквально с каждым годом политизация конституционно-правовых отношений и институтов. Можно даже сказать, что сегодня конституционное право и политика неразрывно связаны друг с другом, подобно двум бьющимся в такт сердцам. И хотя полностью абстрагироваться от политики всегда можно было только в «высокой теории», тем не менее события недавнего прошлого настолько радикально изменили прежнее течение государственно-правовой жизни, причем не только в Украине, но и во всем мире, что ученые даже заговорили об особом типе конституционализма – переходном, связывая его главным образом с последствиями социальных революций, прокатившихся ныне едва ли не по всему земному шару.

Революция – слишком радикальное преобразование, чтобы считаться с человеческим материалом. Гигантская рука как бы сминает прежние конструкции, вырывает миллионы людей из границ привычной деятельности, но не дает свободы, а сразу же начинает заковывать в новые формы. Тем интереснее обращение к опыту тех государств, в которых передача государственной власти осуществляется на протяжении столетий исключительно в рамках конституционно-правовых процедур (хотя и здесь бывают свои «сюрпризы»). В первую очередь, к числу таких стран

с непоколебимыми демократическими устоями следует отнести Северную Америку.

В общественно-политической жизни США выборы всегда имели особое значение. Как писал еще в XIX веке А. де Токвиль, «политическая деятельность – единственное удовольствие, доступное американцам»<sup>1</sup>. И хотя с того времени, как были написаны эти строки, утекло немало воды, тем не менее для многих американцев участие в выборах, ограничивающееся нередко актом голосования, если не «единственное удовольствие», то, по крайней мере, главная, чрезвычайно распространенная ныне в силу своей относительной простоты форма политического участия, не требующая знаний и предварительной подготовки. Впрочем, как отмечают некоторые социологи, это форма, имеющая скорее символическое содержание, ибо «лицо, отдающее свой голос, редко верит в то, что сможет существенно изменить политический исход»<sup>2</sup>.

Как бы там ни было, ни одна страна не может приблизиться к Соединенным Штатам по частоте и разнообразию выборов и, таким образом, по величине электорального участия, на которое их граждане имеют право. Ни одна другая страна не выбирает свою нижнюю палату каждые два года или своего президента каждые четыре года. Ни одна другая страна не выбирает всенародно своих губернаторов штатов и мэров городов; ни одна другая страна не имеет такого большого разнообразия непредставительных должностей (судьи, шерифы, прокуроры, городские казначеи и т. д.), которые заполняются посредством выборов. Тем самым среднему американцу предоставлено право участвовать в гораздо большем числе выборов – возможно, в три или четыре раза больше, – чем гражданину любой другой демократической страны<sup>3</sup>.

Анализ электорального поведения американцев на протяжении последних двух десятилетий – а ему в США посвящена огромная

<sup>1</sup> Цит. по: Шлезингер А. Циклы американской истории. – М.: Прогресс, 1992. – С. 368.

<sup>2</sup> Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – С. 200.

<sup>3</sup> Джанда К., Берри Д. М., Голдман Д., Хула К. В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 219.

литература – позволяет обнаружить ряд достаточно устойчивых тенденций, существенным образом отличающихся от тех исторически сложившихся моделей, которые по-прежнему считаются определяющими в наших представлениях об американских избирателях («республиканский Юг», «демократический Северо-Восток» и т. п.).

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что современный электоральный и в целом политический процесс в США протекает в условиях так называемого *постмодерна*, то есть неких особых контекстуальных рамок бытия американского общества, реализующего себя в соответствии с принципами свободы, плюрализма, терпимости и мультикультурализма. Украинский исследователь В. В. Речицкий справедливо отмечает, что в первую очередь постмодернизм бросает перчатку «простой демократии»: «Не отрицая роли общественного мнения, референдумов и плебисцитов, постмодерн исподволь актуализировал максимум О. Уайльда о том, что общепринятое мнение – глупость, поскольку оно понравилось большинству. Взамен массовости постмодерн внедрил в политическую практику полицентризм и мозаичность. Признание того, что в этом мире каждый по-своему прав, стало в постмодерне главным прагматическим тезисом, почти символом веры»<sup>1</sup>. Свое наиболее законченное выражение такое отношение к политике и политической деятельности приобрело во внутриполитическом курсе администрации 42-го президента США Билла Клинтона (1993-2001 гг.)<sup>2</sup>.

Клинтон, будучи вторым после Ф. Рузвельта президентом-демократом, переизбранным на новый срок, привнес в американскую политику совершенно другой стиль, нежели тот, что господствовал до него. В лучших постмодернистских традициях в нем уживались скрытый внутренний драматизм и внешняя галантность с духом веселья, розыгрыша, авантюры, а президентско-имперский стиль, диктуемый самим его статусом, – с редким даром интимного душевного общения. Клинтон принадлежал к той породе мужчин,

<sup>1</sup> Речицкий В. В. Символическая реальность и право. – Л.: ВНТЛ-Классика, 2007. – С. 475.

<sup>2</sup> Подробнее см.: The postmodern presidency: Bill Clinton's legacy in US politics / Ed. by S. Schier. – P.: University of Pittsburgh Press, 2000. – 304 p.

которые всегда остаются мальчишками. Его саксофон, его избыточная талантливость, его шальные связи с женщинами, в которых он подражал кумиру своего детства Джону Ф. Кеннеди, его умение играть в «простого парня из Арканзаса», оставаясь при этом высоколобым выпускником Йеля и Оксфорда, - все это было непривычно для Америки 90-х и уже недостижимо для Америки сегодняшней, балансирующей между «сострадательным консерватизмом» в духе Буша-младшего и откровенным популизмом Д. Трампа.

Именно этим, кстати говоря, и объясняется та почти зоологическая ненависть, которую испытывали к Клинтону ультраконсерваторы из Республиканской партии. Ее истоки, по мнению Р. Познера, следует искать опять-таки в сфере «войны культур» (kulturkampf): модерной с ее упованием на *laissez-faire* и «грубый индивидуализм» в экономике с одной стороны, и постмодерной – с другой, характеризующейся заостренностью на расово-этнических и гендерных проблемах, озабоченностью состоянием окружающей среды, большей открытостью в сексуальных отношениях, большей готовностью оспаривать авторитеты какого бы то ни было уровня<sup>1</sup>. Для целей нашего исследования важно также то, что Клинтон стал первым президентом-демократом, который построил свою электоральную игру на том поле, которое до него фактически не осваивалось Демократической партией и считалось вотчиной республиканцев: западные и северные пограничные штаты, голоса женщин и национальных меньшинств. Последние, как отмечается в западной литературе, благодаря Клинтону трансформировались «из периферии американской политики в факторы, определившие судьбу последней президентуры XX столетия»<sup>2</sup>.

Справедливости ради отметим, что постклинтоновские «нулевые» и нынешнее время отмечены не менее важными событиями: судебным разбирательством в Верховном Суде, в ходе которого фактически был «назначен» победитель предвыборной гонки 2000 г., появлением и последующим развитием нового вида избирательных технологий – Интернет-технологий, приходом к власти

<sup>1</sup> Подробнее см.: Posner R. An affair of state. – L.: Harvard Univ. Press, 1999. – P. 199-216.

<sup>2</sup> The postmodern presidency: Bill Clinton's legacy in US politics. – P. 7.

первого в истории Америки чернокожего президента (Б. Обамы)<sup>1</sup>, существенным «сдвигом вправо» в Европе, а вслед за ней и в Новом Свете, результатом которого, в свою очередь, стал «феномен Трампа», наконец, баллотировкой в президенты США жены Клинтона Хиллари. Кроме того, чрезвычайно подвижным стал избирательный корпус американских партий: не изменявшаяся десятилетиями география электорального влияния политических партий или зон распространения тех или иных политических традиций безнадежно устарела, оставив лишь островки-бастионы традиционного влияния отдельных партий и традиций (например, федеральный округ Колумбия – у демократов).

Обо всех этих процессах и пойдет речь на страницах данной книги.

В заключение отметим, что исследование особенностей электорального поведения американского народа имеет богатые традиции в отечественной политологической науке. В этой связи следует назвать работы А. С. Автономова, Л. А. Антоновой, Э. Я. Баталова, Б. З. Докторовой, О. В. Зайчука, Э. А. Иваняна, В. И. Лафитского, И. Е. Малашенко, А. Ю. Мельвиля, М. М. Петровской, В. О. Печатнова, Г. Г. Почепцова, Н. М. Травкиной, А. И. Уткина, Д. Е. Фурмана, С. А. Червонной, Н. А. Шведовой и многих других замечательных ученых-американистов. Вместе с тем приходится учитывать, что большинство этих работ выполнено, за редким исключением, в советский период, а потому не учитывает ряда существенных изменений, произошедших в электоральном процессе и государственно-правовой жизни американского общества в последние десятилетия.

Кроме того, процесс политизации охватил не только избирательные процедуры (что вполне закономерно), но и деятельность органов правосудия. По образному выражению американского ученого А. Стоуна, судьи уже не рассматриваются как «правовые

<sup>1</sup> Когда-то, в кажущемся уже таким далеким 1984 году украинский ученый-юрист О. В. Зайчук задавался вопросом: «Может ли негр стать президентом США?» И тут же отвечал: «На этот вопрос можно дать достаточно определенный ответ: нет». См.: Зайчук О. В. Права человека и расовая политика США. – К.: Политиздат Украины, 1984. – С. 96.

монахи», но больше как законодатели «в мантиях»<sup>1</sup>. Существует даже специальный термин – «политическая юстиция», с помощью которого описывается вовлечение жрецов Фемиды, хотя бы и косвенное, в политику и политическую деятельность. Хорошо это или плохо – мы попытаемся ответить на страницах данной книги.

И последнее. Эту книгу написали молодые ученые, которые не претендуют на роль непререкаемых авторитетов. Нам было трудно решить, каким конкретно блокам государственно-правового знания отдать предпочтение – их слишком много. Поэтому мы старались ввести читателя в курс наиболее важных тенденций мирового конституционно-правового развития, не скрывая от него «ловушек», в которые попадают даже самые развитые государства в процессе реформирования своей политической и правовой систем.

Мы не навязываем собственных взглядов. Нашему читателю предоставляется возможность самостоятельно пополнить свои знания и составить мнение о ходе правовой реформы и демократизации государственных институтов как в Украине, так и за ее пределами. Мы готовы быть вашими собеседниками.

<sup>1</sup> Цит. по: Хованская А. Политическая юриспруденция: постклассический анализ судебных решений и идея легитимности // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 12.

## Глава 1.

### «Переходный конституционализм» как комплексный политико-правовой феномен

#### 1.1. Социальные революции как катализатор политизации государственно-правовой жизни

*Сводить политику к институциональной и электоральной игре – значит оказаться перед угрозой того, что глубокое недовольство, вызванное нарушением личного и общественного равновесия, будет направляться по иным каналам, чем каналы организованной политической жизни*  
Ф. Гогель, А. Гроссер

Революция Достоинства 2013-2014 гг. («Евромайдан») – одно из величайших событий в новейшей истории Украины. Третья годовщина ее победы, широко отмечавшаяся в феврале 2017 г., вновь разожгла огонь давней полемики о ее характере, причинах и последствиях для Украинского государства и общества. Вопрос вопросов: была ли она революцией в подлинном значении этого слова или же мы стали свидетелями сложно выстроенного государственного переворота, отягощенного иностранным влиянием<sup>1</sup>? Вопрос не праздный и далеко не сугубо «риторический», как может показаться. Ведь к опыту Украинской революции еще не раз будут обращаться будущие поколения революционеров и либералов, причем не только в Украине, но и в других странах<sup>2</sup>. Не дрем-

<sup>1</sup> Такого мнения придерживается, например, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. См.: Зорькин В. Цивилизация права // <http://rg.ru/2014/03/12/zorkin.html>.

<sup>2</sup> В этой связи следует отметить одну интересную закономерность: все революции нового типа, по выражению египетского блоггера В. Гонима «революции 2.0», носят экспортный характер в том, разумеется, отношении, что методики креативного сопротивления, оказавшиеся эффективными в одной стране, оказываются не менее эффективными в другой: так, например, сербский опыт «Бульдозерной революции» 2000 г. впоследствии был заимствован грузинскими

лет и другой лагерь, стремящийся оспорить революционно-демократическое содержание произошедшего на Майдане.

У известного украинского поэта А. Бондаря есть меткое наблюдение о несводимости Евромайдана к одной только борьбе за свержение режима В. Януковича. «Чем был украинский Майдан декабря 2013 – февраля 2014 гг.?, - задается вопросом поэт, - и тут же отвечает: «Помимо достоинства и европейских ценностей, тут была свобода и справедливость, солидарность и храбрость, война против системы и национально-освободительная борьба, противостояние гражданина с государством и большая геополитическая провокация, всенародный фестиваль креатива и взрыв новой эстетики сопротивления»<sup>1</sup>. Но нередки и другие оценки случившегося: «Французы говорят, что стиль - это человек. Ну а если стиля вообще нет? Так ведь тоже бывает. И мы видим это, с ужасом наблюдая за наращиванием украинского безумия. Тогда побеждает любой стиль - самый низкий. Если у политических лидеров стиля нет, а у Сашка Билого он есть, то победит его стиль. Так всегда бывает в тяжелые времена»<sup>2</sup>.

Оставим в стороне несправедливость оценок Украинской революции, широко распространенных в российской юридической литературе. Оставим при том, однако, понимании, что расхождение между умозрительными представлениями сторонников революции (вспомним высокопарные слова А.-Б. Леви «сердце Европы бьется в Киеве») и не вписывающейся в их идеальные схемы реальностью (голландский референдум об экономической ассоциации с Украиной) действительно рано или поздно приводит к разочарованию, социальной апатии, ухудшению социально-экономической ситуации, ослаблению управления, недовольству «проигрывающих» слоев населения и, как следствие, – к новой революции или, по крайней мере, реставрации прежних порядков, что уже имело место после победы первого Майдана.

реформаторами при осуществлении «Революции роз» в 2003 г., а годом позже – во время первого Майдана в Украине. Подробнее см.: Bunce V., Wolchik S. Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. P. 109.

<sup>1</sup> Бондар А. Майдан: життя або смерть // <http://nv.ua/project/story-of-maidan-by-bondar.html>.

<sup>2</sup> Зорькин В. Указ. соч.

Как бы там ни было, события 2013-2014 гг. в Украине логично вписываются в череду антирежимных выступлений, прокатившихся за последние 15 лет едва ли не по всему миру: «Бульдозерная революция» 2000 г. в Сербии, «Революция роз» 2003 г. в Грузии, Майдан 2004 г. в Украине, «Революция тюльпанов» 2005 г. в Киргизии, акция «Захвати Уолл-стрит» 2011 г. в США, начавшаяся тогда же и длящаяся фактически по сию пору «Арабская весна» в странах Ближнего Востока и Северной Африки, попытка восстания в 2012 г. в Москве на Болотной площади, над которой будто бы вновь ожил дух казненных на ней Стеньки Разина и «маркиза» Пугачева... Список можно продолжать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в западной транзитологической литературе даже высказана мысль о новой – пятой – «волне демократизации», своего рода «глобальной демократической революции».

Напомним читателю, что американский политолог С. Хантингтон выделял четыре основные «волны» демократизации: первую, начавшуюся с «весны народов» в середине XIX в. и длившуюся вплоть до «похода на Рим» Муссолини в 1922 г.; вторую, берущую свое начало после победоносного завершения Второй мировой войны и начавшегося вследствие этого распада колониальной системы; третью, истоки которой датируются 1974 г., когда в Португалии пала салазаровская диктатура (так называемая «революция гвоздик») и, наконец, четвертую, зафиксировавшую начало кризиса мировой системы социализма и последующего коллапса СССР<sup>1</sup>. Выходит, что люди того поколения, к которому принадлежат авторы настоящего исследования, стали свидетелями очередной, пятой по счету «волны» демократизации. Каковы же ее результаты?

<sup>1</sup> Подробнее см.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с. К слову сказать, в мировой политической науке для оценки степени консолидации демократии получил широкое распространение «тест двух передач власти», разработанный С. Хантингтоном. Согласно этому тесту, демократия становится необратимой (консолидированной) только тогда, когда «партия демократизаторов» уступает власть после поражения на выборах, а потом возвращается к власти в следующем электоральном цикле, т. е. в стране существует как минимум две политические силы, способные и брать, и отдавать власть по демократическим правилам.

Надо сказать, что украинская Революция Достоинства не случайно получила такое название. Как и любая революция, она является «способом бытия человека в мире. Способом его самопреобразования и перехода в новое качество. Способом защиты от загнивания в созданной им ранее среде, избавления от мира, который, исчерпав свой творческий потенциал, превратился в избыточную обузу, оковы, сдерживающие движение вперед, к будущему, в которое изначально устремлен человек»<sup>1</sup>.

В самом деле, Евромайдан, особенно в первые месяцы после своей победы, дал реальную возможность участия самых широких слоев населения в управлении государством. Была существенным образом реформирована армия, созданы добровольческие батальоны, в которых было немало мужественных и патриотичных людей. Волонтерские организации, революционные органы самоуправления (так называемая «Рада Майдана») не только воздействовали на высшие формы власти, но и одно время даже осуществляли эту власть. И уж, конечно, революционные события дали мощнейший импульс ничем не сковываемому творчеству масс: песням («Горіла шина, палала...»), «Пливе кача...»), народной поэзии<sup>2</sup>, оформительскому искусству. Как тут не вспомнить гениальный лозунг майдановцев, обращенный к милиции: «Нас бьют за наши деньги». Впрочем, примерно в то же время был выпущен на волю джинн сепаратизма, когда теперь уже пророссийские активисты стали захватывать административные здания на Востоке Украины, мотивируя это извечным «почему им можно, а нам нельзя?»...

Очевидно, что изучение Революции Достоинства как комплексного политического, правового и социально-психологического феномена заслуживает отдельного исследования. В рамках настоящей публикации нам хотелось бы рассмотреть обозначенную проблематику исключительно под углом зрения проблемы народо-правства, а точнее той незримой конкуренции (а иногда и тесной взаимосвязи), которая возникает между легитимными выборами и разнообразными проявлениями народного гнева, кристаллизирующимися, в конечном счете, в социальную революцию.

<sup>1</sup> Баталов Э. Революция. Бунт. Переворот // [http://www.ng.ru/scenario/2011-03-22/15\\_reforms.html](http://www.ng.ru/scenario/2011-03-22/15_reforms.html).

<sup>2</sup> Подробнее см.: Небесна Сотня: антологія майданівських віршів / Упоряд. Л. Воронюк. Ч.: Букрек, 2014. 392 с.

Отметим, что современные исследования «цветных революций» немногочисленны, но вполне удовлетворительны, если сделать поправку на идеологическую предвзятость трудов, написанных в России. Тем не менее наиболее удачными представляются работы Л. М. Исаева, А. В. Коротяева, А. Р. Шишкиной, Л. Р. Сюкияйнена, А. Ю. Мельвиля, Б. И. Макаренко, А. В. Оболонского, Ю. И. Рубинского, некоторых других авторов. Из работ советского периода обращает на себя внимание книга видного американиста Э. Я. Баталова «Философия бунта», изданная, правда, в 1973 г., задолго до исследуемых событий, однако не утратившая своей актуальности и поныне за счет глубокого проникновения в психологию революционера как таковую<sup>1</sup>. Также представляют значительный интерес работы ученых-юристов, в которых под влиянием революционных событий предпринята попытка сконструировать конституционно-правовой концепт «право на восстание». В их числе С. А. Авакьян, Г. А. Есаков, С. П. Погребняк, В. В. Речицкий, Е. А. Уварова и другие. На Западе над осмыслением революционной проблематики много и плодотворно работает Дж. Голдстоун<sup>2</sup>.

Любопытно, что в научной литературе уже давно разработана своеобразная классификация социальных революций. Так, некоторые авторы выделяют 4 типа революций: революцию снизу, революцию сверху, комбинированный переворот и дворцовый переворот. Другие выделяют революцию масс, революционный переворот, переворот-реформу и дворцовую революцию. Третьи подразделяют революции на жакерию, миллениарийскую, анархический бунт, *coup d'etat*, якобинскую коммунистическую революцию и вооруженное массовое выступление<sup>3</sup>. Разработана и более новая классификация, отталкивающаяся главным образом от реалий «Арабской весны»: отдельные протестные акции (Катар, ОАЭ), несколько заметных антиправительственных выступлений (Саудовская Аравия, Судан, Ирак и Палестина), многочисленные антиправительственные выступления (Омар, Мавритания), мно-

<sup>1</sup> См.: Баталов Э. Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973. 222 с.

<sup>2</sup> См. русскоязычное издание его книги: Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.

<sup>3</sup> Гавлин М. Л., Казакова Л. А. Современные буржуазные теории социальной революции. М.: Наука, 1980. С. 41-53.



голюдные и длительные антиправительственные выступления с отдельными силовыми стычками (Алжир, Кувейт), мощные антиправительственные выступления с кровопролитными столкновениями, расшатавшие власть (Марокко, Иордания), гражданская война (Сирия, Ливия, Бахрейн, Йемен) и, наконец, успешная революция (Тунис, Египет)<sup>1</sup>.

Современным транзитологам удалось также выявить различные факторы, ставшие причиной антирежимных выступлений. *Первый показатель* – внутренней конфликтогенности – представляет собой следующую совокупность факторов: племенная и конфессиональная неоднородность страны, а также уровень противоречий внутри политической элиты. *Второй показатель*, характеризующий уровень безработицы среди молодежи и долю людей с высшим образованием среди них, включает в себя три основные составляющие: безработица среди молодежи, доля безработной молодежи в общем составе взрослого населения и доля безработных с высшим образованием среди молодежи<sup>2</sup>. *Третий показатель* – устойчивости политического режима – представляет собой совокупность двух основных факторов: наличия инструментов передачи власти и политического строя. *Четвертый показатель* фиксирует наличие крупномасштабного конфликта в недалеком прошлом и исламистов, функционирующих в легальном политическом процессе (применительно к европейским странам – ультраправых). *Дополнительным* показателем антирежимных выступлений было выбрано влияние извне на внутривнутриполитические процессы<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Исаев Л. М. Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации. Автореф. дисс...канд. полит. наук. М.: ИА РАН, 2013. С. 17-22.

<sup>2</sup> Для понимания революционного процесса в современном мире крайне важно понимать, что с демографической точки зрения он является следствием так называемых «молодежных бугров», т. е. преобладания на момент революции молодежи в социальной структуре общества. Для мубараковского Египта таким «горючим веществом» явились «бэби-бумеры» второй половины 1980-х гг., которые имеют высшее образование, достаточно социально активны, но не имеют работы, что во многом и толкает их на Тахрир. См.: Коротаев А. В. Социальные корни «арабской весны» // Рецепты Арабской весны: русская версия / Отв. ред. А. М. Васильев. М.: Алгоритм, 2012. С. 100, 101.

<sup>3</sup> Там же. С. 15-16.

Какие еще моменты важны для понимания специфики «цветных революций»?

Прежде всего, как справедливо отмечает Б. И. Макаренко, «цветные» революции отличаются тем, что смены общественного строя при них не происходит, а смена элит носит ограниченный характер: власть переходит от одного элитного клана, занимавшего в системе власти доминирующее, даже почти монопольное положение («донецкие»), к некоей спонтанной коалиции других сегментов элиты. Государственный строй в результате таких действий может претерпевать лишь частные изменения, направленные на ограничение возможностей для монополизации власти и создание рамок для функционирования коалиционных властных структур – таких, как конституционные поправки 2004 г., реанимированные десятью годами позже, или соглашение о перераспределении полномочий между президентом и премьером в Киргизии<sup>1</sup>.

Главное содержание таких «революций» – коллективные действия с «выходом на улицу», направленные на срыв попыток фальсификации результатов общенациональных выборов. Оппозиционеры требуют не смены строя, а напротив, соблюдения важнейшей из конституционных норм – честных выборов. Пафос революционной улицы и ее вождей из политического класса – легитимизм, даже если сами революционеры и нарушают определенные нормы закона (например, повторное голосование второго тура президентских выборов 2004 г., как известно, не предусматривалось никакими законами). Однако если что и уподобляет подобные события революциям, то не отступления от буквы закона, а массовый эмоциональный порыв, направленный против власти, состояние *коммуникас*<sup>2</sup>, в котором пребывает улица. Итак, если определяющей чертой «бархатных революций» конца 1980-х гг., судя по устойчивому термину, является их «мягкость», ненасильственность, то «цветные революции» прежде всего характеризуются яркостью, способностью в краткие сроки переломить ход событий, казавшийся неизбежным.

<sup>1</sup> Макаренко Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. 2005. № 3. С. 115.

<sup>2</sup> Термин, введенный английским антропологом В. Тернером для характеристики состояния общественного единства в переломные моменты истории.

Не менее важным представляется также то обстоятельство, что общим для всех режимов, павших в результате «цветных революций», был их *полуавторитарный характер*. Действовавшая власть обладала доминирующими позициями в ущерб духу, но не обязательно букве формально демократических конституций, в целом сохранялись существенные элементы плюрализма. Вместе с тем этим режимам в той или иной степени были присущи элементы авторитаризма. В этой связи следует учитывать, что наиболее устойчивыми и наименее подверженными революционным влияниям являются консолидированные демократии (именно по этой причине, скажем, в США захлебнулось движение «Захвати Уолл-стрит», а во Франции – массовые студенческие демонстрации 2006 г.) и последовательные автократии (наподобие Белоруссии), наименее же устойчивыми – так называемые гибридные режимы, сочетающие элементы демократии и авторитаризма (типичный пример – Украина эпохи Януковича)<sup>1</sup>.

Таким образом, анализ баланса авторитарных и демократических элементов убедительно показывает, почему «цветные» события невозможны ни в сложившихся демократиях (там авторитарные элементы минимальны, а потому смена власти через выборы происходит естественным путем), ни в авторитарных режимах (там у оппозиции недостаточно ресурсов и возможностей, чтобы «вырасти» в политическую силу, способную соревноваться за власть «почти на равных»). Следовательно, если в этих странах сложится революционная ситуация, то революция станет не «цветной», не «бархатной», а полномасштабным переворотом. Например, Киргизия, где элементы плюрализма были слабее всего, не избежала насилия ни в момент свержения прежней власти, ни непосредственно после этого, а потому нельзя считать этот случай «цветной революцией» в чистом виде<sup>2</sup>.

Вообще приходится констатировать, что начиная с 2011 г., «цветные» революции становятся все более радикализированными. В некоторых странах они уже сопровождаются не просто стычками с полицией, а локальными вооруженными столкновениями, как в Украине, или даже полномасштабной гражданской войной,

<sup>1</sup> Мельвил А. Ю. Зачем «царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. 2013. № 3. С. 152.

<sup>2</sup> Макаренко Б. Указ. соч. С. 120.

что имеет место в Сирии и Ливии. Почему так происходит – тема отдельного исследования, но в периодизации «пятой» волны демократизации невольно напрашивается желание выделить два подэтапа: относительно мирный (2000-2010 гг.) и силовой (2011 г. - ).

В этой связи перед новыми революционными властями с неизбежностью встает вопрос о конституционно-правовой преемственности. «Новая власть, - пишет Л. В. Головки со ссылкой на французское конституционное право, - это не феодал, удрушивший противника и по факту унаследовавший от него людей и территории»<sup>1</sup>. Следовательно, если конституционно-правовой процесс прерван в силу революции, то прерваны все его более локальные элементы, в том числе запрет на выход из состава Украины и т. п. Если же конституционно-правовой процесс не прерывался, то приходится констатировать, что в стране имеет место государственный переворот со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями. Возможно, осознанием именно этого обстоятельства объясняется стремление президента Порошенко принять поправки в действующую конституцию, разработать проект новой и т. д.

Между тем поражением авторитарных тенденций не исчерпывается значение «цветных революций» для судеб демократического транзита. Первое и, возможно, самое масштабное из их проявлений – это ощущение обществом (точнее, его значительной частью) тупиковости инерционного развития. Практически все режимы, павшие в результате «цветных революций», пали даже не потому, что они были полуавторитарными (все-таки таковых много и на постсоветском пространстве, и вне его, и далеко не все из них грозят аналогичные революционные события). Общество потребовало и добилось ухода этих режимов от власти, поскольку утратило доверие к ним.

Югославский и грузинский режимы не могли преодолеть последствий катастрофических событий минувшего десятилетия и позволить своим странам лечь на «европейский курс». В нашей стране ключевым фактором стал выбор между «европейским» и «неевропейским» (и лишь постольку, поскольку «пророссийским») путем, который оказался для общества более важным, чем

<sup>1</sup> Головки Л. В. Правовой статус Крыма // [http://www.velykoross.ru/actual/all/article\\_1459/](http://www.velykoross.ru/actual/all/article_1459/).

неплохие показатели экономического роста и повышение социальных платежей правительством В. Януковича. Все эти режимы имели неважную репутацию из-за высокой коррумпированности. К неуспешности политического курса практически во всех случаях добавлялся и личностный «износ» лидеров: С. Милошевич, Э. Шеварднадзе, Л. Кучма к моменту своего заката были достаточно одиозными фигурами, прошедшими через многочисленные как чисто политические, так и криминальные скандалы<sup>1</sup>. Для обоих Майданов определенное значение имело и криминальное прошлое В. Януковича.

В свое время великий русско-американский социолог П. Сорокин обратил внимание на интересную закономерность: периоды революций и восстаний в Афинах и Спарте, в Риме конца Республики, в Византийской империи, истории Англии, были периодами не просто обнищания, но и крайнего голода и подавления пищеварительного рефлекса. То же можно сказать и о времени, предшествующем французской Жакерии, череде французских революций, крестьянским войнам Е. Пугачева, наконец, революциям 1905 г. и 1917 г.<sup>2</sup> Вот почему все революции – это, как правило, революции городской бедноты и угнетаемого крестьянства. Особенностью же революций XXI в. является то, что их движущими силами, как указывает А. В. Оболонский, «стали не самые бедные, самые обездоленные, а самые продвинутые носители гражданского самосознания. Словом, не пролетарии, а в основном – средний класс»<sup>3</sup>.

Определенное исключение в этом отношении представляет, пожалуй, лишь Сирия. С 2006 по 2011 гг. порядка 60 % сирийских земель испытали небывалую засуху. Бесхозяйственность и растрачивание природных ресурсов страны привели к нехватке воды и опустыниванию земель. В некоторых регионах засуха привела к гибели урожая на 75 %, а поголовья скота на 85 %, что повлияло на

<sup>1</sup> О роли организованной преступности в политической жизни Сербии см., напр.: Шарый А., Куге А. Молитва за Сербию. П.: Human Rights Publishers, 2005. 192 с.

<sup>2</sup> Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 275.

<sup>3</sup> Оболонский А. Правонапротест//[http://www.ng.ru/ng\\_politics/2013-05-21/15\\_protest.html](http://www.ng.ru/ng_politics/2013-05-21/15_protest.html).

жизнь 1,3 млн. человек. Ещё в 2009 г., задолго до боевых действий, ООН и Красный Крест сообщали, что в результате засухи потеряли средства к существованию около 800 тысяч человек. А в 2010 г., согласно оценке ООН, на грани голода оказался миллион человек<sup>1</sup>.

Однако в любом случае бедность или обездоленность – категория относительная. Ее не следует измерять только в показателях душевого дохода. Более важно то, что население большинства этих стран сопоставляло жизненные условия свои и близких соседей или «Запада» (Балканы, Центральная Европа, «азиатские тигры», Казахстан или даже Россия) и делало выводы. Не секрет, что при Мубараке египетская экономика развивалась вполне динамично. За 30 лет пребывания его у власти (1981-2011 гг.) ВВП страны вырос почти в 4,5 раза, что является одним из лучших показателей для стран «третьего мира». Особенно высокими темпами экономика стала развиваться в последние годы его правления, чему в немалой степени способствовали экономические реформы, осуществленные «звездой его кабинета», - министром финансов, племянником бывшего Генерального секретаря ООН Ю. Бутросом Гали. ВВП Египта продолжал расти даже в год мирового финансово-экономического кризиса, хотя темпы экономического роста при этом несколько замедлились – с 7,2 до 4,6 %. Однако уже в 2010 г. они снова ускорились.

Не было речи об экономической стагнации и в Украине. С 1999 г. ее ВВП рос достаточно быстрыми темпами (до 15 % в год), которые замедлялись лишь в 2004 («оранжевая революция») и 2008 гг. (мировой финансово-экономический кризис). В 2003-2004 гг. украинская экономика была одной из самых быстрорастущих в мире – а ведь правительство страны тогда возглавлял именно Янукович. Общий рост ВВП на душу населения в нашей стране по официальной статистике в 2,5 раза превосходил среднемировой и был таким же, как в богатой ресурсами России, что само по себе следует рассматривать как достижение. С приходом Януковича на пост президента экономический рост продолжился, составляя 6-8 % в год, что свидетельствовало о выходе страны из мирового финансового кризиса.

<sup>1</sup> Гражданская война в Сирии // [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская\\_война\\_в\\_Сирии](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская_война_в_Сирии).

Приведенные данные подтверждают, что ни в арабском мире, ни в Украине не было никакого обнищания населения. Однако протестующие на Тахрире и Майдане были абсолютно убеждены в кризисном состоянии экономики своих стран, связывая его прежде всего с коррумпированностью правящей элиты и, соответственно, рассчитывая, что смена власти позволит снизить уровень коррупции<sup>1</sup>. Во многом данное противоречие между экономическими показателями и самоощущением населения объясняется хорошо известным экономистам эффектом «мальтузианской ловушки», когда экономическая рента, извлекаемая государством, не распределяется справедливо между всеми членами социума, а идет в карман узкой группе власть имущих, стимулируя народное недовольство и приближая трагическую развязку<sup>2</sup>.

Кроме того, немаловажное значение, как уже было сказано, имеют параметры общественного размежевания. По понятным причинам, в лагере сторонников «цветных» оказываются социально динамичные слои общества – интеллигенция, малый и средний бизнес, менеджеры новой экономики, студенчество и молодежь. Описывать лагерь сторонников «старого режима» сложнее, но очевидно, что «цветные революции» по ходу ломают главную надежду прежних правителей – на конформистское поведение социально пассивной периферии. Так, за В. Януковича в большей степени голосовало население АРК и двух областей – Донецкой и Луганской, в которых традиционно были распространены патерналистские убеждения, ностальгия по советскому прошлому и т. п.

Говоря словами Б. И. Макаренко, для «цветных революций» важна мобилизация активного меньшинства на коллективные действия, дополненная, по крайней мере, частичным размыванием конформистской культуры поведения – иначе на критических выборах (результаты которых становятся «камнем преткно-

<sup>1</sup> Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Соблазненные революцией // *Полития*. 2014. № 2. С. 23, 24.

<sup>2</sup> «Под «мальтузианской ловушкой» (Malthusian Trap), - пишет А. В. Коротаяев, - обычно понимается... ситуация, когда рост производства средств к существованию не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения...». См.: Коротаяев А. В. Указ. соч. С. 99.

вания») оппозиция не могла бы добиться результата, близкого к «фифти-фифти». Как и во многих других случаях, выделяется Киргизия. На парламентских выборах, предшествовавших падению власти А. Акаева, оппозиция добилась крайне скромных результатов. Хотя она и использовала тему фальсификации выборов в качестве повода для сопротивления, общественные выступления охватили не «продвинутые» слои общества, а социальные низы на родине ее лидера и люмпенизированные элементы в столице (очевидно, небеспочвенна и версия о причастности к этим событиям наркомафии) – отсюда и «насильственный сценарий» развития событий<sup>1</sup>.

Из предыдущей особенности вытекают и поведенческие различия противоборствующих сил. Полуавторитарные режимы во всех случаях демонстрировали неспособность понять ситуацию, выстроить адекватную демократической политической борьбе стратегию действий, недооценивали силу и общественную привлекательность оппозиции. Напротив, «цветные революционеры» владели современными навыками общественной коммуникации, были маневреннее, «злее» в пропагандистской работе, изобретательнее в применении политических технологий, начиная с применения яркого цвета знамен для коллективных действий (оранжевого) до создания «хитовых» гимнов («Разом нас багато, нас не подолати...»). Именно это «преимущество в темпе» коллективных действий позволяло компенсировать перевес власти в административном и иных ресурсах.

Применительно к украинским реалиям главное отличие между первым и вторым Майданами заключается в том, что если первый Майдан отстаивал подчеркнута легитимистский стиль политической борьбы, то второй – разрывал все и всяческие рамки легального протеста, начав, вскоре после разгона милицией студенческого митинга в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 г., практиковать насилие. Напротив, в 2004 г. окончательное решение о признании фактов фальсификаций выборов и правовых последствиях (переголосовании второго тура) принимала в специальной процедуре верховная судебная инстанция – Верховный Суд Украины. Таким образом, в начале 2000-х гг. неременным условием успешных

<sup>1</sup> Макаренко Б. Указ. соч. С. 123.

«цветных революций» становился нейтралитет судебной власти (что по определению невозможно в чисто авторитарных режимах), а также невмешательство (или скрытые симпатии оппозиции) со стороны армии и других силовых структур. Оговоримся, что подобный нейтралитет объяснялся не столько высоким уровнем развития демократии, сколько прагматичным расчетом «судейских» и «силовики», которые в критический момент осознают контрпродуктивность и даже опасность для страны любых действий, направленных на подавление оппозиции.

Аналогичная ситуация имела место и в Югославии. Один из лидеров «Бульдозерной революции» 2000 г., ставший впоследствии премьер-министром Сербии, З. Джинджич вспоминал, как незадолго до событий 5 октября он имел тайную встречу с командиром спецотряда «Красные береты» полковником М. Луковичем. «Будет горячо, - сказал Лукович. - Я получил приказ открыть огонь». Джинджич был спокоен: «И что же?» - «Пусть твои ребята не трогают полицейских. Не блокируйте казармы». «Хорошо, - сказал Джинджич. - Даю тебе слово». Позже Джинджич признался: «Больше всего я боялся «красных беретов». После разговора с Луковичем у меня упал камень с сердца»<sup>1</sup>.

Так вот, в ходе второго Майдана ситуация была совершенно противоположной. Именно в открытой войне с милицией, спецотрядами «Беркута», олицетворяющими собой все недостатки Украинского государства, а главным образом репрессивность последнего, - видели свою главную задачу активисты Майдана. Не случайно, что одна из первых реформ, инициированная после прихода к власти новой администрации и одна из немногих, которая была более-менее доведена до конца, - это реформа наиболее нелояльной к новой власти милиции, переименованной впоследствии в полицию («новую полицию»)<sup>2</sup>.

Наконец, следует указать на роль столицы в революционном процессе. Именно возможность осуществлять массовое давление на центральные органы власти в немалой степени становилась за-

<sup>1</sup> Шарый А., Куге А. Указ. соч. С. 44.

<sup>2</sup> Подробнее о неприглядной роли правоохранительной системы в событиях на Евромайдане см.: Евсеев А. Судебная власть в Украине: затянувшийся транзит. Х.: Юрайт, 2016. С. 65, 66.

логом успеха оппозиции. При этом давление опиралось на симпатии значительной части или большинства столичных жителей. Очевидно, что, будучи организованными в региональных центрах, революционные процессы не имели бы продолжения, так как не парализовали бы действия центральных властей и были бы интерпретированы как сепаратизм или бунт региональных кланов, что впоследствии и произошло на Донбассе. Видный американский революциолог Дж. Голдстоун пишет, что «территория, контролируемая оппозицией, может ограничиваться площадью в столице или представлять собой опорный пункт в региональном центре»<sup>1</sup>. При этом ученый подчеркивает, что коллапс в центре гораздо более опасен для властей, чем на периферии: правительство может оказаться на грани банкротства, оно теряет легитимность в глазах управленцев, военных и бизнес-элит, сосредоточенных главным образом в столице, и т. д. В этой связи показательно, что оба Майдана начались именно в Киеве, получив гордое название «революции». Когда же Майдан захотела повторить у себя региональная элита, только уже с противоположным знаком, как «Антимайдан», то эти попытки были расценены как посягательство на конституционный строй и территориальную целостность страны. Центр-периферийный диссонанс имел место и в Сирии, где мы видим «проасадовскую» столицу - Дамаск и мятежные Хомс с Алеппо, иллюстрирующие коллапс центральной власти на периферии<sup>2</sup>.

Последствия «цветных революций» можно оценивать в двух планах: будущего «революционных стран» и перспектив их повторения в других переходных государствах.

Горько сознавать, но во внутривластном плане «цветная революция» есть не более, чем толчок «застрявшей машине» транзита, который иногда может не только ее «встряхнуть», но и окончательно разрушить. Ведь когда майданы пустеют, в новой власти начинается борьба с теми же проблемами, которые создавали препятствия для власти прежней: олигархическая конкуренция за близость к «трону», сращенность отношений власти и собственности, дефицит ресурсов на социально-экономическое развитие и т.п. На

<sup>1</sup> Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 44.

<sup>2</sup> Подробнее о сирийской ситуации см.: Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛЕНАНД, 2014. 264 с.

них накладывается и неизбежное соперничество между партнерами по коалиции, совершившей революцию (прежняя власть за долгие годы успевала выстроить более стройную иерархию внутри правящей верхушки). Все это в полной мере проявляется в Украине. Иначе говоря, не происходит ни экономических чудес, ни консолидации демократии; напротив, не исключено, что с годами новый режим будет становиться все более похожим на прежний, о чем свидетельствуют новейшие тенденции в политике президента Порошенко. Но самое страшное даже не в этом. Самое страшное начинается тогда, когда региональные элиты, подстегиваемые собственным населением или иностранным влиянием, отказываются присягнуть новой власти, а та, в свою очередь, уже успев к тому времени немного окрепнуть, отвечает военной силой. Трагедия Ванدي, которую П. А. Кропоткин в своей книге «Великая Французская революция 1789-1793» назвал «гнилой раной Республики», служит наглядным тому подтверждением.

Однако новый режим обладает и немалым «кредитом»: во-первых, он построен на «европейском векторе», который задает элитам (в меньшей степени – обществу) определенные правила политического поведения. Во-вторых, он получает существенную поддержку со стороны Запада. В-третьих, вся политическая система избавляется от наиболее одиозных элементов (коррупцированных кадров, тупиковых решений) и получает новую динамику. Наконец, в-четвертых, память о победе гражданского общества и успешных коалиционных действиях откладывается в политической истории, что способствует «накоплению традиции» демократического развития.

Что же касается перспектив распространения аналогичного опыта на другие постсоветские страны, то начнем с утверждения, что «цветную революцию» невозможно предсказать. И в Грузии, и в Украине в обоих случаях (во втором даже в большей степени), да и в других странах развитие революционных событий носило стремительный характер, который чисто гипотетически рассматривался как один – и не самый вероятный – из сценариев.

Из стран СНГ, отнесенных к гибридным режимам, Молдавия, судя по всему, служит наиболее вероятной «площадкой» для новой революции. Прошедшие в 2005 г. парламентские выборы ознаме-

новались активной «игрой в «цветную революцию» со стороны всех трех основных участников (коммунистов, националистов и центристов). Начиная с того времени, эту страну периодически сотрясают политические кризисы и массовые акции протеста. А ряд других факторов (революционная Украина и относительно экономически благополучная Россия по соседству, наличие конфликта в прошлом – Приднестровье, относительно невысокий уровень жизни при значительной процентной доле городского населения с высшим образованием и др.) делают ее опасной лабораторией для новых геополитических экспериментов.

Азербайджан и Казахстан отличает достаточно высокая популярность действующей власти и слабая оппозиция, к тому же обе страны имеют солидные нефтяные доходы, что дает режиму свободу маневра в смягчении проблемы «относительной обездолженности». К тому же, как показывает опыт антиправительственных демонстраций в Баку, власть может пойти на силовое подавление «игры в цветную революцию». Между тем следует учитывать резкое падение в последние два года нефтяных доходов (аналогичная проблема и у россиян), что может привести к необходимости пересмотра социального контракта между властью и населением, которое, в свою очередь, неизбежно вызовет падение социальных стандартов, замедление темпов экономического роста, девальвацию национальной валюты и, как следствие, - справедливые проявления народного гнева.

Более внушительный набор предпосылок для «цветной революции» можно обнаружить в Армении: бедная страна с относительно развитым плюрализмом, к тому же имеющая опыт массовых акций протеста против результатов выборов. Впрочем, возобновление конфликта в Нагорном Карабахе между этой страной и Азербайджаном может вызвать национальную мобилизацию, содействовать достижению внутривластного консенсуса между элитами перед угрозой внешней агрессии, тем самым замедлив или даже сведя на «нет» рост революционных настроений в обществе.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация в Белоруссии. Авторитарность режима послужила основанием для отнесения ее к категории «неудавшихся транзитов», что, казалось бы, снимало с повестки дня вопрос о «цветной революции». Однако целенаправленное давление со стороны Запада, «соседство» с Евросоюзом, с

одной стороны, и Украиной – с другой, ослабление ориентации на Россию и страх перед ее экспансией после событий в Крыму могут привести к сдвигам в настроениях белорусской элиты, оценить вероятность которых, впрочем, пока затруднительно.

Как же не допустить повторения революций в будущем? Обратимся к опыту консолидированной демократии – Франции, сам воздух которой буквально пропитан свободой.

На протяжении многих десятилетий доктриной конституционного права этой страны разрабатывается теория «промежуточных корпусов» – независимых структур гражданского общества, облегчающих диалог между властью и народом. Французскими учеными констатируется, что пока «промежуточные эшелоны не существуют: Французская революция разрушила их, чтобы установить прямые отношения между государством и гражданами, – пишет профессор Сорбонны Ж. Марсель в связи с кризисом 2006 г. – Вполне логично поэтому, что во Франции улица заняла место парламента. Тем более что половина французов не участвуют в политической жизни: 20-30 % не ходят на выборы, 15 % голосуют за крайне правых, 10 % – за крайне левых. Это те, кого я называю «бесполезными» французами, участвующими в политической жизни лишь в форме оспаривания ее основ»<sup>1</sup>.

В самом деле, французы всегда поддерживали с миром политики противоречивые отношения: проявляя в значительной своей массе интерес к политике (63 %), они одновременно испытывали чувство отчуждения по отношению к «профессиональной политике» – 40 % опрошенных считали политику уделом специалистов, 20 % относили политику к «сомнительному» роду занятий, 42 % не верили в озабоченность политиков судьбами простых граждан<sup>2</sup>.

Выход из этого состояния многим видится в расширении прямой демократии. Для большинства французов прямая демократия означает частое проведение референдумов на национальном или

<sup>1</sup> Цит. по: Рубинский Ю. Культура гражданского противостояния // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 162.

<sup>2</sup> Ковлер А. И. Великая французская революция и «демократия XXI века» (к 200-летию Великой французской революции) // История политической мысли и современность: Ежегодник САПН, 1988. М.: Наука, 1988. С. 191.

местном уровне, систематические консультации местных властей с жителями, руководителей предприятий – с рабочими, активное участие различных ассоциаций в политической жизни.

Не случайно, в свое время широкий резонанс получил такой проект перестройки отношений между государством и гражданским обществом, как «участие». Его сторонники, принадлежавшие в основном к социал-реформистскому крылу голлистского движения (Рене Капитан, Эдмон Мишле, Филипп Дешартр, Лео Амон и др.), стремились за счет допуска социальных партнеров к процессу выработки касающихся их решений компенсировать резкое расширение (в ущерб законодательной власти) политических полномочий исполнительной власти во главе с президентом, заложенное в Конституцию Пятой республики ее основателем – генералом де Голлем.

Истоки идеи «участия» восходят еще к межвоенному периоду. В 1925 году был создан консультативный Национальный экономический совет из представителей деловых кругов, профсоюзов, фермерских и прочих общественных организаций. В период Народного фронта (1936–1938 гг.) состав и функции совета были расширены, а еще десятилетие спустя, в 1946 году, он уже фигурировал в тексте Конституции Четвертой республики как Экономический совет (статьи 69–71). В 1958 году он трансформировался в Конституции Пятой республики (раздел X, статьи 69–71) в Экономический и социальный совет, в который вошли представители основных профцентров, организации крупного и мелкого бизнеса, фермерские, семейные ассоциации, видные деятели экономики, науки, культуры и пр.

Однако, поскольку сугубо консультативный характер данной организации существенно ограничивал ее реальную роль, Шарль де Голль, учитывая уроки мая 1968 года, заговорил об «участии» представителей гражданского общества в процессе принятия решений на уровне предприятий, регионов и парламента. Применительно к низшему из них речь шла, по существу, о перенесении во Францию германского опыта «соучастия» профсоюзов и менеджмента в управлении предприятиями на основе солидарной ответственности за результаты деятельности этих предприятий. На уровне регионов имелось в виду отойти от присущей французскому государству крайней административной централизации, пере-

дав часть полномочий от назначенных правительством префектов выборным органам местного самоуправления. Наконец, на высшем уровне предлагалось объединить верхнюю палату парламента – Сенат, представляющий в основном именно органы местного самоуправления (и выбираемый ими), – с Экономическим и социальным советом, превратив этот новый институт в постоянную площадку для диалога между социальными партнерами, с одной стороны, гражданским обществом и государством – с другой.

Однако реакция на этот широкомасштабный проект со стороны социальных партнеров и политического класса оказалась весьма сдержанной. Французские предприниматели всегда твердо придерживались принципа единоначалия руководителя предприятия, не принимая германской практики «соучастия». Впрочем, и французские профсоюзы, расколотые на соперничавшие политизированные центры, не менее твердо отвергали ее, как попытку ограничения их свободы действий в конфликтных ситуациях.

Что же касается слияния Сената с Экономическим и социальным советом, то, будучи, по сути, искусственным объединением выборных представителей и «назначенных» делегатов, оно рассматривалось как нарушающее сразу два основополагающих принципа французской государственности – приоритет легитимности выборных органов и разделение властей.

В результате законопроект о регионализации и реформе Сената, представленный на референдум 27 апреля 1969 года, собрал меньшинство голосов: 10,5 млн. (46,8 %) против 11,9 млн. (53,1 %). На следующий день президент де Голль подал в отставку<sup>1</sup>.

Нам же остается лишь отметить, что события ноября 2013 – февраля 2014 гг., подобно другим «цветным революциям», помогли обнаружить брешь в политических институтах нашей страны и показали, что политика касается не одних лишь профессионалов, но всех членов общества. Именно в этом и заключается, по нашему мнению, основной урок Революции Достоинства, значение которого нетленно.

<sup>1</sup> Рубинский Ю. Указ. соч. С. 163, 164.

## 1.2. Люстрация: международный опыт, украинские реалии

В дохристианском Риме существовал любопытный ритуал: человек, замешанный в убийстве, кровосмешении или ином преступлении, по законам того времени должен был принести очистительную жертву богам в виде мяса свиньи, овцы и быка. Считалось, что таким образом преступник избавляется от моральной скверны. Со временем этот ритуал получил название *lustratio*, что в переводе означает «очищение путем принесения жертвы»<sup>1</sup>.

«Бархатные революции» конца 80-х гг. прошлого столетия в Центральной и Восточной Европе возродили интерес к этой изрядно подзабытой процедуре. Правда, под термином «люстрация» стали понимать уже систему мер, используемую при переходе к демократическому правлению и направленную на выявление политически неблагонадежных лиц, которые запятнали себя сотрудничеством с преступным (прежде всего коммунистическим) режимом. В каких-то странах люстрация приобрела сравнительно мягкие формы (как, скажем, это было в Болгарии или Словакии), в каких-то вообще не проводилась, как, например, в России или Украине, а где-то прошла с большим опозданием подобно польской, запущенной только в 1999 г. Но как бы там ни было, все страны, прошедшие через люстрацию, стремились порвать со своим тоталитарным прошлым, фигурально выражаясь, выйти из «колеи зависимости» от него. Причем сделать это не столько ради наказания виновных в совершенных режимах преступлениях, сколько для того, чтобы поставить своеобразную точку над определенным этапом своего развития, и пойти дальше.

В международно-правовой практике с одинаковым успехом использовались несколько моделей люстрации. В первом типе (Германия, Чехия, Македония) как бы существовали два списка: список «защищенных» от неблагонадежных элементов должностей и список оснований для отнесения к числу таких неблагонадежных элементов. Скажем, президентом страны (первый список) не могло быть лицо, служившее в КГБ (второй список). Во втором

<sup>1</sup> Шевчук С. Європейські стандарти обмеження люстраційних заходів: правовий аспект // Вісник Академії правових наук України. 2006. № 2. С. 32.



типе люстрации (Польша, Литва и Эстония) также имеется два списка, однако их значение иное. Здесь обладатель или соискатель «защищенной» должности обязан заявить о том, подпадает ли он под критерии неблагонадежности (например, сотрудничал ли он со спецслужбами прежнего режима). За ложную декларацию установлена ответственность в виде запрета занимать «защищенные» должности. Так лишилась своей должности, например, министр финансов Польши З. Гилевская, утаившая факт сотрудничества с органами госбезопасности ПНР. Наконец, люстрация третьего типа (Венгрия) сводится к выявлению неблагонадежных граждан, составлению и опубликованию их списков без каких-либо правовых последствий для них<sup>1</sup>.

После трагических событий на Майдане 2013-2014 гг. к данному механизму обратилась и Украина. С небольшим интервалом во времени были приняты два люстрационных закона – Закон «О восстановлении доверия к судебной власти» от 08.04.2014 г., именуемый еще законом о люстрации судей, и Закон «Об очищении власти» от 16.09.2014 г., распространяющийся на других работников государственного аппарата. Их «изюминкой» стало то, что они соединяли в себе различные основания для люстрации. Тут была и работа на высших государственных постах в период правления Януковича (так называемая автоматическая люстрация), и явное несоответствие между расходами и доходами проверяемых, и коммунистическое прошлое последних. Однако результаты этих нововведений оказались более, чем скромными. Так, по данным Минюста, на октябрь 2016 года в процедуре люстрации было уволено около 40 судей. Всего же было уволено 936 должностных лиц. Еще несколько тысяч оставили посты добровольно до начала проверок. Этим чиновникам будет закрыт доступ к государственным должностям до 2024 года.

По оценкам украинского института «Республіка» - гражданского объединения, осуществляющего контроль за выполнением люстрационного законодательства, около 80 % из уволенных лишились своих должностей вследствие пребывания на высоких

<sup>1</sup> Бобринский Н. Международные стандарты в области люстрации: реальность или благопожелание? // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6. С. 15.

должностях в период правления Януковича, примерно 15 % лишились работы по имущественной люстрации и только 5 % были освобождены от должности на основании декоммунизированных критериев (из-за работы в КПСС, комсомоле или КГБ)<sup>1</sup>. Как видим, цифры весьма скромные. Скромные настолько, что позволяют даже некоторым активистам говорить о «срыве люстрации».

Символично также, что 1 марта 2016 г. Высший административный суд Украины посчитал невозможным дальнейшее наказание судей, выносивших неправосудные приговоры активистам Евромайдана. По мнению представителей Высшего суда, закон о люстрации судей имел противоречивую формулировку, предусматривая одновременно одногодичный и трехлетний сроки давности. Суд предпочел ограничить срок привлечения к ответственности только одним годом.

В этой связи закономерно возникает вопрос: почему так происходит? Попробуем выделить основные причины.

Во-первых, украинский закон о люстрации был принят гораздо позднее, чем у большинства европейских соседей: с момента распада Советского Союза минуло 23 года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что партийные функционеры, сохранившие свою власть в 1991 г. и удерживавшие ее вплоть до начала «нулевых», к 2014 г. в большинстве своем уже сошли с политической сцены. А значит, декоммунизировать особо было некого (кроме, разумеется, памятников Ленину). Единственным исключением явились, пожалуй, только те лица, которые на рубеже 80-90-х гг. учились в вузах системы КГБ или работали там на низовых должностях, как, например, люстрированный работник ГУВД г. Киева Николай Сергиенко, начинавший свою карьеру в КГБ электромехаником.

Во-вторых, фокус внимания гражданского общества был смещен вначале на аннексию Крыма, а затем на боевые действия, развернувшиеся летом 2014 г. на Донбассе и продолжающиеся по сию пору. Существует убедительная версия о том, что АТО было ловко использовано властью предержавшими для того, чтобы «перекачать» протестную энергию украинцев с люстрации и контроля за режи-

<sup>1</sup> Статистика приведена по: Лезина Е. Украинская люстрация. Два года спустя // Вестник общественного мнения. 2016, июль-дек. № 3-4. С. 175.

мом Порошенко на поля сражений, с которых многим активистам Евромайдана уже было не суждено вернуться.

В-третьих, люстрация происходила не вследствие падения коммунистической диктатуры, а вследствие революции в той стране, которая формально уже считалась демократической и правовой. Поэтому новому правительству пришлось доказывать, что упраздненный режим на самом деле был недемократическим, и вводить во многом искусственную конструкцию «узурпации власти» для обоснования люстрации. А оно, это обоснование, далеко не всегда выглядело убедительным как в глазах международного сообщества, так и в глазах собственных граждан. Особенно в условиях, когда позиция самих международных институтов характеризуется метаниями от одного полюса к другому.

Скажем, в деле *Жданок против Латвии*, решение по которому было вынесено Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в 2004 г., Суд констатировал нарушение прав заявительницы, члена КПСС в период распада Советского Союза и по этой причине снятой с парламентских выборов, на том основании, что ее действия после достижения Латвией независимости не представляли угрозу конституционному строю. Но уже двумя годами позднее Большая палата Суда пересмотрела первоначальное решение с противоположным результатом: акцент был сделан на концепции «демократии, способной защитить себя» и на «поле усмотрения» государств при установлении критериев люстрации. Голосовавший против этого решения судья из Словении Зупанчич так объяснил отказ власти регистрировать кандидатуру Жданок: «Причина этого отказа в том, что у г-жи Жданок имеется реальный шанс быть избранной. Вот и вся демократия»<sup>1</sup>.

Наконец, нельзя забывать и об определенном противодействии со стороны самого государственного аппарата, не чувствовавшего за собой никакой вины. Особенно этот упрек можно адресовать представителям судебной системы: от Конституционного Суда, оказавшегося не в состоянии на протяжении полутора лет вынести окончательный вердикт о конституционности или неконституционности закона о люстрации, до районных судов, восстанавливавших лиц, подлежащих люстрации, в должности.

<sup>1</sup> <http://khpg.org/index.php?id=1376806128>.

Таким образом, осуществление люстрации в Украине отличается той же непоследовательностью, неряшливостью и отсутствием подлинной политической воли, как и множество других реформ, проведения которых вот уже третий год ждет от новой власти украинский народ. От себя добавим, что в нынешней ситуации следует сосредоточиваться уже не на проведении полномасштабной люстрации, а на эффективном расследовании многочисленных новых злоупотреблений.

Кроме того, не будем забывать, что люстрация, наряду с гибридными судами, комиссиями по установлению истины и другими нетипичными механизмами институциональной трансформации правоохранительной функции государства, является элементом так называемого транзитивного правосудия (transitional justice) или правосудия переходного периода. Указанная концепция используется при осуществлении перехода (транзита) от недемократического и/или обремененного войной правления к правлению демократическому и/или состоянию мира. Поэтому не случайно многие элементы транзитивного правосудия, например, суды с участием иностранцев (гибридные суды), почти невозможны в условиях последовательных демократий, ведь определенным образом они бросают вызов нормальному правовому регулированию, нарушая принципы государственного суверенитета, недискриминации, создают угрозу сохранению «институциональной памяти» в государственном механизме и т. д. Но во время режимных трансформаций в так называемых «частичных демократиях» (по терминологии Freedom House), к которым относится и Украина, они выступают эффективным средством внедрения в государстве принципа верховенства права и необратимости дальнейшего демократического развития.

Не является исключением в этом отношении и люстрация (vetting), то есть система мер, которая применяется при политической трансформации и направлена на выявление политически нелояльных новой демократии лиц, а также на ограничение доступа таких лиц к публичным должностям. В этой связи следует подчеркнуть, что речь идет не о наказании сознательных преступников, сотрудничавших с прежним режимом (в случае доказанности совершения ими преступлений следует применять меры юридиче-

ской, в частности, уголовной ответственности), а о дисквалификации определенных категорий государственных служащих только в силу самого факта их нахождения в высших эшелонах власти - как правило, той власти, которая была свергнута в результате социальной революции («бархатной», «Евромайдана», «Революции роз» и др.). На языке права это называется «презумпция соучастия работника организации в совершенных ею серьезных нарушениях прав человека». Иными словами, речь идет о почти исключительной политической ответственности работников государственного аппарата. Это обстоятельство, без понимания которого невозможно адекватно оценить Закон Украины «Об очищении власти», следует подчеркнуть хотя бы потому, что почти во всех конституционных представлениях в Конституционный Суд отмечалось, что в результате люстрации значительное число людей поставлено «вне закона» только в силу служебного положения без доказательства их вины в совершении конкретных преступлений. Но в этом-то и заключается смысл люстрации как экстраординарного института переходного правосудия!

Если угодно, люстрацию можно сравнить с революцией: нежелательная и не нужная в условиях по-настоящему демократического общества, квалифицируемая как государственный переворот со всеми известными уголовно-правовыми последствиями, революция в условиях гибридных режимов может сыграть большую положительную роль, открыть «окно возможностей» для новых социальных слоев, улучшить рейтинг страны в мировом индексе демократического развития и т. д.

Как подчеркивается в методическом руководстве Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Проверка: основа для практической деятельности», «в постконфликтных и поставторитарных условиях люстрация может заполнить «лауну безнаказанности» - неспособность государства привлечь к ответственности всех преступников из-за нехватки ресурсов и правовых ограничений. Иначе говоря, этот институт - вынужденная замена уголовного преследования, «частичная мера неуголовной ответственности», которая оказывает «карательное воздействие»<sup>1</sup>. В этой связи примечательно, что ряд выдающихся политических

<sup>1</sup> <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/RuleoflawVettingru.pdf>.

деятелей, гуманистов, правозащитников современности, включая В. Гавела и Н. Манделу, были категоричными оппонентами люстрации, считая, что в случившемся «виноваты все» (all of us are responsible).

Показательно, что главным оппонентом люстрации выступает Международная организация труда (далее – МОТ). Ведь она рассматривает люстрационные запреты в качестве неправомерной дискриминации. Ее позиция заключается в том, что ограничения общего характера, не привязанные к особенностям конкретной профессии, противоречат конвенции МОТ № 111. Комитет экспертов МОТ опроверг представление, на котором основывается люстрационный запрет, о том, что чем больше человек ассоциируется с прошлым репрессивным режимом, тем меньше он достоин работать в новом демократическом правительстве<sup>1</sup>.

Следует учитывать - и в этом нас убеждает изучение международных стандартов ограничения люстрационных мероприятий, изложенных в резолюции ПАСЕ от 1996 г. за № 1096, и практики конституционных судов зарубежных стран - что в современном мире нет единых, признанных международным сообществом и юридически обязательных стандартов проведения люстрации. Прежде всего это связано с нетождественностью того исторического пути, который прошли страны перед введением люстрационных процедур, степенью жесткости политического режима, свергнутого во время революционных событий (сложно, например, сравнить диктаторский режим Чаушеску в Румынии и «бандитский капитализм» Януковича в Украине), правовыми традициями и менталитетом в целом, царящими в том или ином обществе. Но отдельные попытки создать такие стандарты были осуществлены профессором Г. Шварцем еще 1994 г. в его известной статье «Люстрация в Восточной Европе», отдельные выводы из которой позже были положены в основу выше упомянутой Резолюции ПАСЕ.

В частности, ученый указывал следующее: 1) люстрирование определенного круга лиц, которые ранее занимались управленческой деятельностью, должно осуществляться исключительно на основании закона, соответствующего национальной Конституции и другим законам, но в любом случае не на основании администра-

<sup>1</sup> Бобринский Н. Указ. соч. С. 20.

тивных и других обычаев; 2) управление люстрационным процессом должно осуществляться специально созданной комиссией в составе уважаемых обществом лиц (*distinguished citizens*), которые предлагаются главой государства и утверждаются парламентом; 3) люстрация может применяться только для устранения или существенного уменьшения опасности, которую вызывают субъекты люстрации в результате использования своего положения для дальнейшего нарушения прав человека или остановки процесса демократизации; 4) люстрация не может использоваться для наказания или мести; 5) риск того, что лиц, подлежащих люстрации, могут шантажировать этой процедурой, не может считаться достаточным аргументом против люстрации; 6) люстрация должна быть направлена на замещение только таких должностей, в отношении которых есть основания считать, что лицо, которое их занимает, может их использовать с целью создания существенных угроз правам человека или демократии, то есть тех должностей в органах государственной власти, через которые разрабатывается и воплощается государственная политика, обеспечивается национальная безопасность, или должностей в правоохранительных органах, службе безопасности, разведке, судебной власти и прокуратуре, которые могут быть использованы для нарушений прав человека; 7) люстрация не может применяться к выборным должностям (*elective offices*), избиратели имеют право избирать по своему усмотрению; 8) люстрация не может применяться к предприятиям, учреждениям и организациям частного сектора или получастного характера; 9) процесс люстрации желателен завершить не позднее 31 декабря 1996 г.; 10) только лица, которые были организаторами, исполнителями или пособниками в совершении серьезных нарушений прав человека, могут быть лишены права на занятие определенных должностей; 11) никто не может подвергаться люстрационному процессу только на основании членства в организации или деятельности в пользу любой организации, которые считались правомерными при существовании такой организации или осуществлении такой деятельности, или исходя из личных взглядов или убеждений; 12) люстрация не должна применяться к лицам, не достигшим 18 лет на момент совершения соответствующих действий; 13) в любом случае, лицо нельзя подвергать лю-

страции без предоставления всех гарантий надлежащей правовой процедуры, включая право на защиту, право быть ознакомленным с материалами дела и всеми доказательствами по нему, право предоставлять свои доказательства, право на открытый процесс, если этого требует субъект обвинения, право на обжалование в независимый судебный орган и тому подобное<sup>1</sup>. Следует также учитывать «фактор Шиндлера» - люстрация не коснется лиц, которые пытались сознательно ввести в заблуждение службу безопасности путем имитации сотрудничества<sup>2</sup>.

Фактически это без преувеличения эксклюзивная, более или менее внутренне непротиворечивая концепция, которую можно считать своеобразным «катехизисом» люстрационных стандартов, имеющая, впрочем, исключительно рекомендательный характер и относящаяся к так называемому мягкому международному праву (*soft law*). Во всех остальных случаях попытки разработать указанные стандарты без учета национального контекста никогда не приводили к успеху. Даже практика ЕСПЧ в этом отношении не является последовательной. Так, по делу *Адамсонс против Латвии* Суд констатировал непропорциональное ограничение права на свободные выборы на основании того, что ограниченная в пассивном избирательном праве социальная группа (бывшие сотрудники КГБ) «характеризуется слишком общими признаками» и, как следствие, «любое ограничение избирательных прав ее членов должно было исходить из индивидуального подхода, который позволяет учесть их фактическое поведение». Вместе с тем в деле *Жданок против Латвии*, где речь шла о снятии с выборов бывшего члена КПСС Жданок, Суд, наоборот, признал совместимым с Евроконвенцией запрет на основании принадлежности к политической организации (Компартии). «Если подобное ограничение, - указывалось в решении, - практически не может быть допущено в одной политической системе, как, например, в странах, в которых демократические институты были установлены несколько десятилетий или веков назад, то оно может считаться приемлемым в Латвии

<sup>1</sup> Schwartz H. Lustration in Eastern Europe // *Transitional justice* / Ed. by N. Kritz. V. I. General considerations. W.: US Institute of Peace Press, 1995. P. 476-482.

<sup>2</sup> Posner E., Vermeule A. *Transitional justice as ordinary justice* // University of Chicago, Public law and legal theory working paper. 2003. № 40. P. 43.

с учетом историко-политического контекста, который привел к его принятию, и угрозы, которую представляет для нового демократического правопорядка воскрешение идей, которые создают опасность восстановления тоталитарного режима, если дать им возможность занять территорию» (п. 133 *Жданок против Латвии*).

Перед новой властью, осуществляющей люстрационные мероприятия, рано или поздно возникает вопрос о критериях люстрации. Здесь возможны несколько подходов: либо в законодательстве указывается набор формальных критериев для запрета, например, принадлежность к правящей партии или занятие определенных должностей в четко установленный период времени, что, в свою очередь, представляет собой объективный и легко доказанный факт, а вина люстрированного лица, таким образом, не принимается во внимание, как это, скажем, сделано в нашей стране, либо осуществляется более сложная попытка индивидуальной оценки степени интегрированности чиновника в противоправные практики бывшей власти и мотивов его участия. Последним путем пошла люстрация в Боснии и Герцеговине. Однако в этом случае следует учитывать, во-первых, небольшую численность государственного аппарата этой страны, ведь все население Боснии составляет менее 4 млн. человек, а во-вторых, то обстоятельство, что там люстрация прежде всего была направлена против лиц, которые непосредственно совершили военные преступления во время Югославской войны 1991-1995 гг., доказать которые гораздо легче, чем коррупционные деяния, профессиональную некомпетентность и т. п.

Итак, в современном мире люстрация или вообще исключается как дискриминационная практика (МОТ), или квалифицируется в качестве инструмента оценки приемлемости человека для государственной службы на основании его личностных характеристик, прежде всего компетентности и честности (ООН), или понимается как способ преодоления тоталитарного прошлого и защиты демократического строя от его рецидивов (страны Европы).

Теперь несколько слов о конкретных положениях Закона Украины «Об очищении власти», которые оспаривают заявители в процедуре конституционного судопроизводства.

Прежде всего в конституционных представлениях подвергается критике сама модель проведения люстрации, предусмотренная

названным Законом. Мы уже писали о том, что в мировой практике применялись по меньшей мере три типа люстрации. При первом (Чехия, Германия, Литва по отношению к бывшим офицерам КГБ, Латвия, та же Босния, Македония и Украина) используются два списка, один из которых включает «защищенные» от нелояльных элементов должности и профессии (ст. 2 Закона Украины «Об очищении власти»), а другой - основания для отнесения к числу таких нелояльных элементов (ст. 3 указанного Закона). Во втором типе (Польша, Литва, Эстония) имеют место два списка, однако их значение несколько иное. В данном случае соискатель «защищенной» должности обязан предупредить о том, подпадает ли он под критерии нелояльности (например, сотрудничал ли он со спецслужбами бывшего режима). За ложную декларацию установлена ответственность в виде запрета занимать «защищенные» должности. Наконец, люстрация третьего типа (Венгрия, Литва, Эстония и Словакия) сводится к выявлению нелояльных граждан, составлению и обнародованию их списков вообще без каких-либо последствий для них. Таким образом, в первом случае люстрация представляет собой запрет определенным лицам занимать некоторые должности, во втором - обязательное декларирование сведений о себе под угрозой ответственности за ложную декларацию, в третьем - официальное установление и обнародование фактов о конкретных лицах. Сам по себе выбор той или иной модели люстрации относится к исключительной компетенции законодателя и является вопросом политической целесообразности, которая, в свою очередь, обусловлена рядом политических, исторических, социально-экономических, культурных и других факторов, на которые нельзя повлиять средствами конституционного контроля.

Кроме того, в конституционных представлениях ставится под сомнение конституционность ч. 4 ст. 3 Закона Украины «Об очищении власти» относительно функционеров советского режима. В этой связи действительно следует отметить неоднозначность этих положений. С одной стороны, международные документы рекомендуют проводить люстрационные меры в первые пять лет с момента свержения коммунистического режима, в то время, как соответствующая норма появилась в украинском законодательстве спустя 24 года после обретения независимости. Более того,

Венецианская комиссия отметила, что «убедительные причины для оправдания люстрации в отношении лиц, которые имели отношение к коммунистическому режиму, должны быть приведены». В своем окончательном заключении о Законе Украины «Об очищении власти» от 19.06.2015 г. Комиссия, ссылаясь на решение ЕСПЧ по делу *Адамсонс против Латвии*, в очередной раз напомнила, что «меры люстрации, которые по своей природе являются временно объективной необходимостью для ограничения отдельных прав, должны ослабляться с течением времени, а ... необходимость использования люстрационных мер в отношении представителей этого режима, почти через 25 лет после его падения, является спорным вопросом» (п. 70 окончательного заключения). И далее: «Вполне вероятно, что некоторые из представителей коммунистического режима до сих пор являются угрозой для демократического режима Украины. Тем не менее, занятие ими определенных должностей до 1991 г. не может свидетельствовать об этом напрямую. Их поведение и деятельность должны приниматься во внимание также по истечении указанного периода»<sup>1</sup>.

Вместе с тем следует учитывать правовую позицию ЕСПЧ, изложенную им в деле *Жданок против Латвии*, согласно которой «тот факт, что оспариваемое мероприятие не было введено парламентом сразу после восстановления независимости, не является решающим в данном случае... Не является неожиданным, что новому демократическому законодательному органу, который находился в политическом порыве, было необходимо время на раздумья для того, чтобы изучить, какие меры ему следует предусмотреть, дабы выполнить свою задачу» (п. 131 *Жданок против Латвии*). Считаю, что этот аргумент *mutatis mutandis* может быть использован и национальным Конституционным Судом в том случае, если он все же придет к выводу о конституционности оспариваемого положения.

Кроме того, Суд в указанном постановлении подчеркнул, что «власти Латвии, как законодательные, так и судебные органы, имеют больше возможностей для того, чтобы оценить трудности, которые возникают при установлении и сохранении демократического правопорядка. Следовательно, необходимо предоставить им

<sup>1</sup> <http://lku.org.ua/bills/21>.

достаточное пространство при определении интересов общества, поскольку речь идет о создании доверия в новых демократических институтах...» (п. 134). В свою очередь, национальная власть Украины уже не раз демонстрировала свое негативное отношение к советскому прошлому, пытаясь убрать его из современного политического контекста. Об этом свидетельствует, в частности, принятие Закона Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики», а также запрет Киевским окружным административным судом Коммунистической партии Украины, на что государство в принципе имеет право, исходя из концепции «воинствующей демократии» (см. постановление ЕСПЧ по делу *Рефах против Турции*). С этой точки зрения запрет для бывших чиновников советского режима занимать должности в новейшей Украине выглядит вполне закономерным.

Также у заявителей возникли сомнения в конституционности ч. 3 ст. 1 Закона Украины «Об очищении власти», согласно которой в течение 10 лет со дня вступления в силу настоящего Закона должности, в отношении которых осуществляется люстрация, не могут занимать чиновники из коммунистической эпохи, а также лица из режима Януковича, которые занимали высокие посты во время событий на Майдане, и лица, признанные виновными в коррупции.

Очевидно, что 10-летний период, предусмотренный в оспариваемом Законе, противоречит требованиям Рекомендации ПАСЕ 1996 г., ибо «запрет на занятие должностей в соответствии с люстрацией не должен быть более 5 лет, поскольку способность к позитивным изменениям в отношении и привычках индивида не следует недооценивать». Вместе с тем, как указал Конституционный Суд Чехии в 2001 г., «определение степени развития демократии в конкретной стране является вопросом социально-политическим, а не конституционным». Поскольку страны Центральной и Восточной Европы в своем развитии шли разными путями и темпами после 90-х гг. прошлого века, и риск возобновления тоталитарного/ авторитарного режима является более реальным в некоторых из них, в том числе Украине, то, по мнению Венецианской комиссии, «некоторые ключевые вопросы

должны оставаться на усмотрение действующей власти, в частности по определению периода применения люстрации» (п. 74 заключения от 19.06.2015 г.). С этой точки зрения 10-летний период дисквалификации можно считать вполне конституционным, учитывая современные украинские реалии.

Как видим, при проверке на конституционность Закона «Об очищении власти» Конституционный Суд Украины будет вынужден выбирать одну из двух взаимоисключающих альтернатив, каждая из которых по-своему является конституционной и может быть с легкостью усилена одинаково убедительной аргументацией. Поэтому при принятии органом конституционной юрисдикции окончательного решения по этому делу решающее значение, как никогда ранее, будет иметь личная профессиональная позиция каждого судьи, его правовые и в определенной степени политические убеждения, собственная оценка событий в Украине, которые произошли в течение последних трех лет.

### 1.3. «Проработка прошлого» как средство легитимации нового конституционного порядка

*Всемирная история есть всемирный суд*  
Ф. Шиллер

«Прошлое прошло: было ли оно удачным или лучше бы его и вовсе не было, признаем ли мы за ним какой-то «смысл» или не признаем – все это в равной мере лишено значения». Комментируя приведенные слова «мудреца из Монтаньолы» - так называли в последние годы жизни всемирно известного швейцарского писателя Германа Гессе, советский журналист-международник А. Е. Бовин писал: «Прошлое прошло... Тезис, который невозможно оспорить. Но, пожалуй, столь же бесспорен и антитезис: прошлое не прошло. Оно в нас и вокруг нас. Мы погружены в него своими мыслями и делами. Ибо сегодняшние мысли и сегодняшние дела таковы, какими их сформировал вчерашний и позавчерашний опыт. И смысл прошлого, независимо от того, признаем мы его или нет, имеет

значение. Ибо маршруты, которыми мы идем сегодня, начертаны и начаты в том самом прошлом, которое прошло»<sup>1</sup>.

Судебная власть, как, быть может, никакая другая, обращена в прошлое. В отличие от законодателя, устанавливающего оптимальную правовую форму для развития социальных отношений в будущем, и исполнительной власти, оперативно разрешающей повседневно возникающие проблемы, судья призван дать правовую оценку уже свершившимся фактам, событиям, человеческим поступкам. В сущности, сама юридическая профессия возникла тогда, когда судья перестал быть свидетелем происшествия, в силу чего возникла надобность не в быстрой реакции на увиденное (например, убить вора на месте происшествия), а в восстановлении в голове того, чего не наблюдал лично. А значит, наступило время, когда потребовалось выработать специальные правила установления событий прошлого, не опираясь ни на собственную память (очевидец перестал быть судьей), ни на всезнание сверхъестественных существ (ордалии и проч.). Так возникло доказательственное право, трактуемое, каким образом сегодня можно установить то, что было вчера<sup>2</sup>.

Международное правосудие в не меньшей степени, нежели правосудие национальное, погружено в прошлое. Не случайно, во многих делах судьи Европейского Суда по правам человека, Международного Суда ООН, международных уголовных трибуналов вынуждены давать не только правовую квалификацию предполагаемых нарушений, но также и правовую оценку фактам, в том числе историческим, представленным сторонами, а иногда и канцелярией суда. Причем в международном правосудии такая оценка существенно затруднена тем, что судьи – выдвинутые государствами с различными культурными и правовыми традициями, имеющие нетождественный профессиональный опыт – вынуждены зачастую оценивать события в тех странах, историю которых они знают весьма поверхностно и в которых им, говоря словами И. Бродского, «никогда не бросать якорей». Балканский историк и эксперт Международного трибунала по бывшей Югославии (да-

<sup>1</sup> Бовин А. Е. Мир семидесятых. М.: Известия, 1980. С. 130.

<sup>2</sup> Пашин С. А. Судебная реформа и суд присяжных. М.: РПА МЮ РФ, 1995. С. 37, 38.

лее – МТБЮ) Р. Дониа вспоминал, что «когда начались судебные процессы, большинство судей оказались совершенно незнакомы с историей и культурой региона, в котором были совершены предполагаемые преступления»<sup>1</sup>. Как следствие, международные судьи уже не могут положиться на «непосредственное чутье культурных преемников»<sup>2</sup>, а вынуждены прислушиваться к мнению многочисленных экспертов, специализирующихся на определенном национально-историческом контексте.

Такое положение вещей имплицитно приводит к тому, что любой международный трибунал, даже самый компетентный и независимый, рано или поздно попадает под огонь критики национальных сообществ и выступающих от их имени элит. Так, МТБЮ обвиняют в западном снобизме и антисербском уклоне, Международный уголовный суд – в акценте преимущественно на африканских делах, ЕСПЧ – в стремлении переложить львиную долю своей работы обратно на национальные суды (забавно, но на одном семинаре, проводившемся не так давно в Конституционном Суде Украины, было высказано мнение, будто введение в прошлом году института конституционной жалобы было ни чем иным, как результатом давления западных «доноров» с целью освободить ЕСПЧ от украинских жалоб) и т. д.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что международные суды платят своим критикам сторицей, вследствие чего конструирование прошлого в их решениях зачастую полностью опровергает официально признанную на национальном уровне версию тех или иных событий. Так, в недавнем решении по делу *Тагаева и другие против России* ЕСПЧ пришел к выводу, что подавляющее большинство бесланских заложников в школе № 1 погибло не в результате действий чеченских боевиков, как принято считать, а вследствие неумелых действий российских правоохранительных структур (в частности, стрельбе по школе из танка и т. д.)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: *Wilson R. A. Judging history: the historical record of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Human rights quarterly. 2005. Vol. 27. P. 926.*

<sup>2</sup> *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 332.*

<sup>3</sup> <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172660>.

Справедливости ради отметим, что критика, раздающаяся в адрес международных судов и судей, не нова. Х. Арендт описывает, как на процессе в Иерусалиме в 1961 году А. Эйхман, оберштурмбанфюрер СС, ответственный за «окончательное решение еврейского вопроса», заявил судьям, что они вообще не имеют права его судить: не имеет права рассуждать тот, кто Там не был. Когда же Эйхману сказали, что у него был выбор и что он мог избежать исполнения преступных поручений, он ответил, что это не более чем иллюзия, возникшая после войны у тех, кто никогда не знал или успел забыть, как все было на самом деле<sup>1</sup>.

Видимо, именно на судебных процессах против нацистских преступников человечество впервые задумалось об Истории не только как о некоем мериле действий обвиняемых, но и о том, что сами эти процессы со временем станут ее достоянием. Переводчик американской фазы обвинения в период Нюрнбергского процесса 1945-1946 гг. Р. Зонненфельдт вспоминал, как его потрясло то обстоятельство, что главный обвинитель от США Р. Джексон начал свою вступительную речь с исторической важности самого процесса, а потом уже сказал о его правовом значении<sup>2</sup>.

Примечательно, что спустя десятилетия в той же Германии исторический дискурс сместился с «народа-преступника» на «народ-жертву». Чаще всего обыгрывались три основных сюжета: бомбардировки немецких городов авиацией союзников, изнасилования немецких женщин и принудительная депортация немцев из Восточной Европы. При этом немецкими историками использовался тот же семантический ряд, что традиционно используется при описании ужасов Холокоста. Так, Й. Фридрих, повествуя в своей книге об «огненном смерче» в немецких городах, именовал эскадрильи бомбардировщиков «айнзац-группами», горящие бомбоубежища – «газовыми камерами», а погибших в результате бомбардировок немцев – «истребленными». Тем самым речь уже идет о своеобразной конкуренции между различными версиями прошлого, о так называемых «войнах памяти»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> *Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. С. 48, 49.*

<sup>2</sup> *Зонненфельдт Р. Очевидец Нюрнберга. М.: Центрполиграф, 2013. С. 65.*

<sup>3</sup> *Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 203.*



В самом деле, как метко заметил известный правовед А. Чарнота, «в современном мире для управления будущим необходимо обладать контролем не только над настоящим, но и над прошлым»<sup>1</sup>. Прошлое постоянно переписывается, меняет акценты, дополняется, а иногда и откровенно фальсифицируется, становясь, в конечном итоге, непознаваемым. Характерный в этом отношении пример приводит С. Коэн. Согласно его свидетельству, пребывающие в запустении деревенские кладбища в Литве и Латвии прошли уже три стадии переименования. До распада коммунистической системы написанная от руки табличка указывала, что в безымянных могилах покоятся «жертвы фашизма», а о том, что практически все они были местными евреями, не упоминалось вовсе. В первую волну воскрешения памяти, пришедшую на конец 1980-х гг., прежнее обозначение сменилось новым – «еврейские жертвы». Последующий рост национализма отдал семиотический приоритет «литовским жертвам» – мужественным борцам с нацизмом и сталинизмом<sup>2</sup>.

Но особенно радикально историческая память, а вслед за ней и «юридическая совесть», эволюционируют при смене поколений. В 1997 году Францию потряс судебный процесс по делу Папона. Сам М. Папон – французский коллаборационист, соратник руководителя лионского гестапо К. Барбье, был палачом легендарного Жана Мулена, одного из лидеров Движения Сопротивления. Однако к моменту ареста Папон был уже глубоким стариком. Его адвокаты настояли, чтобы Папона судили не профессиональные судьи, а суд присяжных – ассизов. Скамья присяжных в результате отводов была сформирована таким образом, что в ней доминировали молодые люди или, во всяком случае, люди, родившиеся после окончания Второй мировой войны. Как следствие, государственному обвинителю пришлось затратить невероятные усилия на то, чтобы разъяснить присяжным заседателям, чем знаменит Мулен, кто такой Барбье, что происходило во Франции в период «Респу-

<sup>1</sup> Чарнота А. Право, память и забвение: регулирование коллективной памяти квазисудебными институтами // Общество и право: исследовательские перспективы: Сб. ст. / Ред.-сост. А. Кондаков. СПб.: ЦНСИ, 2015. С. 187.

<sup>2</sup> Коэн С. Войны памяти и комиссии по примирению // <http://www.index.org.ru/journal/14/koen1401.html>.

блики Виши» и многие другие факты 50-летней давности<sup>1</sup>. А теперь зададимся вопросом: если бы осуждение Папона происходило сразу после окончания войны, испытывало бы государственное обвинение столь ощутимые затруднения? Очевидно, что нет. Ведь как указывает А. Ассман, глубокий знаток данной проблематики, при жизни непосредственных участников событий «внешние темпоральные конструкции и психодинамические ритмы еще находятся по отношению друг к другу в неустойчивом взаимодействии. Абстрактная логика дат и годовщин еще корреспондирует для очевидцев и пострадавших с динамикой внутренних потрясений»<sup>2</sup>.

Любопытно, что выступавший на том же процессе в качестве эксперта американский историк Р. Пэкстон заявил буквально следующее: «Историк не свидетель. Историк не судья. Но у него очень важная роль в процессе. Она состоит не в том, чтобы сообщить, что он видел, но в том, чтобы предоставить контекст, базирующийся по возможности на документах, в свете которого некоторые заявления сторон оказываются невозможными, зато некоторые объяснения становятся яснее»<sup>3</sup>.

Неслучайно поэтому в праве, в том числе международном уголовном, выработаны некие правила взаимодействия правосудия с прошлым, среди которых принцип *lex retro non agit* (закон не может иметь обратную силу), из которого, впрочем, постоянно делаются исключения, принцип индивидуальной ответственности (в противном случае, как не без иронии заметила Х. Арендт, «там, где виноваты все, не виноват никто»<sup>4</sup>), концепция сроков давности, по истечении которых человека нельзя привлекать к ответственности, и ряд других. Огромное значение имеет также субъективная воля тех лиц, которые призваны осуществлять уголовное преследование за военные преступления. Так, по сведениям А. И. Ковлера, если в 1948 году и 1949 году суды Западной Германии осудили соответственно 1819 и 1523 нацистских преступника,

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Rouso H. Justice, history and memory in France: reflections on the Papon trial // Politics and the past / Ed. by J. Torpey. L.: Rowman & Littlefield Publ. Inc., 2003. P. 277-293.*

<sup>2</sup> Ассман А. Указ. соч. С. 251.

<sup>3</sup> Ibid. P. 277.

<sup>4</sup> Арендт Х. Указ. соч. С. 59.

то в 1955 году, т. е. по прошествии 10 лет после окончания войны, таких приговоров было только 21. По мнению ряда исследователей, причиной этого являлись не только истечение срока давности и законы об амнистии для преступлений меньшей тяжести, но в основном «пассивное отношение прокуроров к нацистским преступлениям»<sup>1</sup>. С другой стороны, нельзя не упомянуть легендарного прокурора земли Гессен Ф. Бауэра, который, стремясь пролить свет на преступления Третьего рейха и призвать к ответственности лиц, совершавших преступления, добился решения Верховного федерального суда ФРГ в Карлсруэ, согласно которому все дела, имеющие отношение к концентрационному лагерю Освенцим, отныне подлежали юрисдикции земельного суда во Франкфурт-на-Майне. Таким образом, Бауэр подготовил один из основных процессов над нацистскими преступниками в истории послевоенной ФРГ – Франкфуртский процесс 1963-1965 гг.<sup>2</sup>

Многие страны не чужаются и обратного процесса – переписывания прошлого с помощью правовых норм и судебных решений. Таким образом, по словам А. Чарноты, «вместо того, чтобы принять доминирующий исторический нарратив как данность, право, скорее, стремится его реконструировать или воссоздать. Для реализации своей роли регулятора настоящего и будущего право меняет прошлое, тем самым включая прошлое (не только настоящее и будущее) в сферу своего действия»<sup>3</sup>. В этой связи уместно упомянуть украинские законы о Голодоморе 1932-1933 гг., осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики, отчасти закон об очищении власти и т. д.

Однако возникает вопрос – как в этой ситуации действовать правосудию? Как должен поступить Конституционный Суд Украины, в который не так давно обжаловали закон «об осуждении памяти», - полностью отрешиться от исторической обоснованности обжалуемых норм, придя тем самым к выводу об их некон-

<sup>1</sup> Ковлер А. И. После «Кононова» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9. С. 11.

<sup>2</sup> Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011. № 3. С. 27.

<sup>3</sup> Чарнота А. Указ. соч. С. 188.

ституционности в силу закрепленного принципа идеологического плюрализма, или все же попытаться ответить на вопрос, каким негативным историческим опытом руководствовался законодатель при принятии соответствующего акта, обратившись к концепции «воинствующей демократии»? И как в таком случае органу конституционной юрисдикции избежать неких оценочных суждений, в отношении которых у украинского народа никогда не будет полного консенсуса?

Нечто похожее происходило в Конституционном Суде России в 1992 году, на процессе по делу КПСС, призванном стать «вторым Нюрнбергом». В своем особом мнении судья А. Л. Кононов, отвергая стремление Суда ограничиться лишь последними двумя годами в деятельности Компартии, подчеркивал, что «Конституционный Суд был обязан исследовать и оценить с точки зрения конституционности все решения и деяния КПСС. Хотя и совершенные в прошлом, за пределами действия настоящей Конституции Российской Федерации, к моменту пресечения деятельности КПСС Указом Президента от 6 ноября 1991 года конституционные нарушения продолжали сохранять актуальный характер, последствия их не были устранены, они не подвергались судебной оценке и, следовательно, не повлекли для субъекта какой-либо юридической ответственности»<sup>1</sup>.

Как видим, в современных условиях судебное решение становится уже не неким политически нейтральным и формализованным актом государственной власти, а в него вводится также определенная интерпретация исторических событий, фактов, эпизодов, которые как бы становятся его интегральной частью. Как писала Р. Уитц, «аргументы от истории предполагают, что решение базируется на прочной, хорошо утвердившейся за долгое время основе. Иными словами, решения, основывающиеся на исторических отсылках, как бы защищают сложившееся статус-кво; они создают впечатление стабильности и преемственности»<sup>2</sup>. Однако сказанное справедливо лишь для относительно консолидированных обществ

<sup>1</sup> [https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление\\_Конституционного\\_Суда\\_РФ\\_от\\_30.11.1992\\_№\\_9-П/Особое\\_мнение\\_А.\\_Л.\\_Кононова](https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Конституционного_Суда_РФ_от_30.11.1992_№_9-П/Особое_мнение_А._Л._Кононова).

<sup>2</sup> Уитц Р. Об отсутствии определенности в толковании конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1. С. 27.

наподобие британского. В условиях же «разделенных обществ», подобно украинскому или постюгославскому, такие исторические ретроспекции никогда не будут полностью легитимными, ибо военные преступники для одной части общества всегда будут казаться героями в глазах другой.

Не секрет, что в последние годы на Западе широкое распространение получила концепция «транзитивного правосудия» (правосудия переходного периода). Она означает комплексную стратегию институциональных трансформаций судебной функции государства, осуществляемых при переходе (транзите) от недемократического и/или отягощенного войной правления к правлению демократическому и/или состоянию мира. В частности, как подчеркивается в Обновленном Своде принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью, разработанном Комиссией ООН по правам человека, речь идет о «ситуациях, открывающих, в рамках продвижения страны к демократии или мирным переговорам в целях прекращения вооруженного конфликта, путь к достижению, независимо от его формы, соглашения, на основании которого действующие субъекты или соответствующие стороны договариваются принять меры для борьбы с безнаказанностью и недопущения повторения нарушений прав человека»<sup>1</sup>.

В то же время приходится констатировать, что несмотря на солидные концептуальные и эмпирические наработки относительно транзитивного правосудия (достаточно назвать имена Р. и Э. Познеров, Н. Критца, Э. Соттаса, Р. Тейтел, О. Симич и многих других ученых), невольно ловишь себя на мысли, что некоторые авторы все же не отводят значительной роли в демократических преобразованиях таким факторам, как историческое прошлое страны, этнический состав населения, социокультурные традиции. А некоторые из трактовок отрицают и значимость экономического фактора. Видимо, считается, что само движение в сторону демократии обладает мощным потенциалом, способным нейтрализовать национальные особенности или уменьшить их значение.

Концепция транзитивного правосудия вообще носит несколько идеалистический характер, оперируя такими весьма далекими

<sup>1</sup> Цит. по: *Бобринский Н. А.* Правовые основы правосудия переходного периода в документах ООН // Библиотека криминалиста. 2014. № 5. С. 325.

от институционального строительства категориями, как «добро», «зло», «примирение» и т. п. Если выразить основной посыл этой концепции предельно общо, то для того, чтобы закончить переходный период, необходимо проклясть прошлое, объявить его «зоной зла» (*zone du mal*) и начать выстраивать судебную систему с нуля, импортируя при этом уже готовые рецепты, выработанные западной, преимущественно англо-американской, политико-правовой мыслью. Между тем достаточно лишь представить себе судебную систему, которая никогда не допускала каких-либо ошибок в прошлом и не допускает их в настоящее время, дабы убедиться, что ни одна правовая или судебная система не соответствует и не может соответствовать подобного рода идеальной конструкции. Это, в свою очередь, приводит нас к несколько парадоксальному выводу о том, что либо все судебные системы нуждаются в скорейшем транзите, либо политика «преодоления прошлого» носит несколько субъективный, вкусовой характер и варьируется в зависимости от текущей политической конъюнктуры<sup>1</sup>. Как метко подметил И. Пржибань, «взаимодействие с прошлым – это форма взаимодействия и с настоящим, которое преподносится существующими в новых обстоятельствах акторами с их собственными интересами»<sup>2</sup>.

Как бы там ни было, к составным элементам транзитивного правосудия традиционно относят: 1) уголовное судопроизводство, причем как на внутригосударственном, так и на международном уровнях, позволяющее в специальных процедурах привлечь к ответственности лиц, совершивших тягчайшие преступления; 2) право на истину, т. е. особую деятельность органов государственной власти и неправительственных организаций, направленную на установление фактов военных преступлений, геноцида, массовых изнасилований и проч.; 3) репарации – некие компенсации, выплачиваемые мирным гражданам, пострадавшим в ходе боевых действий, или их наследникам, а также ряд мер, направленных на

<sup>1</sup> Подробнее о дискуссионности термина «транзитивное правосудие» см.: *Golovko L.* L'évolution de la justice en Russie: routine des reformes ou transition éternelle ? // *Revue Est Europa*, numero special. 2014. № 1. P. 128, 129.

<sup>2</sup> *Пржибань И.* Многообразие моделей перехода от авторитаризма к демократии // *Общество и право: исследовательские перспективы*. С. 181.

дальнейшую ресоциализацию лиц, участвовавших в конфликте, и, наконец, 4) институциональные реформы, иначе говоря, такие изменения в государственном механизме, которые делают необратимым процесс его демократизации и знаменуют собой «точку невозврата» к тоталитарному или правонарушающему прошлому<sup>1</sup>.

Как уже отмечалось, одним из важнейших элементов транзитивного правосудия является «право на истину», которое в силу своей природы неотделимо от установления фактов травмирующего прошлого. Считается, что для того, чтобы успешно пройти переходный период и устремиться к другой, более счастливой жизни, необходимо узнать всю правду об имевших место актах геноцида, военных преступлениях и других злодеяниях. Однако этот тезис, один из краеугольных в доктрине транзитивного правосудия, тоже подвергается критике. Писатель, историк и бывший узник Освенцима и Бухенвальда И. Иваньи подчеркивал, что полностью рассказать о Холокосте никогда не удастся. Он обосновывал свою мысль формулой, которую произносит свидетель в англосаксонском суде, обязуясь говорить «правду, всю правду и ничего кроме правды»: «Вся правда о концентрационных лагерях и всех убийствах, массовых казнях, допросах и пытках, совершенных людьми в немецкой форме, есть нечто гораздо большее, нежели сумма всех воспоминаний не только тех, кто подвергся казням, пыткам, депортациям или угрозам, но, разумеется, и их охранников, а также чиновников, организовавших репрессии, железнодорожников, осуществлявших перевозки в концлагерь, очевидцев и тех, кто предпочитал делать вид, будто ничего не замечает, словом, опыт целого поколения. Не будем себя обманывать: вся правда для нас так же недостижима, как если бы ее вовсе не было, а через пятьдесят или сто лет эта проблема станет еще острее»<sup>2</sup>.

С приведенным высказыванием сложно поспорить. Однако необходимо учитывать, что международное правосудие все же позволяет воссоздать наиболее типичную модель совершенных преступлений, некий общий *modus operandi*. Так, применительно

<sup>1</sup> См.: Раздаточный материал для сессий тренинга «Механизмы правосудия переходного периода и права человека в конфликтных и постконфликтных ситуациях» / Сост. Н. Ченгич. Сараево: Академия мира, 2015.

<sup>2</sup> Цит. по: Ассман А. Указ. соч. С. 259.

к руандийскому геноциду 1994 года он состоял в том, что обычно вооруженные силы начинали обстрелы из стрелкового оружия и минометов, вынуждая людей искать убежища в церквях, больницах и т. д. Затем «ополченцы» входили в здания и добивали людей при помощи мачете и другого холодного оружия<sup>1</sup>. Тем самым по мере продвижения от дела к делу и увеличения числа приговоров составляется общая картина случившегося.

К слову, деятельность Международного трибунала по Руанде породила интересный феномен, именуемый «политикой одной памяти». По мнению многих историков, когда трибунал дает упрощенную картину происходившего («хорошие» тутси и «плохие» хуту, уничтожавшие тутси и сочувствовавших им хуту), и отказывается оценивать деятельность Руандийского патриотического союза, возглавляемого лидером тутси П. Кагаме, то это закономерно приводит к тому, что практика трибунала используется для закрепления только одной версии событий<sup>2</sup>.

Не впадая вслед за И. Иваньи в чрезмерный скептицизм, отметим, что государство, находящееся на переходном этапе своего развития, а значит и его судебные органы, может придерживаться двух основных стратегий по отношению к своему прошлому:

1. *Политика замалчивания.* Сторонники такого подхода полагают, что после окончания войны, революции, смерти диктатора и т. п. общество должно сосредоточиться не на сведении старых счетов, а на дальнейшем продвижении вперед. Поэтому по отношению к наследию прошлого используется принцип *silencio* (молчание). В частности, сторонниками такой политики были испанский премьер А. Суарес, пришедший к власти после смерти генералиссимуса Франко, сербский президент В. Коштуница, получивший полномочия вследствие «Бульдозерной революции» 5 октября 2000 г., и некоторые другие политики. Сторонником такого же подхода, насколько можно судить, был немецкий канцлер К. Аденауэр, полагавший, что «значение должно придаваться не

<sup>1</sup> Мезе Э. Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного уголовного трибунала по Руанде // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 58.

<sup>2</sup> Коротеев К. Европейский Суд по правам человека и историческая память // <http://urokiistorii.ru/node/52682>.

тому, что человек делал во времена национал-социализма и как он к этому прошлому относится, а лишь тому, что он в состоянии и готов дать новому строю и за что он ответственен в своей нынешней профессиональной и общественной деятельности»<sup>1</sup>.

При таком подходе осуществляется замалчивание тем, которые могут расколоть нацию, демонстрируется отказ от проведения люстрации, происходит «ползучая» интеграция старых работников аппарата власти в новые демократические структуры (что, впрочем, не лишает возможности точечного избавления от наиболее одиозных лидеров предыдущего режима и даже передачи их международному правосудию, как это произошло с президентом Сербии С. Милошевичем). Заметим попутно, что такое отношение к прошлому не было сугубо испанским или сербским изобретением. Как указывает А. Ассман, после поражения от немецко-прусской армии в войне 1870-1871 гг. мемориальная заповедь французов гласила: «Никогда не говорить, но всегда думать об этом!»<sup>2</sup> Еще раньше, во времена древних греков, существовало слово «*mnesika-kein*», означающее запрет публично упоминать зло и страдания, причиненные одной стороной другой стороне. Тем самым закон предотвращал самовиктимизацию и культивирование собственного жертвенного статуса, которые порождают жажду мести и способны спровоцировать новый виток в спирали насилия.

Несомненно, в такой стратегии есть свое рациональное зерно. В самом деле, «если память способствует разжиганию ненависти и возбуждает жажду мести, то забвение может умиротворить конфликтующие стороны и инициировать жизненно важную фазу реинтеграции»<sup>3</sup>. Иными словами, забвение, особенно сопровождаемое широкой амнистией, в определенной степени способствует быстрой политической и социальной интеграции общества, нейтрализует конфликтный потенциал враждующих сторон.

2. Вторую стратегию условно можно назвать «*never again!*» («больше никогда!»). Она и используется в транзитивном правосу-

<sup>1</sup> Кениг Х. Будущее прошлого. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21.

<sup>2</sup> Ассман А. Указ. соч. С. 269.

<sup>3</sup> Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 196.

дии чаще всего<sup>1</sup>. Ее сторонники исходят из фрейдистского по сути тезиса о том, что вытесненные в бессознательное и, таким образом, скрытые от взора разума психологические травмы и проблемы – синдромы, которые не получают разрешения, – проявляются позднее в замаскированной форме невротических симптомов, значительно осложняющих жизнь людей. Следовательно, вытесненные и потому «непроговоренные» проблемы должны быть выведены на сознательный уровень (постулат З. Фрейда «опишите чувства в словах»). В противном случае, общество, не разобравшееся со своим прошлым, снова и снова будет попадать под действие однажды полученной и не до конца изжитой травмы, что лишней раз доказывает наметившаяся сегодня в России тенденция реабилитации сталинизма. По этой причине, дабы обеспечить надежный переход к демократии и/или состоянию мира, необходимо установить истинную правду об имевших место в прошлом случаях беззакония и попытаться восстановить справедливость. При этом следует оговориться, что «политика памяти» существует в транзитивном правосудии не сама по себе, а выступает в качестве необходимой предпосылки для других, сугубо юридических по своей природе мер (в частности, реституции, выплаты компенсаций, реабилитации невинно осужденных и т. д.). Все эти элементы в полной мере были востребованы на Балканах, ставшими, по выражению Э. Горди, своего рода «лабораторией транзитивного правосудия»<sup>2</sup>.

Всплеск интереса к истории, расколовший югославское общество, пришелся на конец 80-х – начало 90-х гг. прошлого столетия. Именно тогда в Белграде, Загребе, Любляне, Сараево все чаще стали появляться взаимные нападки и открытая полемика историков, писателей, политологов, журналистов, анализировавших различные этапы развития югославской государственности (Османскую и Австро-Венгерскую империи, «Югославию Тито» и т. д.). Фактически историки оказались вовлеченными в политические спекуляции на почве истории. В такой ситуации история из науки

<sup>1</sup> An introduction to transitional justice / Ed. by O. Simic. L.: Routledge, 2017. P. 250.

<sup>2</sup> Dragovic-Soso J., Gordy E. Coming to terms with the past: transitional justice and reconciliation in the post-Yugoslav lands // New perspectives on Yugoslavia: key issues and controversies / Ed. by D. Djokic, J. Ker-Lindsay. L.: Routledge, 2011. P. 193.

превратилась в пропаганду, возвращаясь только на ином идейном фундаменте, к тому, от чего, казалось бы, хотели уйти интеллектуалы, разрушая коммунистическое государство<sup>1</sup>.

Вначале в идейных, а затем в самых что ни на есть реальных боях конфликтующие стороны (сербы, хорваты и боснийцы) называли друг друга оскорбительными терминами, почерпнутыми из арсенала прошлого. Так, сербы именовали воинов противостоящей им хорватской армии «кустахами», намекая тем самым на сотрудничество хорватов с гитлеровцами в годы Второй мировой войны. Хорваты, в свою очередь, называли сербов «четниками», имея в виду возникшее примерно в то же время крайне националистическое движение, возглавляемое Д. Михайловичем и также сотрудничавшее с нацистами. Подобного рода апелляция к прошлому, как и сегодня в Украине, преследовала единственную цель – внушить людям, гражданам некогда единой Югославии, ту мысль, что они воюют не со своими соотечественниками, а с некими фашистскими коллаборационистами, заслуживающими единственной участи – уничтожения. Именно этим, кстати говоря, объясняется и по сию пору популярный в Сербии тезис о том, что Вторая мировая война еще не закончилась<sup>2</sup>. Как следствие, «исторический путь каждого народа стал отправной точкой действий для соперничающих национальных элит, а также источником оправданий дискриминации, террористической агрессии и войны»<sup>3</sup>.

В целом, исторический дискурс эпохи Югославской войны 1991-1995 гг. характеризовался следующими чертами: а) замалчиванием объективной и всесторонней информации об истории своего и других народов, выхватыванием некоторых «удобных» событий и тенденциозной их трактовкой; б) подменой анализа эмоциями; в) опорой на этнические стереотипы и исторические мифы, а также на схемы прошлого как доказанные факты; г) некорректным использованием исторических аналогий, применени-

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Мостов Ж.* Использование истории и злоупотребление ею в Восточной Европе: вызов 90-х годов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 4 / 1996. № 1. С. 70-74.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Романенко С. А.* История и историки в межэтнических конфликтах (Югославия конца 80-х – начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 54-62.

<sup>3</sup> *Мостов Ж.* Указ. соч. С. 70.

ем прямых параллелей между ситуациями в прошлом и настоящем и игнорированием существенных различий между ними и др.<sup>1</sup>

Последствия такой «политики памяти» не заставили себя долго ждать. Так, одним из обвиняемых, представших перед МТБЮ, был некий Г. Елинич, называвший себя «сербским Адольфом». В 1992 году он был комендантом концентрационного лагеря в округе Брчко (территория нынешней Боснии и Герцеговины). В ходе процесса Елинич прямо заявил, что пошел на войну, дабы убивать мусульман, которых он называл «турками». По разным оценкам, он лично застрелил около 100 боснийцев. Не брезговал Елинич и унижением человеческого достоинства пленных, заставляя последних петь старинные сербские песни перед сербским флагом, жестоко избивая при этом тех, кто отказывался это делать<sup>2</sup>.

Как и следовало ожидать, после падения режима С. Милошевича данный дискурс сменился на диаметрально противоположный, во многом скроенный по привычным западным лекалам. Достаточно назвать осуждение коммунистического режима Тито на официальном уровне, переименование множества улиц, носивших имена лидеров социалистической Югославии, строительство многочисленных монументов жертвам Югославской войны 1991-1995 гг., наиболее известным из которых является мемориальный комплекс «Сребреница-Поточары», часть средств на создание которого выделил 42-й президент США Б. Клинтон.

Примечательно, что в постюгославском обществе преобладает двойственное и одновременно апатичное отношение к относительно далекому прошлому: так, коммунизм, с одной стороны, воспринимается как нечто навязанное извне и «чуждое» системе ценностей нации, но с другой, подчеркивается, что коммунистический режим способствовал модернизации и, вполне вероятно, был лучшим временем в истории югославского народа (феномен «югостальгии»)<sup>3</sup>. Как

<sup>1</sup> *Романенко С. А.* Указ. соч. С. 60.

<sup>2</sup> *Wilson R. A.* Writing history in international criminal trials. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 91.

<sup>3</sup> *Требст С.* «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. М.: Новое издательство, 2011. С. 149.

следствие, социалистическое прошлое играет сегодня относительно второстепенную роль в публичном дискурсе (в отличие, скажем, от стран Балтии, по-прежнему видящими себя «пассивными и травмированными жертвами репрессивного оккупационного режима»<sup>1</sup>).

А вот что касается войны 1991-1995 гг. и событий в Косово и Метохии на протяжении 1998-2001 гг., то здесь ни о каком «примирении с прошлым» говорить не приходится. Как отмечает А. Н. Антонов, с сербской стороны конфликтуют и Босния, и Хорватия, и правительство «Республики Косово». Хотя у них есть достаточные основания и для конфликтов между собой, почему-то наиболее жесткие и неразрешимые двусторонние вопросы связаны с Сербией. Справедливости ради отметим, что в настоящее время осуществляются попытки создания некоей координационной структуры посредством сотрудничающих через границы негосударственных организаций (РЕКОМ), так или иначе занимающихся вопросами послевоенного примирения. Однако вряд ли их деятельность можно назвать успешной, так как реального, а не на бумаге примирения на Балканах до сих пор нет. Примером могут послужить осквернения сербских кладбищ в январе 2013 г. в Косово в ответ на акцию правительства Сербии по уничтожению памятника павшим бойцам албанской сепаратистской группировки «Армия освобождения Прешева, Буяновца и Медведжи», нелегально возведенного на юге Сербии<sup>2</sup>. Или же недавний скандал, произошедший во время празднования хорватами 25-й годовщины обороны Дубровника, когда в продуктовые наборы, выдаваемые детям участников обороны, местные власти положили шоколадные конфеты всемирно известной сербской фабрики «Пионир». Ветераны войны посчитали это тонкой издевкой над ними, и хорватские власти, дабы утихомирить разбушевавшиеся страсти, чуть было не ввели эмбарго на сербские продукты питания<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. С. 117.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Григорьев В. Н., Антонов А. Н.* Решение Трибунала по бывшей Югославии по делу *Готовина/Маркач* как (очередной) провал международного правосудия // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2013. № 3. С. 9-15.

<sup>3</sup> <http://www.euointegration.com.ua/rus/articles/2016/12/19/7059079/>.

Знаменательно, что пока недостижимое на межгосударственном и межэтническом уровнях, примирение оказывается вполне возможным на уровне межличностном. Когда в следственном изоляторе МТБЮ, расположенном в пригороде Гааги Схевенингене, скончался один из обвиняемых серб С. Докманович, все 27 обитателей тюрьмы независимо от своей национальной принадлежности попросили адвоката покойного направить его семье телеграмму соболезнования со словами «Нашему Славко от всех заключенных Гааги»<sup>1</sup>.

Думается, к сегодняшней ситуации на Балканах вполне применимо мудрое наблюдение не раз цитированной нами немецкой исследовательницы А. Ассман, которая разделяет понятия «сохранение прошлого» и «преодоление прошлого»<sup>2</sup>. С ее точки зрения поколению, непосредственно вовлеченному в травмирующие события (войны, геноцид, техногенные катастрофы), бессмысленно пытаться преодолеть их в собственном сознании или пытаться простить их виновников. Их главная задача – сохранить как можно больше свидетельств случившегося для будущих поколений, не более того (исходя из принципа «объяснить, а не разрушать»). А вот их последователям уже предстоит преодолевать прошлое – избегая по возможности упрощенчества и навязчивого «осовременивания» истории, им следует расставить акценты и дать соответствующие правовые и моральные оценки произошедшему с их родителями. Поэтому постюгославское общество, образно говоря, еще не доросло (в прямом смысле этого слова) до «преодоления прошлого».

В этой связи показательно, что когда в мае 2001 г., уже в демократической Сербии, проводилось первое серьезное социологическое исследование, посвященное возможности примирения, то только 20 % респондентов в возрасте от 18 до 29 лет и 35 % респондентов старше 60 лет отвергли возможность компромисса с представителями других этнических групп, населяющих территорию бывшей Югославии. Основную же массу противников «преодоления прошлого» (85,5 %) составляли как раз люди, находящиеся в возраст-

<sup>1</sup> *Bachmann K., Sparrow-Botero T., Lambertz P.* When justice meets politics. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2013. P. 341.

<sup>2</sup> *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. С. 121.

ной страте от 30 до 60 лет, на долю которых, собственно говоря, и выпала основная масса военных тягот, а также в ряде случаев непосредственное участие в боевых действиях<sup>1</sup>.

Как бы там ни было, первые шаги в рамках «политики памяти» все-таки делаются. Еще во время войны 1991-1995 гг. раздавались голоса сербских интеллектуалов с призывом прекратить братоубийственную бойню в Хорватии, а затем в Боснии. Со временем эти голоса становились все громче. Особо хотелось бы отметить общественную кампанию «Другая Сербия», проведенную Белградским кружком независимых интеллектуалов, усилия Белградского центра прав человека и Фонда гуманитарного права, направленные на документирование военных преступлений, и, наконец, первую международную конференцию «Истина, ответственность, примирение», проведенную весной 2000 г. Кроме того, не будем забывать, что практически всю войну оппозиционная режиму Милошевича радиостанция «В-92» проводила диспуты и «круглые столы», посвященные коллективной ответственности сербского народа за совершенные злодеяния, сама постановка вопроса о которых могла кончиться для журналистов крайне плачевно<sup>2</sup>.

Зато деятельность МТБЮ по восстановлению исторической правды вызывает самые неоднозначные оценки. Прежде всего отметим, что из 161 осужденного МТБЮ 94 серба (почти 60 %) и лишь 29 хорватов, 9 боснийских мусульман, 9 косовских албанцев, 2 македонца и 2 черногорца. Более того, из высшего политического руководства обвинения предъявлялись только сербам – как руководству Союзной Республики Югославия (например, С. Милошевичу и М. Милутиновичу), так и высшим должностным лицам сербских анклавов в Хорватии (Г. Хаджич, М. Бабич) и Боснии (Р. Караджич, Р. Младич, Б. Плавшич, М. Краишник и др.). В то же время ни лидер боснийских мусульман А. Изетбегович, ни президент Хорватии Ф. Туджман, ни предводитель косовских албанцев И. Ругова перед судом так и не предстали.

Между тем при самом большом количестве обвиняемых в отношении сербов вынесены только 4 из 19 оправдательных пригово-

<sup>1</sup> Gordy E. Guilt, responsibility, and denial: the past at stake in post-Milosevic Serbia. Ph.: Univ. of Pennsylvania Press, 2013. P. 24.

<sup>2</sup> Ibid. P. 21.

воров (последний – идеологу сербского национализма В. Шешелю – был оглашен совсем недавно, в марте 2016 г.), при этом исключительно сербам выносились приговоры о пожизненном заключении, самое большое количество смертей в заключении, включая смерть С. Милошевича, также приходится на их долю<sup>1</sup>. Все это приводит к формированию в сербском обществе представления о том, что эпизодическое привлечение к ответственности хорватов и босняков проводилось не столько с целью наказания преступников, сколько для иллюстрации тезиса о том, что МТБЮ судит не только сербов.

Данное представление еще больше укрепилось в общественном сознании после решения по делу *Готовина/Маркач*. Хорватский генерал А. Готовина, без преувеличения могильщик Сербской Краины – крошечной автономии сербов, существовавшей в составе Хорватии в 1991-1995 гг., тремя голосами против двух приговоренный к 24 годам тюремного заключения за преступления против человечества и нарушение правил и обычаев войны, в конечном итоге был оправдан Апелляционной палатой трибунала в 2012 г. Как указывает А. Н. Антонов, на Апелляционную палату не произвели никакого впечатления ни факты неизбирательного обстрела столицы Сербской Краины Книна, в ходе которого по городу, не оказывающему никакого военного сопротивления, были выпущены более 900 снарядов в течение менее двух дней, при том, что артиллерия «Хорватского войска» не имела ни позиций с прямой видимостью на город, ни нормальной корректировки огня; ни множество свидетельств о других преступлениях в нарушение правил, установленных международным гуманитарным правом, совершенных хорватскими силами; ни речи президента Туджмана, откровенно разжигавшие межнациональную рознь; ни дискриминационные меры, направленные на недопущение возвращения сербов (около 200 тысяч) в Хорватию по окончании конфликта. Не случайно, в своем особом мнении судья МТБЮ из Италии Ф. Покар охарактеризовал решение большинства как «противоречащее

<sup>1</sup> Статистическую информацию о деятельности МТБЮ на русском языке см.: Гришин А. С. 20 лет Международному трибуналу по бывшей Югославии: итоги деятельности и перспективы международного правосудия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 359-365.



самому смыслу правосудия»<sup>1</sup>. В то же ряду находится оправдание трибуналом бывшего премьер-министра Косово Р. Харадиная и «боснийского мясника» Н. Орича.

В завершение темы отметим, что слово «примирение» встречается в 24 решениях МТБЮ, в 20 из которых обвиняемый был признан виновным. Причем только в 4 решениях судьи упомянули примирение без предшествовавшей вынесению решения «сделки о признании вины» с обвиняемым<sup>2</sup>.

Гораздо меньше споров и эмоций вызвала деятельность созданной в феврале 2002 г. комиссии по установлению истины. Однако просуществовавшая чуть более года комиссия, членом которой не раз обвиняли в личной преданности сменившему Милошевича на посту президента Сербии В. Коштунице, насколько известно, не провела ни одного расследования, не организовала ни одних слушаний с участием жертв конфликта и, в конечном итоге, прекратила свое существование<sup>3</sup>. Более того, в период «переходного кабинета» между свержением Милошевича и формированием правительства Джинджича, завершившегося только в январе 2001 г., шефу сербской госбезопасности Р. Марковичу удалось уничтожить 11490 секретных документов, проливающих свет на преступления прежнего режима<sup>4</sup>.

Фиксировались попытки создания комиссий по установлению истины и на региональном уровне. Так, в середине декабря 2003 г. правительство Республики Сербской сформировало Комиссию по расследованию событий в Сребренице и ее окрестностях с 10 по 19 июля 1995 г. В ее состав вошли семь членов, 5 из которых назначало правительство, а 2 – Верховный представитель ООН по Боснии и Герцеговине. Помимо, юристов, специалистов в об-

<sup>1</sup> Подробнее см.: Антонов А. Решение Трибунала по бывшей Югославии в деле *Готовина/ Маркач* как отражение отдельных тенденций развития международного уголовного правосудия // *Международное правосудие*. 2013. № 4. С. 121-127.

<sup>2</sup> *Bachmann K., Sparrow-Botero T., Lambertz P.* Op. cit. P. 341.

<sup>3</sup> *Hayner P.* *Unspeakable truths. Transitional justice and the challenge of truth commissions.* N.-Y.-L.: Routledge, 2011. P. 252.

<sup>4</sup> *Gordy E.* *Guilt, responsibility, and denial: the past at stake in post-Milosevic Serbia.* P. 88.

ласти уголовного права, в комиссию попали два историка – Ж. Вуядинович (от сербской стороны) и С. Чекич (представитель босняков), взаимный антагонизм между которыми не охладевал на всем протяжении ее работы. Мандат комиссии был выдан на полгода, до 11 июня 2004 г., хотя затем с одобрения Верховного представителя был продлен до 15 октября 2004 г. Комиссия подготовила доклад, в котором поставила под сомнение официальное количество босняков (8000 человек), погибших в ходе этнической чистки, проведенной в Сребренице войсками Р. Младича. По мнению комиссии, речь могла идти не более, чем о 1000 погибших в результате собственно этнической чистки, а также о неустановленном количестве убитых в результате других причин (в бою, во взаимных конфликтах, в результате самоубийств, на минных полях, при переходе через реки Дрину и Ядру и т. д.). Член комиссии С. Чекич опроверг результаты работы комиссии, выступив с альтернативным докладом, в котором называлась более близкая к официальной цифра в 7800 убитых. В конце концов, ключевой вопрос о случившемся в Сребренице летом 1995 г. фактически остался открытым<sup>1</sup>.

Взаимодействие истории и международного правосудия может идти по нескольким направлениям. Например, в ЕСПЧ, как подчеркивает А. И. Ковлер, государства могут просить Суд принять в расчет исторический контекст для того, чтобы подчеркнуть влияние значимости истории на возможности оценивания, которые имеются у соответствующего государства<sup>2</sup>. В постановлении по делу *Станков и Объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии* читаем: «Власти Болгарии подчеркнули, что информация об историческом контексте

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Вуядинович Ж.* Комиссия правительства Республики Сербской по расследованию событий в Сребренице и ее окрестностях с 10 по 19 июля 1995 г. (создание, мандат, ход и результаты деятельности // *Международный трибунал по бывшей Югославии: деятельность, результаты, эффективность.* Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 22-23 апр. 2009 г.) / Отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012. С. 173-190.

<sup>2</sup> *Kovler A.* *La Cour devant l'histoire, l'histoire devant la Cour ou comment la Cour européenne "juge" l'histoire // La conscience des droits: melanges en l'honneur de Jean-Paul Costa.* Paris: Dalloz, 2011. P. 338.

и текущей ситуации в Болгарии и на Балканах существенна для понимания данного дела» (пункт 47 постановления)<sup>1</sup>. Суд отвечает на пожелание правительства и воспроизводит в данном постановлении «Краткое изложение властями Болгарии исторического контекста».

Однако в большинстве случаев именно сам суд (МТБЮ не исключение), учитывая исторический контекст дела, составляет общую картину фактов, поскольку очень часто «история» подсудимого связана с более широким контекстом. И вот здесь начинаются затруднения, поскольку не всегда понятно, почему в некоторых случаях трибунал может погружаться в глубину веков, а в некоторых – ограничиться моментальной фотографией событий недавнего прошлого.

Начиная с первого же судебного разбирательства в своей практике, МТБЮ апеллировал к истории. Так, в решении по делу *Прокурор против Тадича* говорится: «... за распадом многонациональной федеративной Югославии... незамедлительно последовал распад многонациональной Боснии и Герцеговины... Как боснийские сербы, так и боснийские хорваты ясно дали понять, что они готовы скорее пойти на вооруженный конфликт, нежели примириться со статусом национального меньшинства в государстве, где доминируют мусульмане» (пункт 83 решения)<sup>2</sup>.

В этом же решении содержится значительный по объему раздел II, именуемый «историческая справка и предварительно установленные факты» (пункты 53-192), в котором трибунал последовательно анализирует общий исторический и географический контекст случившегося на Балканах, делает ретроспекции в историю южных славян, начиная со времен Османской империи, упоминает политику конфликтующих народов в годы Второй мировой войны, дает оценки «Югославии Тито» и описывает процесс ее последующей дезинтеграции после смерти лидера в 1980 г. Затем трибунал переходит к анализу событий 1990-х годов, описывая роль Югославской народной армии и ее трансформацию преимущественно в сербско-черногорскую по национальному

<sup>1</sup> Станков и Объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии // <http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Stankov1.pdf>

<sup>2</sup> <http://www.icty.org/x/cases/tadic/tjug/en/tad-ts70507JT2-e.pdf>.

составу, влияние идеи «Великой Сербии», вброшенной в массы С. Милошевичем в День битвы на Косовом поле 28 июня 1989 г., формирование «Антикризисного штаба» боснийских сербов после провозглашения независимости Боснии и кратко ход боевых действий. Отдельное место в решении занимает история общины Приедор, где и были совершены инкриминируемые Тадичу военные преступления.

Более того, вся обстановка судебного разбирательства по делу Тадича словно дышала историей. Об этом свидетельствует, например, такой диалог между председательствующим на процессе судьей Г. Макдональдом и экспертом доктором Дж. Гоу в первый же день судебных слушаний 7 мая 1996 г.:

Макдональд: Если это возможно, может быть, Вы расскажите нам, от начала до конца, об изменениях в этническом составе на разных землях (Югославии. – *Прим. авт.*), начиная с XIV века? Это возможно сделать? Может быть, Вы даже не поняли моего вопроса, ведь я не особо историк, хотя и интересуюсь историей... Американской историей.

Гоу: Я думаю, что цель свидетельствования... все же осветить события 1991 года и последующих лет в военно-политическом контексте. Исходя из этого, я проанализировал некоторые факторы, которые привели к созданию независимых государств на территории Югославии, распавшейся в 1991 году, а это означает отсылки не то, что к XIV, а к IV веку..., дабы прояснить, почему территории, входившие в федерацию, в конечном счете, вышли из нее<sup>1</sup>.

К подлинным шедеврам юридико-исторической мысли можно отнести решение МТБЮ по делу *Прокурор против Драгомира Милошевича*, посвященное осаде Сараево. Решение занимает 337 страниц и представляет собой своего рода «энциклопедию» 4-летней осады. В нем не только дается общий контекст истории города, его географического положения и роли в жизни независимой Боснии, не только скупулезно перечисляются трагические эпизоды осады, как, например, гибель детей от пуль сербских снайперов во время катания на санях или взрыв на рынке Маркал, но и затрагивается множество других проблем, передающих атмосферу жизни

<sup>1</sup> Цит. по: *Wilson R. A. Writing history in international criminal trials. P. 71.*

в осажденном городе. Например, в подразделе «Эффект от снайперского огня» последовательно анализируются: а) повседневная жизнь гражданского населения; б) физическое влияние снайперского огня; в) психологическое влияние снайперского огня; г) возможность для мирного населения покинуть Сараево (пункт 7 подраздела Е раздела II решения)<sup>1</sup>.

Надо сказать, что в последующем трибунал давал уже менее развернутые исторические характеристики. Например, в решении 2001 года по делу *Прокурор против Крстича* говорилось: «Судебная палата оставляет историкам и социальным психологам право оценивать глубину этого эпизода Балканского конфликта (речь идет о геноциде в Сребренице. – *Прим. авт.*)... Наша же задача более скромная: выяснить, исходя из свидетельств, представленных в ходе процесса, что на самом деле происходило в течение этих девяти дней» (пункт 2 решения)<sup>2</sup>. А вот архитектура решения 2016 года по делу *Прокурор против Шешеля* вовсе не содержит в себе какой-либо исторической информации и сразу переходит к сути предъявленных В. Шешелю обвинений<sup>3</sup>.

Почему так происходит? Видимо, в первые годы своего существования трибунал пытался выработать некий общий подход к предпосылкам и причинам возникновения Югославской войны, сформулировать (в том числе для себя) некий универсальный подход к произошедшему на Балканах в 90-х годах прошлого столетия, объяснить природу Балканского кризиса. Когда же это было сделано в первые годы его существования, то в последующем трибунал уже мог позволить себе не отвлекаться на изложение исторического контекста и непосредственно переходить к вопросу о виновности конкретных лиц. Проблема только в том, что различные этнические группы отстаивали свои версии произошедшего как на макро- (кто начал войну), так и на микроуровнях.

Например, в отношении того же взрыва на рынке Маркал есть боснийская версия событий (рынок обстреляли боснийские сербы), которая, в конечном итоге, была поддержана МТБЮ, и сербская (обстрел был провокацией самих же боснийцев), которые едва

<sup>1</sup> [http://www.icty.org/x/cases/dragomir\\_milosevic/tjug/en/071212.pdf](http://www.icty.org/x/cases/dragomir_milosevic/tjug/en/071212.pdf).

<sup>2</sup> <http://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf>.

<sup>3</sup> <http://www.icty.org/x/cases/seselj/tjug/en/160331.pdf>.

ли между собой когда-либо примирятся. Особенно настораживает, что полковник А. В. Демуренко, занимавший в то время пост начальника штаба миротворческого контингента ООН в Сараево, в ходе судебного разбирательства прямо сказал, что с его точки зрения обстрел рынка был делом рук боснийцев, которые хотели спровоцировать НАТО на активные действия против войска Республики Сербской, что, в конечном итоге, и произошло (пункты 703, 704 решения по делу *Прокурор против Драгомира Милошевича*)<sup>1</sup>. Как видим, даже в МТБЮ не удается избежать кризиса совести в современном мире, где история часто воспринимается как набор фактов, которые каждый может выбирать и интерпретировать по-своему.

Известно, что та или иная интерпретация событий прошлого, поддержанная в судебном решении, именуется на языке профессионалов «судебной истиной» (forensic truth). Стоит ли говорить о том, что максимальное сближение «судебной истины» и «реальной истины» - это то единственное, ради чего международному правосудию стоит существовать?

#### 1.4. Популизм как угроза конституционному строю

*...Заставь их плакать, заставь их смеяться,  
втолкуй, что ты им друг-приятель, заблудшая  
душа или что ты Господь всемогущий.  
Разозли их, наконец. Пусть хоть на тебя злятся.  
Только расшевели их – все равно  
чем и как, - и они тебя полюбят*  
Роберт П. Уоррен

Наиболее очевидной тенденцией последнего десятилетия является распространение по всему миру популистской идеологии как левого, так и правого толка. Примеры, подтверждающие факт широкого популистского поворота, хорошо известны. Но наиболее ярким из них и наименее предсказуемым для мирового сообщества

<sup>1</sup> [http://www.icty.org/x/cases/dragomir\\_milosevic/tjug/en/071212.pdf](http://www.icty.org/x/cases/dragomir_milosevic/tjug/en/071212.pdf).

стало, несомненно, избрание в 2016 году на пост президента США Дональда Дж. Трампа<sup>1</sup>.

С точки зрения права интересен не сам по себе популизм (от лат. *populus* – народ) – популизм *per se* все-таки в большей степени удел политологов и политических аналитиков – а то, чем он знаменателен для конституционно-правовой сферы. Ведь популизм, как метко подметил В. Д. Зорькин, – это всего лишь манипулирование массовым сознанием, использующее вполне естественное стремление человека к благополучию. А конкретнее – это такое манипулирование, которое строится на обещании простого решения сложных проблем, обращенном к так называемому простому, рядовому человеку. Популизм усиливается в переломные моменты истории, когда действующие элиты и существующие политико-правовые институты не могут справиться с новыми вызовами и не способны решать встающие перед людьми проблемы<sup>2</sup>.

В самом деле, в современном мире накопилось достаточное количество проблем, служащих «питательной средой» для политиков калибра Трампа. В их числе: а) экологические проблемы – выбор между ростом промышленного потенциала и соблюдением жестких природоохранных стандартов; б) проблемы, порожденные массовой иммиграцией из стран третьего мира, и их социально-экономические последствия, дилеммы «мультикультурализма» и т. п.; в) моральные проблемы. Главная тенденция в этой области – резкое возрастание ценности недискриминации членов общества ни по каким основаниям: гендерным, этническим, конфессиональным, сексуальной ориентации; г) для Европы – темпы и содержание интеграции в рамках ЕС, критикуемой «справа» за ослабление национального суверенитета и засилье евробюрократии, «слева», особенно в последние годы – за принуждение к бюджетной эко-

<sup>1</sup> Подробнее об этом человеке см.: Д'Антонио М. Всегда мало. Дональд Трамп и жажда успеха. М.: Эксмо, 2016. 448 с.; Бенедиктов К. Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа. М.: Книжный мир, 2016. 352 с. Широкой популярностью пользовался также его предвыборный манифест. См.: Трамп Д. Былое величие Америки. М.: Эксмо, 2016. 256 с.

<sup>2</sup> Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 3.

номии<sup>1</sup>. Таким образом, современный популизм сложился вокруг артикуляции насущных и нередко «забытых» официальной политикой проблем населения той или иной страны или даже региона, и окреп на демократических путях. Многие из популистских движений начинали как локальные инициативы, как, например, итальянская «Лига Севера», и лишь потом, расширяя свои программы, поднялись до государственного уровня.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что для представителя новых общественных интересов, порожденных указанными выше проблемами, появляются новые партии или, по крайней мере, новые лидеры в рамках существующих партий. Как отмечает Б. И. Макаренко, подобные силы действуют на «краях» сложившейся системы, по сути, предлагая альтернативные существующим «левую» (этатистскую) и «правую» (рыночную) повестки дня<sup>2</sup>. В свою очередь, схожие идеологические установки и проблемы, послужившие поводом для их артикуляции, рождают у популистских движений и их лидеров общие, сквозные черты политической стратегии и тактики.

Прежде всего, как справедливо отмечает С. В. Погорельская, декларативная неприязнь к господствующему истеблишменту заставляет правопопулистские силы при вступлении в предвыборную борьбу избегать обозначения «партия», недаром среди них так много «национальных» и иных «фронтов», «списков», «лиг» и «движений»<sup>3</sup>. Известное исключение составляет, пожалуй, только Д. Трамп, баллотировавшийся в президенты по спискам традиционной Республиканской партии, однако это объясняется скорее особенностями двухпартийной системы в США, при которой независимому кандидату практически невозможно добиться победы.

<sup>1</sup> Макаренко Б. И. Консерватизм на Западе: основные тенденции современного развития // Консерватизм и развитие: основы общественного согласия / Под ред. Б. И. Макаренко. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 24.

<sup>2</sup> Макаренко Б. И. Адаптация политических субъектов к вызовам современной политики // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 123.

<sup>3</sup> Погорельская С. В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 52.

Во-вторых, партийный лидер таких политических сил всегда выступает в роли глашатая народной воли. В Европе утеря привычного народу лидера для таких партий может даже стать началом политического конца (как это происходит с Австрийской партией свободы после гибели в автокатастрофе ее лидера Й. Хайдера). Кроме того, им отнюдь не враждебны демократические системы (как это имеет место у правых радикалов). Партии используют преимущества и возможности демократических систем и более того – они требуют «больше демократии», подразумевая под этим, как правило, усиление плебисцитарных моментов в ущерб репрезентативным.

Наконец, им присуще пренебрежение нормами корректности (вспомним в этой связи выступление Трампа на съезде республиканцев: «Мы не можем больше позволить себе быть столь политкорректными»<sup>1</sup>). Причем часто эта позиция формулируется в радикальной, заостренной форме. Ставшая на Западе консенсусной ценностью недискриминации – один из объектов открытой атаки со стороны популистов, движимых прежними представлениями о социальной иерархии. Такая ситуация нередко выводит популистов за рамки политического истеблишмента, порождает обвинения в фашистских настроениях, нередко – сужает их социальную базу. Так, за Трампа на президентских выборах отдали свои голоса только 8 % негритянского населения, что является одним из самых низких показателей в новейшей истории США. По образному выражению профессора Принстонского университета Я.-В. Мюллера, популист ведет себя словно пьяный гость на вечеринке: он не соблюдает застольных приличий, грубит другим гостям и даже умудряется «флиртовать с женой хозяина»<sup>2</sup>.

Представим новые партии по оси «правые-левые» в виде таблицы<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> <https://www.youtube.com/watch?v=4CVTuOyZDI0>.

<sup>2</sup> Muller J.-W. What is populism? Ph.: Univ. of Pennsylvania Press, 2016. P. 8.

<sup>3</sup> Макаренко Б. И. Адаптация политических субъектов к вызовам современной политики. С. 124.

Таблица 1

Тип партий	Примеры
Ультраправые	«Йоббик» (Венгрия), «Золотая заря» (Греция)
Правые	Партия чаепития (правое крыло Республиканской партии США), Партия свободы (Австрия), «Альтернатива для Германии»
Правый популизм	Трампиское крыло Республиканской партии США, Национальный фронт (Франция), Партия независимости (Великобритания), Лига Севера (Италия), «Истинные финны» (Финляндия)
«Чистый» популизм	«Пять звезд» (Италия)
Левопопулистские	«Политика может быть другой» (Венгрия), «Рассвет прямой демократии» (Чехия), а также боливарианские движения в Латинской Америке
Экологические	«Зеленые» в странах ЕС
Левые	«СИРИЗА» (Греция), «Подemos» (Испания)

Подводя промежуточные итоги, следует отметить, что как писал еще в 1980 году советский американист С. М. Плеханов, «правый популизм – это скорее комплекс непосредственных политических реакций индивидов на развитие событий, систематически ущемляющее их ближайшие интересы, чем целенаправленное практическое воплощение определенной идеологии»<sup>1</sup>.

Мы уже писали о том, что современный популизм имеет, как минимум, две разновидности: правую (США и страны ЕС) и левую (преимущественно страны Южной Европы и Латинской Аме-

<sup>1</sup> Плеханов С. М. Праворадикальная традиция и современное праворадикальное политическое сознание // Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Ю. А. Замошкин и Э. Я. Баталов. М.: Наука, 1980. С. 235.

рики), что, разумеется, отнюдь не означает того, что в традиционно «левой» Латинской Америке не может быть правых популистов, а в «правой» Америке – такой специфической группы, как, скажем, нью-йоркские троцкисты. Однако господствующим, доминирующим типом популистского сознания в капиталистическом мире является все-таки рыночный, а не этатистский тип, в то время как в Латинской Америке дело обстоит ровным счетом наоборот.

Рыночный популизм исходит из необходимости возврата к государству «ночного сторожа» (*laissez faire*), «невидимой руке рынка», отстаивает тезис, что обеспечивать социально-экономические права в их нынешнем понимании означает, по сути дела, плодить бездельников, укоряет администрацию Обамы в недостаточном внимании к малому и среднему бизнесу. Важно, что правый популист считает, что федеральное правительство должно тратить меньшие суммы на помощь иностранным государствам и помогать только тем из них, которые регулярно поддерживают Америку на международной арене (так называемый изоляционизм). И в чем-то носители этой идеологии, несомненно, правы.

Однако на то эта идеология и называется популистской, что предлагает не какой-то безукоризненно разработанный план политических и экономических преобразований, а стремится решить все проблемы с помощью очень простых, кажущихся очевидными, но при этом радикальных решений (подобно обещанию Трампа «построить стену на границе с Мексикой»). Однако впоследствии, уже в ходе самого процесса государственного управления, оказывается, что реальные проблемы, как правило, к предлагаемым радикальным решениям отнюдь не сводятся, прежде всего из-за их сложности, комплексности, отсутствия необходимого, в том числе правового, инструментария и т. д. Как не без иронии заметил немецкий исследователь Ф. Декер, «предлагаемые популистами «решения» проблем, как правило, не заслуживают того, чтобы называться «решениями»<sup>1</sup>.

И тогда перед политиком-популистом возникает дилемма: либо превратиться в дешевого демагога, маскирующего грозными сло-

<sup>1</sup> Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: сб. науч. тр. / Ред.-сост. С. В. Погорельская. М.: ИНИОН, 2004. С. 67.

вами свою неспособность справиться с возникающими проблемами, либо встать на более умеренный путь, превратившись тем самым в средневропейского политика-центриста, вызывающего разочарование у избирателя<sup>1</sup>. Левый популизм, напротив, бросается в другую крайность, призывая к открытому революционному действию ради «всеобщего блага», более справедливому, как считают его идеологи, перераспределению национального богатства в пользу бедных, ограничению могущества частных монополий (здесь они полностью солидаризируются с правыми популистами) и т. д.

Остановимся на этих двух типах более детально, уделяя особое внимание вопросу о том, каковы их последствия для конституционного строительства.

Надо сказать, что в США термин «популизм» впервые появился в 1890-х годах в связи с широким народным движением за создание третьей массовой политической партии – Популистской. Несмотря на то, что популистское движение продолжалось менее 10 лет и к концу XIX века партия распалась, значимость поставленных движением задач обусловила устойчивость популистских идей и настроений в американском общественном сознании. Как заметил американский историк Дж. Хикс, «сама партия не выжила, отошли от популизма многие ее лидеры, но популистские доктрины демонстрируют поразительную живучесть»<sup>2</sup>.

Впоследствии к популистским лозунгам и программным установкам американских популистов обращались правые экстремисты, по сути дела, те же популисты, только отчаявшиеся и озлобленные. Ку-клукс-клан, популярные в 30-е годы прошлого столетия проповедник П. Кофлин и губернатор Луизианы Х. Лонг (о которых Ф. Рузвельт сказал свою легендарную фразу «чума на ваши два дома»), ярый сторонник сегрегации губернатор Аламабы Дж. Уоллес и «ястреб» сенатор Б. Голдуотер подготовили надежную почву для укоренения в определенных социальных слоях аме-

<sup>1</sup> Posner E. Can it happen here?: Donald Trump and the paradox of populist government // [http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2056&context=public\\_law\\_and\\_legal\\_theory](http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2056&context=public_law_and_legal_theory).

<sup>2</sup> Цит. по: Новинская М. И. Что такое популизм? (популистская традиция в США) // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2. С. 138.

риканского общества соответствующих ценностей и установок<sup>1</sup>. Кстати, Д. Трамп тоже имел своего предтечу – скандально известного миллионера Р. Перо, баллотировавшегося в 1992 г. на выборах президента США в качестве независимого кандидата и набравшего тогда рекордные 19 % голосов избирателей<sup>2</sup>.

Было бы серьезной ошибкой ставить знак равенства между популистами и радикал-бунтарями, группировавшимися на выборах 2016 года вокруг одного из кандидатов от Демократической партии Б. Сандерса. Напротив, популисту, особенно в США, созвучны «старые порядки». По этой причине предвыборная риторика Трампа всегда имела отклик у части населения, ностальгирующего по прежним временам. Вот как описывает их настроения один из американских экспертов: «Этих людей объединяют не одни социальные или экономические ценности, а чувство, что они теряют свою страну, что ее наполняют иммигранты, что происходят такие непривычные вещи, как чернокожий президент»<sup>3</sup>. Бунтарь же настаивает на решительном разрыве с прошлым и продолжающимися господствовать в американском обществе институтами и ценностями, видя в них чистую репрессию. При этом современный американский бунтарь совсем не неудачник и не житель «одноэтажной Америки», как среднестатистический избиратель Трампа. Зачастую это весьма успешный человек – достаточно вспомнить фигуры масштаба М. Гибсона или О. Стоуна. Просто «столкнувшись с неудачами, радикал неизбежно становится циником. Но это не цинизм человека, лишенного идеалов, а «циничный реализм» человека, который все больше убеждается в том, как трудно осуществить на практике провозглашенные идеалы, которые кажутся ему столь бесспорно истинными»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Борисюк В. И. Правый экстремизм и партийно-политическая система // Политические партии США в новейшее время / Под ред. Н. В. Сивачева. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 246-268.

<sup>2</sup> Подробнее о нем см.: Антонова Л. А. Итоги съездов двух партий // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 10. С. 60-62.

<sup>3</sup> Цит. по: Макаренко Б. И. Консерватизм на Западе: основные тенденции современного развития. С. 55.

<sup>4</sup> Баталов Э. Я. Леворадикальная традиция и современное леворадикальное политическое сознание // Современное политическое сознание в США. С. 309.

Для большей наглядности представим разницу между сторонником популизма, носителем в сущности мещанского сознания («скуэром»), и радикал-бунтарем в виде таблицы.

Таблица 2<sup>1</sup>.

Бунтарь	Популист
дикий	практичный
романтика	классика
инстинкт	логика
негр	белый
полночь	день
нигилистический	авторитарный
вопрос	ответ
кривая	прямая
я	общество
воры	полицейские
святой	священник
дифференциальное исчисление	аналитическая геометрия
настоящее	прошлое
сомнение	вера
марихуана	алкоголь

<sup>1</sup> Туровская М. И. Герои «безгеройного времени». М.: Искусство, 1971. С. 161.

Как свидетельствуют результаты конкретных социологических исследований да и сами результаты президентских выборов 2016 года, правопопулистское сознание не является монополией какой-то одной социальной группы. Вместе с тем налицо четкая корреляция между приверженностью правому популизму и определенными социально-демографическими характеристиками. Прежде всего правый популизм представляет собой сугубо «белый» феномен (неслучайно за Трампа проголосовало всего 8 % негритянского, менее 30 % азиатского и испаноязычного, но зато 58 % белого населения страны). Во-вторых, немалую долю правопопулистского блока составляют лица преклонного возраста, испытывающие ностальгию по, как называется одна из книг Трампа, «былому величию Америки». Так, за Трампа отдали свои голоса 53 % избирателей в возрасте старше 65 лет и столько же – в возрасте от 45 до 64 лет. Наконец, правопопулистское сознание наиболее распространено среди белых рабочих средней и низкой квалификации, уровень материального обеспечения которых колеблется между показателем бедности и национальной медианой, компактно проживающих в районе так называемого «ржавого пояса» (штаты Пенсильвания – Огайо – Индиана – Мичиган). Как пророчески писал в своей статье «5 причин, почему Дональд Трамп станет Президентом США» кинорежиссер М. Мур, будущую победу Трампа определяют два фактора: фактор «депрессивного избирателя», о котором мы уже вскользь упоминали, и «эффект Джесси Вентуры», суть которого сводится к голосованию за заведомо непроходного кандидата, который, в конечном счете, оказывается победителем<sup>1</sup>.

Почему же именно эти избиратели поддержали Трампа ?

Дело в том, что индивид, ставший носителем этих убеждений, еще в начале 90-х годов был опорой социальной и политической стабильности. Он в большинстве случаев не имел собственного бизнеса, однако неплохо зарабатывал по найму и почти избавился от страха перед безработицей. Он отдавал себе отчет в наличии социального неравенства, однако фактически примирился с ним, ибо уже не чувствовал себя принадлежащим к «низшему классу» и мог позволить себе некоторые атрибуты «приличной» жизни. Иными

<sup>1</sup> <http://ukraine.politicalcritique.org/2016/07/26/5-prichin-chomu-donald-tramp-stane-prezidentom-ssha/>.

словами, экономический бум 90-х годов воспитал в нем веру в то, что если он будет прилежно трудиться, исправно посещать церковь, голосовать за «умеренных» кандидатов одной из двух главных партий, поддерживать президента в критических международных ситуациях, но не слишком активно интересоваться политикой, то существующая система обеспечит ему благополучие. Вот почему потрясения конца «нулевых» - начала десятых годов оказались для него столь роковыми.

Первым толчком послужил экономический кризис 2008 г. Вторым – приток иностранной рабочей силы, стимулированный либеральной политикой Б. Обамы в отношении мигрантов с целью последующего расширения социальной базы Демократической партии. Речь идет о так называемом законе DREAM (Development, Relief and Education of Alien Minors), который направлен на поэтапное получение нелегальными иммигрантами американского гражданства, и, в частности, предоставляет незаконным иммигрантам право на получение пособий на обучение в высших учебных заведениях. Все это в совокупности и создало новую социальную ситуацию не только для самих мигрантов, но и для миллионов настоящих, коренных американцев, полных, по выражению У. Фолкнера, «виски и библейских цитат». Появление растущего числа мигрантов в привычном социальном окружении воспринималось рассматриваемым нами типом белого обывателя как соприкосновение с «некультурным» слоем – более бедным, менее образованным, хуже знающим английский язык, более склонным, в его глазах, к нарушению устоявшихся норм и законов. «Когда Мексика присылает нам своих людей, - говорил Трамп в одном из своих выступлений, - она не посылает сюда своих лучших граждан. Она посылает не таких, как вы... Она посылает людей, у которых полно проблем, и теперь их проблемы становятся нашими. Они приносят с собой наркотики, преступность, они – насильники, хотя некоторые из них, я уверен, хорошие ребята»<sup>1</sup>.

Как подчеркивает С. М. Плеханов, правый популист по определению *антилиберал*, что рано или поздно приводит его убеждения в противоречие с основными конституционными ценностями. В его

<sup>1</sup> Цит. по: Бенедиктов К. Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа. С. 204, 205.



сознании «либерализм» отождествляется с расточительством денег налогоплательщиков, попустительством по отношению к преступникам и другим нарушителям закона, с нелепым, нереалистичным реформаторством, с «контркультурой», знаменующей разложение нравов и распад семьи, наконец, с разоружением перед лицом внешнего врага и попустительством по отношению к «ниггерам»<sup>1</sup>.

Кроме того, популист почти всегда *антиплюралист*. Вспомним знаменитую фразу Р. Эрдогана, обращенную к его критикам: «Мы – народ. А вы кто такие?»<sup>2</sup> Как *авторитарист* правый популист, конечно, ощущает глубокую внутреннюю потребность в политическом авторитете. Но как индивидуалист, испытывающий отвращение ко всякой бюрократии, в том числе и партийной, он проявляет настороженное отношение к сильной централизованной организации. Правый популист, что доказал пример Трампа, тяготеет к сильной личности, харизматическому лидеру, вождю, для которого важнее всего не какие-то программы, выработанные бюрократическими инстанциями, а «голос народа», реальные настроения и чаяния «простого человека», которыми бы он и руководствовался в качестве программы действия.

Сказанного достаточно. Обратимся теперь к конкретным действиям администрации Трампа в сфере государственного строительства, оговорившись при этом, что в западной литературе разгорелась нешуточная дискуссия о появлении нового типа конституционализма – популистского, который хотя и не отбрасывает полностью основных конституционных достижений (в противном случае, он бы таковым не являлся), но видоизменяет некоторые из них до неузнаваемости.

Прежде всего для популистского конституционализма характерно пренебрежение парламентарными формами властвования в угоду различным формам народного волеизъявления (референдумам, плебисцитам о доверии, всенародным обсуждениям и т. д.). Так, творцы новой венгерской конституции 2011 года, принятой на референдуме под влиянием правоконсервативного большинства, в лучших советских традициях гордились тем, что в пери-

<sup>1</sup> Плеханов С. М. Праворадикальная традиция и современное праворадикальное политическое сознание. С. 249.

<sup>2</sup> Muller J.-W. Op. cit. P. 3.

од ее всенародного обсуждения в правительство поступило около 920 тысяч замечаний от граждан. Однако какая часть из этих 920 тысяч была реально учтена и воплотилась в конкретные конституционные формулировки, правительство предпочло умолчать<sup>1</sup>. Необходимо также учитывать, что в последние годы очень часто результат, полученный на референдуме, составляет «50:50». В частности, на конституционном референдуме 2017 года, посвященном расширению полномочий турецкого лидера Эрдогана, 51 % проголосовавших поддержали такое расширение, но 49 % - выступили против, причем на долю регионов, чьи жители проголосовали против, приходится 72 % турецкой экономики. Можно ли в таком случае пожертвовать голосами этих 49 %, если популистская риторика как раз и строится на лозунге «услышу каждого»? Думается, что нет.

Более того, популистский конституционализм – это всегда партийно окрашенный (*partisan*) конституционализм, при котором основные идеологические лозунги и программные установки политической силы (чаще всего правого толка) находят свое отражение непосредственно в конституционном тексте. Так, в новой Конституции Венгрии закреплены такие положения, как защита жизни с момента зачатия, пожизненное заключение без права помилования, новое конституционное определение церкви и отсутствие сексуальной ориентации среди запрещенных для дискриминации оснований. Все это является ни чем иным, как переводом на юридический язык узловых моментов предвыборной программы правящей партии «Фидес».

Что же из названного присутствует в управленческом стиле Трампа?

Так, кадровая политика Трампа характеризуется назначением на высшие государственные посты трех категорий служащих: «изгоев» в вашингтонском истеблишменте наподобие С. Бэннона или бывшего помощника по национальной безопасности М. Флинна, «лоялистов», куда входит его ближайший семейный круг (М. и И. Трамп, Дж. Кашнер), и представителей высокой бизнес-элиты, ярчайшим представителем которой является, конечно, нынешний госсекретарь США Р. Тиллерсон, возглавляв-

<sup>1</sup> Muller J.-W. Op. cit. P. 64.

ший до своего назначения нефтяную компанию «ExxonMobil»<sup>1</sup>. Но, будучи непрофессионалами в политике, эти люди за достаточно короткий срок не только настроили против себя американскую политическую элиту, в том числе в рамках отчасти симпатизировавшей Трампу Республиканской партии, но и создали ряд кризисных ситуаций на международной арене, в числе которых возможный ядерный конфликт с КНДР, заявление о выходе США из Парижского климатического соглашения до ноября 2020 года и ряд других сомнительных акций.

Сам Трамп за первые 100 дней своей администрации издал 90 указов, среди них 32 исполнительных акта, фактически приравненных по юридической силе к закону, 28 президентских меморандумов (внутренние акты Белого дома) и около 30 прокламаций, не имеющих какой бы то ни было юридической силы. Для сравнения: президент Обама издавал в год в среднем 35 исполнительных актов<sup>2</sup>. Среди этих актов были такие неоднозначные управленческие решения, как пересмотр торгового соглашения между США, Канадой и Мексикой в рамках системы NAFTA, пересмотр распоряжения Обамы о выведении 554 млн. акров американских земель в статус особо охраняемых, назначение своего зятя Дж. Кашнера руководителем созданного Управления по американским инновациям и, конечно же, знаменитый “immigration ban” – указ № 13769 «О защите нации от проникновения иностранных террористов на территорию США», приостановивший прием беженцев из Сирии на неопределенный срок, а из других стран – на 120 дней. Также на 90 дней был запрещен въезд гражданам государств, вызывающих «особую озабоченность», с преобладающим мусульманским населением (Сирия, Иран, Ирак, Ливия, Сомали, Судан и Йемен). В первые два дня в США не впускали даже обладателей «грин-карт». Впоследствии данный указ был заблокирован федеральным судьей Западного округа штата Вашингтон Дж. Робартом по искам двух штатов – Вашингтона и Миннесоты против Дональда Трампа как нарушающий Билль о правах и ряд других законодательных актов. В конечном итоге, дело дошло до Верховного Суда, в котором консервативное большинство, усилившееся после назначения в Суд

<sup>1</sup> Posner E. Op. cit.

<sup>2</sup> <http://www.businessinsider.com/trump-executive-orders-memorandum-proclamations-presidential-action-guide-2017-1>.

ставленника Трампа Н. Горсача, поддержало конституционность указа № 13769<sup>1</sup>. В этом же ряду находится предпринятая по инициативе президента и провалившаяся при голосовании в сенате попытка отмены реформы здравоохранения, получившая в свое время название “ObamaCare”, и запрет для транссексуалов проходить воинскую службу. Кроме того, Трамп до сих пор не заполнил 354 вакантных должности в государственном аппарате<sup>2</sup>.

А как же обстоят дела с левым популизмом? Есть ли нечто общее в стиле принятия конституционно значимых решений в США и Латинской Америке? Насколько правы те эксперты, которые называют Трампа «первым латиноамериканским президентом США»<sup>3</sup>, памятуя при этом, что одним из его любимых произведений является мюзикл «Эвита», посвященный жизни родоначальницы аргентинского популизма Э. Перон?

Левопопулистский поворот ознаменовался в странах Латинской Америки победой на выборах трех политических лидеров: Э. Моралес – в Боливии, Р. Корреа – в Эквадоре и, разумеется, У. Чавеса в Венесуэле. Причем все трое в своих инаугурационных речах официально пообещали разработать и принять принципиально новые Основные Законы, что и было сделано в Венесуэле в 1999, Эквадоре – 2008 и Боливии – 2009 гг. Ведь как говорил Р. Корреа, «первое требование победившей революции – это конституционная революция»<sup>4</sup>.

По мнению исследователей, все три конституции характеризовались следующими общими чертами: 1) апелляцией к национальному опыту (главным образом наследию С. Боливара), левой идеологией и содержали в своих текстах некое «революционное послание»; 2) предельным радикализмом в сравнении со своими умеренно-либеральными предшественницами; 3) гибридным характером, заключающемся в сочетании юридических конструкций,

<sup>1</sup> Подробнее см.: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/02/11/71476-ni-odin-prezident-ne-mozhet-byt-moguschestvennee-konstitutsii>.

<sup>2</sup> <http://time.com/4891467/donald-trump-200-days/>.

<sup>3</sup> <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/26/trump-is-the-u-s-s-first-latin-american-president/>.

<sup>4</sup> King P. Neo-Bolivarian constitutional design // Social and political foundations of constitutions / Ed. by D. Galligan, M. Versteeg. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2015. P. 366.

заимствованных из разных правовых систем, иногда весьма плохо уживающихся друг с другом и ведущих, по выражению профессора Г. Джекобсона, к «внутренней дисгармонии»<sup>1</sup>. Сочетание указанных черт породило в западной теории конституционализма тезис о формировании нового типа конституции – так называемой необоливарианской конституции<sup>2</sup>.

Не секрет, что жители Латинской Америки и Пиренейского полуострова всегда отличались легким конституционным нигилизмом. Так, по подсчетам историков, только за период 1930-1980 гг. эти страны пережили 133 государственных переворота, правовые последствия которых вылились в принятие 253 актов конституционного характера<sup>3</sup>. Как и в нашей стране, латиноамериканские конституции не имеют никакого отношения к тому, как действительно развивается страна, как она работает, а равно к тому, в каком направлении эволюционирует государственная власть. Существует даже поговорка: «Написание конституций – любимый национальный спорт в Латинской Америке».

Как бы там ни было, левые популисты, придя к власти на волне массового недовольства сложившейся в их странах ситуацией, избрали своим основным орудием плебисцит. Особенно ярко это проявилось на примере Венесуэлы. В феврале 1999 г. Чавес назначил референдум по вопросу о созыве конституционной ассамблеи с целью принятия нового основного закона страны. При этом Чавес рассматривал новый орган не как совещание для выработки проекта конституции, а как своего рода учредительное собрание, призванное подменить собой парламент (где Чавес не обладал поддержкой большинства). Эти поползновения президента были пресечены Верховным судом, не позволившим Чавесу провести на референдуме решение о наделении конституционной ассамблеи полномочиями принятия решений. В ответ Чавес развязал кампанию обвинений в коррупции судебной власти и всего политического истеблишмента Венесуэлы. Сокрушительная победа Чавеса

<sup>1</sup> King P. Neo-Bolivarian constitutional design // Social and political foundations of constitutions / Ed. by D. Galligan, M. Versteeg. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2015. P. 367.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Ibid. P. 368.

на выборах конституционной ассамблеи (его коалиция получила свыше 90 % мест) придала ему уверенности: в конце августа 1999 г. ассамблея провозгласила себя высшим органом власти в стране, вытеснив парламент и судебную власть на политическую обочину.

В декабре 1999 г. проект новой конституции получил на референдуме поддержку 70 % избирателей Венесуэлы. Эта конституция заметно усиливала власть президента: срок его полномочий продлевался до шести лет, запрет на переизбрание отменялся (хотя и вводился запрет на пребывание у власти более двух сроков подряд); глава государства также получал контроль над Верховным судом и национальным избирательным советом страны. Конституция предоставляла президенту широкие права по роспуску легислатуры, упраздняла верхнюю палату парламента, изменяла избирательную систему и ликвидировала механизм парламентского контроля над армией (она находилась под полным контролем президента). Референдумы провозглашались ключевым механизмом принятия решений, имевшим высшую силу<sup>1</sup>.

Конституция провозглашала для всех людей «право и обязанность трудиться». Она гарантировала также каждому индивидууму «достойное существование» и «право на заработную плату, позволяющую ему или ей жить с достоинством и покрывать основные материальные, социальные и интеллектуальные нужды для себя и членов своей семьи». Кроме того, новая конституция гарантировала индивидуальное и коллективное право на безопасную и экологически сбалансированную природную среду<sup>2</sup>.

В экономическом плане важнейшей конституционной инновацией стал приоритет государственного контроля над ключевыми секторами экономики Венесуэлы и прямой запрет на приватизацию нефтяной отрасли страны. Чавес особенно и не скрывал, что целью принятия новой конституции было упрочение его личной власти. На март 2000 г. намечались «мегавыборы» всех органов власти, но под давлением Чавеса сперва они были перенесены на май, а затем независимый национальный избирательный совет

<sup>1</sup> Гельман В. Я. Венесуэла и Мексика: нефть, авторитаризм и популизм // Нефть, газ, модернизация общества / Под ред. Н. Добронравина, О. Маргания. СПб.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 184, 185.

<sup>2</sup> King P. Neo-Bolivarian constitutional design. P. 373, 374.

был распущен судом, выборы перенесены на июль и проходили под контролем лояльных Чавесу сил. К этому моменту начался распад коалиции, под знаменами которой Чавес пришел к власти; против его популистских призывов и стремления к власти выступила часть ближайших соратников. Но бороться с Чавесом, которого поддержали ставшие его клиентелой бедные городские слои, было никому не под силу: президент получил поддержку 59 % избирателей против 36 % у его оппонента Карденаса.

Тем не менее в мае 2002 г. в стране была создана коалиция политических партий (как левых, так и правых), требовавших отставки Чавеса, а в феврале 2003 г. оппозиция смогла собрать свыше 3 млн. подписей за проведение в стране референдума по вопросу о досрочной отставке Чавеса. Эти требования были выдвинуты в ситуации, когда Венесуэлу на протяжении нескольких месяцев сотрясала общенациональная забастовка нефтяников. Подконтрольный президенту национальный избирательный совет отклонил инициативу референдума под формальным предлогом. Но после того, как оппозиция в декабре 2003 г. вновь собрала еще больше подписей, Чавесу, столкнувшемуся с новыми массовыми акциями протеста, пришлось уступить. Референдум, состоявшийся 15 августа 2004 г., проходил в условиях бурного роста цен на нефть, спровоцированного войной в Ираке, который позволил Венесуэле вновь достичь 9 % годового экономического роста. Чавес, направивший значительную часть нефтяных сверхдоходов на социальные программы (государственные расходы с 1999 по 2004 гг. выросли более чем в полтора раза), смог вновь выйти сухим из воды: на референдуме против отзыва проголосовали 59 % венесуэльцев. Оппозиция обвиняла Чавеса в подтасовке результатов, тем более что в результате новой процедуры регистрации избирателей численность участников голосования накануне выборов загадочным образом увеличилась на 12 %. Вслед за этим деморализованная оппозиция потерпела жестокое поражение на региональных выборах в октябре 2004 г. Ее грубой ошибкой стал отказ от участия в новых парламентских выборах 2005 г., что предоставило Чавесу полный контроль над законодательной властью. Вскоре списки лиц, подписавших петиции с требованиями референдума, были размещены в интернете, в то время как уголовный кодекс страны пополнился нормой о возможности

преследования граждан за неуважение к властям и к чиновникам; таким образом, граждане Венесуэлы оказались подотчетны своему государству. В этой обстановке 3 декабря 2006 г. Чавес легко добился переизбрания на свой новый (официально - второй) срок, получив поддержку 61 % избирателей против 37 % за его конкурента М. Росалеса, поддержанного оппозицией.

Годом позже Чавес попытался конвертировать электоральную поддержку в неограниченную власть. 2 декабря 2007 г. на референдум были вынесены 69 поправок в конституцию страны, существенно расширявших власть руководителя государства, а главное – отменявших ограничения сроков его полномочий. Несмотря на беспрецедентное давление на оппозицию, Чавесу не удалось добиться победы: по официальным данным, 50,7 % венесуэльцев проголосовали против предложений президента, отвергнув идею его пожизненного правления<sup>1</sup>.

В 2013 г., после смерти Чавеса, к власти пришел его преемник - бывший водитель троллейбуса Н. Мадуро, что по времени совпало с началом невиданного доселе экономического кризиса и падением цен на нефть – единственный источник венесуэльского экспорта. Поэтому уже в феврале 2014 г. в Венесуэле начались первые акции протеста, длящиеся по сию пору и поставившие эту страну на грань гражданской войны. Примечательно, что во многом Мадуро пытался наследовать своему предшественнику, однако без особых успехов, присущих последнему. Как не без горечи заметил Б. И. Макаренко, «легитимность харизматического лидера не передается по наследству»<sup>2</sup>. Так, 6 декабря 2015 г. были проведены парламентские выборы, на которых уверенную победу одержал оппозиционный «Круглый стол демократического единства», набравший квалифицированное большинство в две трети мест в Национальной ассамблее. Как следствие, оппозиция начала процесс сбора подписей за проведение в 2016 г. референдума об отзыве президента, предусмотренного конституцией.

<sup>1</sup> Гельман В. Я. Указ. соч. С. 187, 188.

<sup>2</sup> [https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/45/150270503443356175018d153b7a38c1cf66058f91/Выборы-2016\\_%20рутина%20или%20перемены\\_%20-%20Московский%20Центр%20Карнеги%20-%20Фонд%20Карнеги%20за%20Международный%20Мир.pdf](https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/45/150270503443356175018d153b7a38c1cf66058f91/Выборы-2016_%20рутина%20или%20перемены_%20-%20Московский%20Центр%20Карнеги%20-%20Фонд%20Карнеги%20за%20Международный%20Мир.pdf).

Однако уже в сентябре 2016 г. подконтрольный Мадуро Верховный суд объявил все решения Национальной ассамблеи недействительными. После этого национальный избирательный совет заблокировал проведение референдума об отзыве президента и перенес региональные и муниципальные выборы с октября 2016 г. на декабрь 2017 г.

В конце марта 2017 г. Мадуро попытался перейти в наступление: тогда Верховный суд принял решение о переходе к нему законодательных полномочий Национальной ассамблеи. И хотя через два дня Суд по просьбе Национального совета обороны отменил это решение, тем не менее резонанс был оглушительный и не преминул вылиться в новый виток насилия на улицах Каракаса. 23 мая Мадуро подписал и обнародовал декрет о созыве конституционной ассамблеи, которая должна принять новую конституцию. Из 540 депутатов 168 будут избираться по куриям, так называемым «сообществам» (от рабочих, студентов, пенсионеров и т. д.). 364 депутата предполагается избирать по принципу «1 депутат от муниципалитета», независимо от численности проживающего в нем населения. 8 мест отводятся для представителей индейских народов. При этом режим отказывается выносить на референдум конституцию, которую должна выработать конституционная ассамблея, что прямо противоречит заветам «чавизма» - как мы помним, Чавес неоднократно проводил референдумы по конституционным вопросам<sup>1</sup>.

В конечном итоге, 30 июля 2017 г. выборы в конституционную ассамблею были проведены. По логике, созыв конституционной ассамблеи должен привести к роспуску парламента (в котором, напомним, две третьих мест принадлежит оппозиции). Накануне, 16 июля, оппозиция провела собственный референдум, на котором призвала граждан ответить, согласны ли они на проведение запланированных выборов в конституционную ассамблею. 7,2 млн. венесуэльцев из 15 млн., обладающих избирательным правом, однозначно ответили «нет». Согласно официальным данным, в выборах в конституционную ассамблею приняли участие 41,43 % зарегистрированных избирателей, по данным оппозиции

<sup>1</sup> <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/27/72594-my-bolshe-ne-poydem-na-peregovory>.

– не более 12 %. Трагизма ситуации придает также то обстоятельство, что главной движущей силой проекта «Конституционная ассамблея» является второй человек режима, бывший военный Д. Кабельо. Если ему удастся возглавить вновь избранную Конституционную ассамблею, он имеет реальные шансы стать фактическим президентом страны, превратив Мадуро в номинальную фигуру. В то же время Д. Кабельо, которому нельзя отказать в жесткости, скорее всего продолжит линию на фактическую ликвидацию демократических прав и свобод в стране, где среднегодовые темпы инфляции уже превысили 700 %<sup>1</sup>.

Таким образом, Венесуэла находится на грани гражданской войны, Трамп – под угрозой импичмента. В Венгрии стабильно снижается уровень демократической подотчетности. Таковы немногие реальные результаты, которыми могут «похвастаться» находящиеся у власти право- и левопопулистские движения в современном мире.

<sup>1</sup> <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/08/02/73315-my-poteryali-stolko-chno-dazhe-poteryali-strah>.

## Глава 2.

### Политический характер отношений, возникающих в связи с осуществлением народовластия (на материалах США)

#### 2.1. Избирательный корпус политических партий

Анализ состава и динамики избирательного корпуса политических партий, представляющих основные политические течения страны, дает возможность проследить изменение политических позиций различных категорий американских избирателей, социальный облик избирательного корпуса основных партий в отдельные периоды насыщенной событиями истории США. Ключевой категорией здесь выступает электоральное поведение, то есть поведение избирателей в ходе многоступенчатого предварительного подбора и окончательного выбора в процессе голосования достаточно значительного числа должностных лиц, начиная от президента Соединенных Штатов и заканчивая членами местных legislatures.

Как отмечает А. И. Ковлер, «электоральное поведение определяется целым рядом объективных и субъективных факторов. К первым относят условия и характер трудовой деятельности, материальный и культурный уровень, пол, возраст, религиозные и географические различия и связанные с ними политические традиции, характер местного и коллективного политического окружения, то есть факторы, существующие объективно, помимо воли человека. Ко вторым, субъективным, факторам социология относит идеологические установки избирателя, его социальную самоидентификацию, интерес к политике, иными словами, проявления волевой и умственной деятельности индивида»<sup>1</sup>.

В отношении последней группы факторов отметим, что примерно до середины XX века при голосовании на выборах разных уровней американцы отдавали свои голоса за те партии, с которыми они себя идентифицировали в течение достаточно длительного време-

<sup>1</sup> Ковлер А. И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. – М.: ИГП РАН, 1995. – С. 18.

ни, иногда даже в течение всей жизни. Для них не имело особого значения, какова позиция кандидата по тем или иным вопросам, его биография, происхождение и проч. Достаточно было знать, особенно в «позолоченный век», что данный кандидат – демократ или республиканец, и, исходя из этого, сделать свой выбор. Как верно подметил Д. Е. Фурман, «раньше кандидат знал, что есть округа, в которых демократ победит всегда, и, следовательно, единственная задача кандидата в этих округах – добиться выдвижения себя партийной верхушкой; есть округа, где демократ не победит никогда, и есть такие округа, где для победы надо добиться, чтобы обязательно все демократы пришли и проголосовали, и хорошо бы, если при этом какие-нибудь республиканцы останутся дома»<sup>1</sup>.

Например, вплоть до президентства Дж. Кеннеди жители консервативно настроенных южных штатов массово отдавали свои голоса за демократов, во что сегодня трудно поверить. При этом они руководствовались генетической памятью, цепко держащейся за то обстоятельство, что во времена Гражданской войны 1861-1865 гг. партией южан, выступающей за сохранение рабовладения, была как раз Демократическая партия, в то время, как республиканцы, руководимые А. Линкольном, отстаивали диаметрально противоположные взгляды. После решительных реформ администрации Кеннеди в первой половине 1960-х гг., направленных своим острием против сегрегации, на защиту прав негритянского населения и национальных меньшинств, южане стали отходить от демократической платформы и постепенно дрейфовать в сторону Республиканской партии, чьи лидеры были гораздо более сдержанны в национальном вопросе. В результате к началу 1990-х гг. южные штаты – и в первую очередь Техас – стали подлинной вотчиной республиканцев. Ярчайшим свидетельством этому является судьба клана Бушей, стойких приверженцев Республиканской партии, – Дж. Буш-старший был в свое время конгрессменом от Техаса, его сын Джордж-младший – губернатором обозначенного штата, а другой сын Джеб – губернатором также находящейся на юге страны Флориды.

Но уже с приходом к власти в 1992 г. Б. Клинтона ситуация стала постепенно меняться в пользу демократов. Благодаря своей

<sup>1</sup> Фурман Д. Е. Упадок американской двухпартийной системы и эволюция массового сознания в США // Вопросы философии. – 1987. - № 6. – С. 128.

центристской риторике и личному обаянию Клинтону удалось переманить определенную часть южного электората обратно в стан демократов. Поэтому сегодня, как писал Д. Е. Фурман, «и демократ, и республиканец могут победить где угодно и не потому, что он – демократ или республиканец, а потому, что он понравился утрачивающей партийные лояльности массе»<sup>1</sup>.

Именно эта лояльность избирателя к одной из двух политических сил, действующих в США, закладываемая чуть ли не с самого детства<sup>2</sup> и безбожно размываемая в XXI веке, образует важнейшее понятие американского электорального процесса – partisanship (партийная заангажированность, партийная самоидентификация). Вот как она трансформировалась с течением времени<sup>3</sup>:

Партийная идентификация, %	1952	1956	1960	1964	1968	1972	1976	1980	1984	1988	1992	1996	2000	2004	2008
Демократы	47	44	46	51	45	40	39	41	36	35	35	38	36	32	34
Независимые	22	24	23	22	29	35	36	35	34	36	38	32	42	38	40
Республиканцы	27	29	27	24	24	23	23	22	28	28	25	29	20	29	25
Не определившиеся	4	3	4	2	2	2	2	2	2	2	2	1	2	2	1

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о сохраняющемся высоком уровне партийной лояльности, составляющем, как правило, более 70 % тех, кто причисляет себя к одной

<sup>1</sup> Фурман Д. Е. Упадок американской двухпартийной системы и эволюция массового сознания в США // Вопросы философии. – 1987. – № 6. – С. 128.

<sup>2</sup> По сделанным в 1975 г. подсчетам, большинство американцев «наследовало» партийную принадлежность своих родителей и лишь 2 % американцев меняли свою партийную принадлежность в течение года. См.: Малащенко И. Е. США: в поисках «консенсуса». – М.: Наука, 1988. – С. 79.

<sup>3</sup> Flanigan W., Zingale N. Political behavior of the American electorate. – W.: CQ Press, 2010. – P. 79. Что же касается партийной самоидентификации граждан на выборах 2012 г. и 2016 г., то о них речь пойдет ниже.

из двух ведущих политических партий. Вместе с тем обращает на себя внимание и немалый процент «независимых» (за 50 лет их количество увеличилось вдвое), то есть тех, кто не желает связывать себя с партиями. Фактически именно от обработки этой части электората и зависит успех на выборах. Также бросается в глаза предельно низкий процент «равнодушных» (в последние десятилетия – не более 2 %), что подтверждает тезис о значительном интересе, который американцы испытывают к политике. Повторимся однако, что в сегодняшних условиях *партийная идентификация не определяет электоральную позицию избирателя* (в противном случае, республиканцы никогда не смогли бы провести в Белый дом своего человека, поскольку в общей выборке сторонников демократов всегда было больше. Тем не менее до 1990-х гг. республиканские инкубенты выигрывали 7 из 10 президентских выборов<sup>1</sup>). Например, на выборах 2016 г. многие республиканцы проголосовали за представителя демократов Х. Клинтон, будучи откровенно напуганными правопопулистской демагогией Трампа. И напротив, некоторые избиратели, считавшие себя демократами, отдали свои голоса эксцентричному миллионеру.

Таким образом, следует учитывать наличие еще одного мотива голосования, который во многом предопределяет роль партий и имеет весьма важное значение для понимания поведения избирателей. Там, где избиратель имеет представление о личности кандидата и эта личность ему импонирует, – там он голосует за нее вопреки партийной приверженности. Это так называемое «отклоняющееся поведение» (deviating voting), проявляющееся прежде всего на уровне президентских выборов. Здесь электорат знает – благодаря телевидению, Интернету, предвыборным вояжам – своих кандидатов «в лицо», и это «лицо» для массового избирателя зачастую важнее партийной платформы, да и собственной партийной приверженности.

Зададимся теперь вопросом: почему в политическом участии американцев, людей с не слишком развитым партийным самосознанием, со слабо выраженным чувством «партийного долга» и «партийной дисциплины», «партийное голосование» играло –

<sup>1</sup> Polsby N., Wildavsky A., Schler S., Hopkins D. Presidential elections: strategies and structures of American politics. – L.: Rowman & Littlefield, 2012. – P. 153.

и продолжает, хотя и в несколько меньшей степени, играть – существенную роль? Очевидно потому, что для многих граждан США, слабо разбирающихся в политике, не имеющих собственной точки зрения по многим вопросам и плохо представляющих себе политические платформы кандидатов, фигура политика служит своеобразным электоральным ориентиром, посредником между избирателем и кандидатом, имидж которого и определяет в конечном счете выбор фаворита. Иными словами, рядовой американец, не имеющий «высших» политических соображений, голосует не столько за партию или ее политическую платформу и идеологию, сколько за личность кандидата. Да и сами партии в сознании многих членов американского электората ассоциируются с личностями национальных лидеров, определявших их политику – а в конечном счете и политику страны – на том или ином этапе ее истории: Ф. Рузвельта, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Р. Рейгана и т. д.

Иногда имеет место обратный процесс, так называемое «негативное голосование» (negative voting), когда избиратели высказываются не столько «за» определенные политические рецепты, сколько «против» заведомо неприемлемых аспектов деятельности правящей администрации. В этой ситуации итоги выборов отражают не столько уровень общественной поддержки оппонента главы государства (особенно, если последний добивается выдвижения на второй срок), сколько глубину оппозиционных настроений, показывают, в какой мере инкумбенту удалось настроить против себя массы избирателей. Подобная ситуация, скажем, имело место на президентских выборах 1980 г., когда непопулярный президент Дж. Картер был вынужден уступить свое место Р. Рейгану<sup>1</sup>.

Существует еще одно обстоятельство, обращающее на себя внимание при анализе электорального поведения в США, лежащее на поверхности, но вместе с тем имеющее глубокий внутренний смысл, – абсентеизм, то есть низкий процент участия избирателей, имеющих право голоса, в выборах. Так, число принимающих участие в президентских выборах не превышало в послевоенный период 64 % (показатель, достигнутый на выборах 1960 г., победителем которых стал Дж. Кеннеди). Но, как подчеркивает Э. Я. Баталов, абсентеизм – не просто устойчивое явление. Сложившись стихийно, эта традиция

<sup>1</sup> Малашенко И. Е. Указ. соч. – С. 73.

стала неписанным «правилом» электоральной «игры», *conditio sine qua non* электорального процесса. Политики строят свои расчеты, исходя из того, что в выборах не примет участия более или менее значительная часть населения. При этом специалисты могут даже приблизительно предсказать, какая часть каких категорий населения при каких условиях не примет участия в данных выборах и что может – и должно – быть следствием этого неучастия. Если бы это «правило» оказалось вдруг каким-то образом нарушенным, то это со временем неизбежно вызвало бы цепную реакцию нарушений, а скорее всего, и последующих перестроек – законодательных и обычных<sup>1</sup>. Это яркий пример того, как формальная аномалия становится не только реальной нормой, но и условием «нормального» протекания политического процесса.

Учеными подсчитан процент явки на президентских выборах в разные периоды американской истории. Статистические показатели выглядят следующим образом<sup>2</sup>:

Год	1960	1964	1968	1972	1976	1980	1984	1988	1992	1996	2000	2004	2008	2012
Процент явки	64	61,7	60,6	55,1	53,6	52,8	53,3	50,3	55,2	49	50,3	55,6	56,9	58

На президентских же выборах 2016 г. явка составила 54,7 %. Добавим к сказанному, что явка на выборы в Конгресс традиционно еще ниже и колеблется в интервале от 60 % (выборы 1960 г.) до 40 % (выборы 2010 г.), имея при этом явную тенденцию к понижению<sup>3</sup>.

В научной литературе обычно указывают следующие мотивы, по которым избиратель уклоняется от участия в выборах: 1) ему безразлична политика; 2) политика ему отвратительна; 3) он не видит разницы между кандидатами и выдвинувшими их партиями; 4) он считает себя некомпетентным, чтобы голосовать; 5) он не желает тратить время на голосование, особенно если участок

<sup>1</sup> Баталов Э. Я. Указ. соч. – С. 201.

<sup>2</sup> Согрин В. В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. – М.: Весь Мир, 2011. – С. 331.

<sup>3</sup> Там же. – С. 332.



расположен далеко от дома<sup>1</sup>. В этой связи заслуживает внимания классификация форм абсентеизма, данная в свое время харьковским ученым-государствоведом В. Д. Яворским. В частности, он подразделял абсентеизм на активный и пассивный. Наиболее типичным и нежелательным для общества проявлением абсентеизма является сознательное уклонение избирателей от участия в голосовании (активный абсентеизм). Соответственно пассивный абсентеизм объясняется нежелательными внешними факторами, как-то: отдаленностью избирательных участков от места жительства, плохой погодой в день голосования и проч.<sup>2</sup>

Значение субъективных факторов при голосовании стало в последние годы так велико, что ученые даже разработали отдельную классификацию избирателей, исходя из их внутреннего психологического отношения к партийным программам. В частности, сторонники Республиканской партии подразделяются на: 1) «жестких консерваторов» (до 12 % зарегистрированных избирателей); 2) «умеренных республиканцев» (12 %); 3) «республиканских популистов» (10 %). Демократы же делятся на «либеральных демократов» (10 %); 2) «социально-консервативных демократов» (14 %); 3) «новых демократов», которых еще именуют «клинтонистами» (10 %), и 4) «партийных бедняков» (11 %). Наконец, группа независимых избирателей состоит из «новых процветающих» американцев (11 %) и «неудовлетворенных» (10 %). Кроме того, выделяют также «попутчиков» - бывших сторонников демократов, которые делают свой выбор только накануне голосования<sup>3</sup>.

Американский политолог М. Липсет путем обобщения значительного статистического материала вывел ряд закономерностей электорального поведения, присущих американским гражданам.

<sup>1</sup> Туманов В. А. Общая характеристика партий и выборов в капиталистическом государстве // Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов) / Отв. ред. В. А. Туманов. – М.: Наука, 1980. – С. 68.

<sup>2</sup> Яворский В. Д. Принцип народовластия и абсентеизм // Проблемы законности. – 2002. – Вып. 52. – С. 65, 66.

<sup>3</sup> Борисюк В. И. Избирательный процесс в США как политический институт: проблемы и характер эволюции в конце XX века // Политические институты на рубеже тысячелетий. – М.: Феникс+, 2001. – С. 200.

Представим их, вслед за Липсетом, в виде таблицы<sup>1</sup>:

Повышенная явка	Пониженная явка
Высокий доход	Низкий доход
Бизнесмены	Неквалифицированные рабочие
Белые воротнички, служащие	Прислуга
Правительственные сотрудники	Работники сферы обслуживания
Фермеры, выращивающие товарные культуры	Крестьяне и фермеры, ведущие натуральное хозяйство
Шахтеры	Негры
Мужчины	Женщины
Люди средних лет (35-55) и пожилые люди (старше 55)	Молодые люди (до 35)
Давние жители общины	Вновь прибывшие в общину
Рабочие Западной Европы	Рабочие США
Кризисные ситуации	Нормальные ситуации
Женатые	Холостые и одинокие
Члены организаций	Изолированные лица

Как видим, мужчины голосуют заметно активнее, нежели женщины; лучше образованные люди – заметно активнее, чем менее образованные; городские жители – заметно активнее, нежели сельские; лица в возрасте от 35 до 55 лет – заметно активнее, чем более молодые или же старшие избиратели; состоящие в браке – заметно активнее, чем не состоящие; члены каких-либо организаций – заметно активнее, чем нигде не состоящие, и т. д.

Перейдем теперь к анализу объективных факторов, обуславливающих то или иное электоральное поведение американских избирателей, главными из которых, по мнению большинства специалистов, являются возрастные и расовые различия.

Здесь следует иметь в виду, что нынешний американский электорат включает в себя представителей как минимум трех поколений, имеющих нетождественный социальный опыт и во многом воспитанных на разных ценностях. К их числу относят бэби-бумеры, поколение X и миллениалз. Вкратце охарактеризуем их.

*Бэби-бумеры (поколение дедушек).* К поколению «бэби-бума» обычно причисляют американцев, родившихся в 1946-1964 гг. Это

<sup>1</sup> Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. – М.: Мысль, 2016. – С. 221.

произошло вследствие сильного скачка рождаемости в течение 20 лет после окончания Второй мировой войны. Дело в том, что после войны одновременно вступили в брак три различные категории женщин: 30-летние, которые в дни войны откладывали замужество до более благоприятных времен, 20-летние (обычный возраст вступления в брак) и девушки моложе 20 лет, поторопившиеся с замужеством в обстановке послевоенного эмоционального подъема. Параллельно с увеличением числа браков шло увеличение численности семей (общепринятой социальной нормой для замужней женщины в те годы было иметь 3-4 детей)<sup>1</sup>.

Именно это поколение позднее, в 1960-е гг., получило название «поколение протеста», выступив в качестве основного фермента идейно-политического брожения, наметившегося в Соединенных Штатах. Их политическая социализация происходила в эпоху братьев Кеннеди, борьбы за гражданские права, волнений в студенческих кампусах, войны во Вьетнаме. Именно они сложили костяк движения хиппи, которое символизировало для многих американцев распад традиционных устоев. Представители этого поколения, добиваясь снижения избирательного возраста, выдвинули ироничный лозунг с намеком на вьетнамскую войну: «Достаточно стар, чтобы умереть, но недостаточно, чтобы голосовать» (old enough to die but not old enough to vote)<sup>2</sup>. Говоря словами И. В. Кормильцева, «у всех у них был общий знаменатель, присущий всему поколению «свидетелей Вудстока», - бескомпромиссный идеализм, порожденный глубокой уверенностью в том, что человека и человеческое общество можно и нужно переделать к лучшему. Сперва в Америке, а затем – повсеместно»<sup>3</sup>.

Своего политического могущества это поколение достигло с приходом к власти администрации Б. Клинтона – образцового во всех отношениях «бумера». Да и на всех других ключевых постах в 1990-е гг. бумеры достигли поры своего цветения, лихо перепры-

<sup>1</sup> Белова Т. Е. Поколение «бэби-бума» в политической жизни // США: экономика, политика, идеология. – 1987. - № 9. – С. 63.

<sup>2</sup> Brewer M., Maisel S. Parties and elections in America: the electoral process. – L.: Rowman & Littlefield, 2016. – P. 66.

<sup>3</sup> Кормильцев И. Поколение икс: последнее поколение ? // Иностранная литература. – 1998. - № 3. – С. 227.

гнув через головы старших братьев – поколения тогдашних шестидесятилетних, прозванного «молчаливым» (silent generation), - и непосредственно сменив в креслах ветеранов Второй мировой (поколения, к которому принадлежал, например, Буш-старший). Не случайно, сегодня снова на авансцену большой политики, буквально не щадя себя и проходя через череду утомительных избирательных перипетий, вышли бумеры: родившаяся в 1947 г. Хиллари Клинтон и Дональд Трамп, родившийся годом ранее.

Но время идет. И «юный возраст становится чем-то вроде воспаления гланд, которое, безусловно, просто пройдет со временем, когда молодые люди в свой черед станут родителями и налогоплательщиками»<sup>1</sup>. Именно поэтому кто бы ни выиграл в ноябре 2016 г. президентские выборы, этот человек был обречен повторить рекорд Р. Рейгана, избранного на президентский пост в 69 лет (а Трамп вовсе отметил в июне 2016 г. 70-летие). Иными словами, поколение бунтарей уже давно превратилось в поколение пенсионеров. Кто-то из этих людей остался верен идеалам своей молодости, а кто-то, превратившись в старика, начинает разделять наиболее реакционные установки крайне правых. В этой связи показательно, что 53 % представителей указанного поколения отдали свои голоса Д. Трампу (против 45 % у Х. Клинтон).

*Поколение X (поколение отцов)*. На смену бумерам пришло поколение X, то есть американцы, родившиеся в интервале между 1965 и 1980 гг., которых сегодня насчитывается около 50 миллионов. Наиболее часто используемое по отношению к ним слово – sluggard (лентяй, бездельник). В самом деле, участь этих людей, вынужденных находиться в тени своих родителей, незавидна. Их быт характеризуется отсутствием привлекательной карьеры и определенных жизненных перспектив, неустроенностью, которая, за неимением альтернатив, постепенно превращается в жизненное кредо, ироничным отношением к обществу и беспомощностью перед его лицом, неприятием никаких ценностей, но при этом – полным отсутствием установки на протест<sup>2</sup>. Рупором и наиболее ярким представителем этого поколения в поп-культуре стал

<sup>1</sup> Малашенко И. Е. Американская молодежь сегодня // США: экономика, политика, идеология. – 1985. - № 7. – С. 17.

<sup>2</sup> Там же. – С. 226.

рок-музыкант К. Кобейн, трагически погибший в 1994 г. Настрой обозначенного поколения хорошо передает его песня «Я ненавижу себя и хочу умереть».

Как это часто бывает, следующее поколение сменило знак предыдущего на противоположный: идеализм бумеров сменился цинизмом иксеров, прожектерство – приземленным прагматизмом и т. д. Важно также, что в отличие от бумеров работой с предсказуемой и тяготной карьерой иксеры обзаводиться не торопятся, предпочитая обеспечивать свое существование не требующими высокой квалификации «макджобами» (низкоквалифицированными и низкооплачиваемыми видами работ, особенно в «фаст-фудах»).

От политики эти люди традиционно далеки. Так, на промежуточных выборах в Конгресс в 1994 г., несмотря на всю пропагандистскую шумиху, проголосовал только один из пяти иксеров. А на президентских выборах 1996 г. свою волю изъявили лишь 24 % американцев в возрасте от 18 до 32 лет<sup>1</sup>. Тем не менее на президентских выборах 2016 г. в этой возрастной категории Трампа поддержали те же 53 %, что и среди бумеров (против 44 % у Х. Клинтон).

*Миллениалз (сегодняшняя молодежь)*. Здесь ситуация более сложная. «Поколение тысячелетия» - это молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, рожденные между 1980 и 1996 гг., становление которых пришлось как раз на период после окончания «холодной войны». Кроме того, это самая многочисленная на сегодня возрастная группа, насчитывающая от 80 до 95 миллионов человек. Именно от их позиции во многом будет зависеть исход избирательных кампаний в ближайшие десятилетия. Фактически именно им обязан своим успехом президент Б. Обама. И не случайно, ведь представители молодого поколения не без основания считают, что предыдущая консервативная политика республиканцев была к ним несправедлива<sup>2</sup>. Именно эта возрастная категория в наибольшей степени поддержала Х. Клинтон на выборах 2016 г. За нее отдали

<sup>1</sup> Дегтяренко К. В. «Поколение икс» и президентская кампания // США: экономика, политика, идеология. – 2000. - № 5. – С. 68.

<sup>2</sup> Травкина Н. М. Выборы – 2008: время внесистемных политиков ? // США: экономика, политика, идеология. – 2008. - № 9. – С. 34, 35.

свои голоса 55 % избирателей в возрасте от 18 до 29 лет (против 37 % у Д. Трампа) и 50 % избирателей в возрасте от 30 до 44 лет (против 42 % у Д. Трампа).

В целом миллениалз живут относительно хуже по сравнению со своими родителями. Если в середине 1970-х гг. средний доход американского мужчины в возрасте 30 лет составлял свыше 40 тыс. долл. в год, то в настоящее время он не превышает 35 тыс. долл. (при несопоставимой покупательной способности американской валюты в те годы и сейчас). Согласно подсчетам социологической службы Гэллапа, только 29 % миллениалз (страшная цифра !) имеют работу, при этом 21 % из них за последний год эту работу поменяли. 55 % миллениалз верит в Бога, что значительно меньше показателей «бумеров» (70 %) и иксеров (65 %)<sup>1</sup>.

Но наибольший интерес представляет для нас, разумеется, партийное размежевание. Так, если верить тому же опросу, 28 % миллениалз причисляют себя к демократам, 19 % - к республиканцам и 44 % - к независимым. Для сравнения у иксеров аналогичные показатели составляют 28 %, 26 % и 37 %, а у бумеров – 33 %, 28 % и 32 % соответственно<sup>2</sup>.

Вообще размежевание американского общества на сторонников Республиканской и Демократической партии, по мнению большинства исследователей, не поддается прямолинейному описанию, если основываться только на анализе их электората. Скорее можно утверждать, что в США имеет место конкуренция между двумя видами электоралистских партий: *программной* (Республиканской, с более четко оформленной консервативной политической платформой) и *всеохватной* (Демократической)<sup>3</sup>. В соответствии с таким идейно-политическим размежеванием выстраивается и массовая база поддержки партий. Республиканцы пользуются более высокой поддержкой среди белого населения в целом, мужчин, зажиточных граждан; демократы - среди женщин (во многом - из-за более привлекательной позиции по вопросам гендерного равноправия и права на аборт), населения негритянского, латиноамериканского

<sup>1</sup> How millennials want to work and live // <http://www.gallup.com/reports/189830/millennials-work-live.aspx>.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Макаренко Б. И. Политические партии в США. – С. 147.

и еврейского происхождения<sup>1</sup>, членов профсоюзов, менее обеспеченных и более высокообразованных граждан.

Географически, не без оговорок, на федеральных выборах демократы доминируют на западном побережье и в густонаселенных северо-восточных штатах, республиканцы - в центре и на юге страны. Демократы сильнее в крупных городах, республиканцы - в сельской местности и зачастую в зажиточных городских пригородах.

Вполне репрезентативным примером размежевания электоратов служат президентские выборы 2012 г., которые выиграл кандидат от Демократической партии Б. Обама с результатом 50 на 48 %.

По данным экзит-полла телеканала CNN, Обама уверенно выиграл женский (55 на 44 %, при том что женщины составляли 53 % всего электората) и молодежный электораты: за него проголосовали 60 % американцев не старше 29 лет и 52 % не старше 44 лет. М. Ромни выиграл в мужском электорате (52 на 45 %) и в старших возрастах: 51 % в когорте 45-64 года и 56 % в самой старшей возрастной когорте. Обама победил в городах (62 на 36 %), почти на равных выступил в пригородах (48 на 50 %) и крупно проиграл лишь в сельских районах (39 на 59 %).

Обама получил 54 % голосов тех американцев, доход которых не превышает 100 тыс. долларов в год, Ромни - столько же среди тех, чей доход выше 100 тыс. Ромни получил 59 % среди регулярно посещающих религиозные службы, Обама уверенно победил среди тех, кто на церковную службу ходит редко или никогда. Среди протестантов уверенно выиграл Ромни (57 %), католиков - Обама с минимальным отрывом (50 на 48 %), равно как и среди иудеев (69 на 30 %).

В расовом раскладе Обама удержал минимальную планку поддержки среди белых избирателей, которые составляли 72-73 % от

<sup>1</sup> Д. Е. Фурман, глубокий знаток данной проблематики, связывал традиционную поддержку, которую оказывает еврейское население США Демократической партии, в целом с более либеральными, отчасти даже «левыми» тенденциями в политическом сознании американских евреев, вызванными, в свою очередь, «выработанной веками инстинктивной сплоченностью унижаемого меньшинства». См.: Фурман Д. Е. Политические взгляды еврейской общины США // США: экономика, политика, идеология. – 1988. - № 6. – С. 120.

всех голосовавших: он получил порядка 39 %, что ниже его показателя 2008 г. (43 %), но все же достаточно для общей победы. Зато он уверенно победил среди негров (93 %) и испаноязычных (71 %). А их явка на выборы была весьма высокой: они составляли соответственно 13 и 11 % от всех голосовавших<sup>1</sup>. Следует заметить, в пику Липсету, что последний показатель растет от выборов к выборам.

Характерно, что во многих социально-демографических когортах (за исключением, пожалуй, лишь негритянского населения) распределение симпатий между двумя партиями описывается пропорциями, 55-65 % к 35-45 %, т. е. тенденция выражена достаточно четко, но не имеет абсолютного характера. Это свидетельствует о том, что позиции партий воспринимаются не как антагонистические и взаимоисключающие, т. е. степень консенсуса в американской политике достаточно высока, хотя и ощутимо снижается в последние годы.

Данные тенденции достаточно устойчивы на общенациональном уровне, хотя конкретные цифры поддержки подвержены существенной вариации на разных типах выборов и в разные годы. Фактически такая конфигурация электоральной базы двух партий, если судить по долгосрочным интересам различных социально-демографических когорт, объединяет разные типы размежеваний, и социально-экономическое, и «центр-периферия», и «город-село», и «религиозное-светское», и конфликты постиндустриальной эпохи. Уникальность американской ситуации в том, что столь сложное переплетение размежеваний в такой большой стране урегулируется практически чисто двухпартийной системой.

В заключение нельзя не сказать об особенностях иммиграционной реформы, предложенной Б. Обамой в самом начале второго срока его президентства. Основное содержание этой реформы с точки зрения электоральных процессов сводится к легализации статуса 13,3 млн. иммигрантов, проживающих в настоящее время на территории США.

Данная проблема и составляет сердцевину всех политических баталий, идущих сегодня вокруг предложенной реформы. Процесс

<sup>1</sup> Фурман Д. Е. Политические взгляды еврейской общины США // США: экономика, политика, идеология. – 1988. - № 6. – С. 148, 149.

трансформации нелегальных иммигрантов, получивших вид на жительство, в полноправных иммигрантов может занять от 5 до 10 лет, однако долгосрочные последствия этой трансформации, учитывая также фактор изменения семейного положения амнистированных нелегальных иммигрантов, произведут поистине революционные изменения в американской политической системе.

По оценке американских аналитиков, при условии законодательного оформления большей части иммиграционной реформы к 2036 г. в США появится свыше 32 миллионов потенциальных избирателей. При этом 5 млн. новых избирателей появится уже к 2024 г., еще 10 млн. – к 2028 г., и дополнительно 17 млн. новых избирателей смогут принять участие в выборах – в том числе, естественно, президентских – в 2036 г.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что все президентские выборы XXI века, начиная с 2000 года, были решены перевесом всего в 4,5 млн. голосов избирателей, хотя в выборах в среднем принимали участие 122 млн. человек. Для сравнения можно указать, что 32 млн. новых избирателей примерно равны численности американских избирателей в возрасте свыше 65 лет, принявших участие в президентских выборах 2012 г., в два раза больше численности американских ветеранов и в три раза больше числа латиноамериканских избирателей, пришедших на избирательные участки в 2012 г.<sup>1</sup> За кого они будут голосовать, предсказать не сложно. Так, кандидата от демократов Х. Клинтон на выборах 2016 г. поддержали 65 % латиноамериканских и столько же избирателей азиатского происхождения, а также рекордные 88 % негритянского населения.

Отмеченные выше изменения в составе избирательного корпуса американских партий вынуждают их постоянно совершенствовать методы ведения психологической обработки избирателей с тем, чтобы приостановить дальнейшее «размывание» своей социальной базы и вернуть утраченные позиции.

<sup>1</sup> Травкина Н. Парламентские выборы в США: усталость от Обамы // [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=3794#top-content](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3794#top-content).

## 2.2. Роль гендерного фактора в избирательных правоотношениях

В мультикультурном и многонациональном американском обществе гендерное равенство является одним из важнейших его столпов, наряду с расовым равенством и культурным многообразием. Однако ситуация с реализацией прав женщин в США динамично изменялась в различные исторические периоды. Взрывной рост влияния женщин в общественной жизни Соединенных Штатов за последние десятилетия — результат действия многих факторов, в том числе гендерной политики властных структур.

За период с конца 80-х годов XX века до конца первой декады XXI столетия, названной «эпохой женщин», американки прошли путь от фактического бесправия и политической невидимости до выдвижения на ведущие посты страны. Но как показали последующие годы, прорыв не окончен – актуальными остаются проблемы гендерного паритета на самых высоких постах страны и по-прежнему преодолевается «отставание» США от мирового сообщества в вопросах гендера.

Тема гендерного равенства и участия американских женщин в общественно-политической жизни страны освещалась в работах О. А. Ворониной, Т. В. Немченко, В. В. Соболевой, Л. Н. Попковой, Н. А. Третьяковой. Автором многочисленных публикаций, посвящённых проблемам анализа избирательных кампаний женщин-кандидатов, электорального поведения избирательниц, политической представленности женщин в legislatures штатов и Конгрессе США является Сьюзан Кэрролл. Ведущим экспертом в вопросе гендерной политики на постсоветском пространстве можно назвать Н. А. Шведову, которая детально исследует и анализирует политическое участие американок в жизни страны и их влияние на формирование государственной политики США.

Переходя к изучению вопроса, следует отметить, что предпосылки борьбы за гендерное равноправие женщин в политике существовали с самого начала основания США. И хотя прямых ограничений не было установлено, перед женщинами возникали как юридические, так и культурные барьеры, явные и завуалированные. Война за национальную независимость закономерным образом привела к открытому бесправию женщин в Америке. При пра-

вах де-юре женщины столкнулись с запретом де-факто. За период с 1807 по 1838 гг. ни одна женщина не получила право голоса на выборах<sup>1</sup>. И только в 1920 году XIX поправка к Конституции Соединенных Штатов предоставила женщинам полное избирательное право.

Таким образом, подавляющее большинство женщин были лишены гражданских избирательных прав в течение первых двух десятилетий XX века. К этому времени сложилось драматическое «отставание» женщин в практике реализации политических прав по сравнению с мужчинами.

Разрыв стал преодолеваться только к 1960 году, когда женщины активно поддержали социальные реформы, в том числе законы о детском труде, минимальной заработной плате, здравоохранении и жилищном законодательстве. В 1960-х годах сократился разрыв между мужчинами и женщинами как в регистрации их избирателями, так и в явке на национальных выборах, а с 1980 года участие женщин в президентских выборах достигло или даже превысило явку мужчин. В 1984 году демократ Уолтер Мондейл неожиданно для многих назвал своим вице-президентом члена Палаты Представителей Джеральдин Ферраро — первую женщину в истории США, которая претендовала на этот пост. Расчет Мондейла строился на том, что Ферраро сможет привлечь голоса женщин и многочисленной итальянской общины. Немного позже второй в истории США женщиной, выдвинутой на вице-президентский пост, стала Сара Пейлин.

Отметим, что одним из барьеров на пути женщин во властные кабинеты являлась проблема финансирования избирательных кампаний женщин-кандидатов: недостаток средств снижал их конкурентоспособность уже на ранних этапах предвыборной кампании. Несмотря на это, при помощи женских организаций женщины были готовы к тому, чтобы быть представленными на местных и общенациональных выборах.

К середине 1970-х годов вопросы социально-политического положения женщин и их участия в политике игнорировать в США

<sup>1</sup> Michael X.Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993, p.34-36.

стало невозможно. Однако их политические взгляды противоречиво отражали масс-медиа. Некоторые из них намеренно формировали негативный образ женщин, вовлеченных в борьбу за равноправие или политическую деятельность. И здесь огромную роль в противодействии негативному фреймингу сыграли женские организации<sup>1</sup>. Фактором перемен стало также то, что в соседней Канаде уже в середине 1970-х годов правительством страны была выработана политика «интеграции женщин», определившая механизм включения последних во все сферы деятельности, и созданы специальные «женские программы»<sup>2</sup>. Эта политика была примером и для стратегии женского движения в США.

В результате к 80-м годам XX ст. женщин признали полноценным субъектом политики США, имеющим равное с мужчинами право быть избранной во все эшелоны власти. Были не только опровергнуты стереотипные представления об аполитичности женщин и их неспособности принимать решения на уровне государства, но разрабатывались стратегии и тактики женщин на пути во власть при реализации избирательных программ. Настоящий политический прорыв женщин США во все уровни власти - от местной до федеральной - произошел в период «десятилетия женщины» (1976-1985 гг.). Так, с 1980 по 1988 гг. в два раза возросло количество женщин в аппарате Белого дома, а в Сенате американки к концу 1980-х годов составили 10 % от общего числа назначаемых должностей, при том, что еще в 1979 году не было ни одной женщины-сенатора<sup>3</sup>.

Вместе с тем из 100 сенаторов Конгресса США в 1988 году было всего две женщины (на уровне 60-х годов). В Палате представителей женщины заняли 5% мест. Если в 1973 году 5,6% состава законодательных собраний штатов занимали женщины, то в 1983 году — уже 13,3%<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Шведова Н. А. Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. - С. 22-53.

<sup>2</sup> Шведова Н.А. Политика «интеграции женщин» // США и Канада: экономика, политика, идеология. 1994, № 4. С. 80-87.

<sup>3</sup> Michael X.Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993. P.38-39.

<sup>4</sup> Там же.

Деятельность американок, занимавших в начале 90-х годов высокие государственные должности в Конгрессе и аппарате Президента, факторы политической активности женщин, особенности их электорального поведения и стратегии избирательных кампаний снова стали предметом заинтересованного активного изучения.

К 1992 году сложились условия не только для гендерной справедливости в реализации своего права голоса, но и для осуществления реального политического влияния в стране пропорционально численности женщин. Женские проблемы выдвинулись на ведущие позиции и стали неотъемлемой частью политической повестки США<sup>1</sup>.

На политической арене гендерный разрыв отношения избирателей к насилию, расходам на оборону, возможности ядерной войны, программам социального обеспечения и окружающей среды возрастал: женщины чаще, чем мужчины, поддерживали кандидата с умеренной и миролюбивой политической позицией. Эти гендерные отличия общество уже рассматривало не как основу для приращивания и источник неполноценности, а как позитивный фактор и залог стабильности и мира.

Таким образом, к 1992 году сложились внешние и внутренние предпосылки для коренного изменения гендерной ситуации в США.

При анализе ситуации с гендерным равенством накануне выборов необходимо перейти от отдельных цифр к системе. Предложенные способы измерения гендерного равенства в комплексе могут дать представление о положении и роли женщин в США<sup>2</sup>:

- доля женщин, представленных в законодательных органах или парламенте;
- наличие всеобщего избирательного права для женщин и количественное участие женщин в президентских выборах;
- появление на политической арене ярких женщин – политиков;
- количество открытых проявлений явной гендерной дискриминации.

<sup>1</sup> Третьякова Н.А. Борьба женщин за политические права в США в 1970-1980-е гг. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Тюмень, 2007. – 24 с.

<sup>2</sup> Немченко Т.В. Роль женщин в политике США// Политические институты и процессы, 2015, № 2. – С. 32-34.

Первый фактор показывает, что до выборов 1992 года только три из пятидесяти постов губернаторов штатов занимали женщины. Примерно 10 процентов постов мэров городов и 20 % должностей мэрий и членов городских советов составляли женщины, что намного меньше доли женского населения - 51 процента. Ни одна женщина в истории США не стала президентом, хотя процент американцев, которые говорят, что они были бы готовы проголосовать за женщину-президента, неуклонно рос: от 33% в 1937 году и свыше 90% в 1990-х годах<sup>1</sup>. Ведущие американские СМИ отмечают, что выдвижение Хиллари Клинтон на президентских выборах 2016 года стало знаковым событием в движении за права женщин во всем мире.

В тоже время гендерная дискриминация все еще была явно заметна практически во всех сферах жизни. Именно женщины наиболее остро переживали глубокий и затяжной экономический спад, рост безработицы и бедности, недостаток экономической и транспортной инфраструктуры в стране. Н. А. Шведова наглядно рисует социально-политический портрет американок конца XX века:

- работа - в 500 крупнейших американских компаниях женщины составляли только 3 % среди шести должностей топ-менеджмента;
- заработок - женщины, работающие полный день, зарабатывали в среднем 80 % от мужской средней зарплаты;
- образование - после получения диплома вуза женщина зарабатывала меньше, чем ее коллега-мужчина с таким же уровнем подготовки и на аналогичной должности в той же сфере;
- неравный доступ к некоторым высокооплачиваемым профессиям;
- ведение своего собственного бизнеса увеличило нагрузку на женщин и отдалило от семейных проблем;
- кризис семьи как защиты женщины - число незамужних американок достигало почти половины (46 %) от количества женского населения, число матерей-одиночек возросло в 3 раза по сравнению с 1970 годом.

Прямо затронул интересы женщин коллапс системы образования в Америке и ухудшение качества медицинского обслуживания.

<sup>1</sup> Michael X.Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993. P. 41.

СПИД и туберкулез прогрессировали с возрастающей скоростью. В этой экономической ситуации больше всего страдали женщины. Занимая низовые должности в медицине и образовании, являясь жертвами насильственных преступлений, женщины непосредственно и остро чувствовали масштабы надвигающейся катастрофы.

Безусловно, попытки увязать рост феминизма непосредственно с социальным положением женщин должны осуществляться с большой осторожностью. Но все эти проблемы вызывали дискуссии и новые виды активности женщин. Волновало американок и то, что в США отсутствует специальное министерство по делам женщин или специальное управление по статусу женщин, подобно созданному в соседней Канаде<sup>1</sup>. Их права и защита находились в их собственных руках.

Позиция пацифизма, занимаемая женщинами в начале 1991-1992 гг., неприятие милитаризма и насилия привели их к приоритетному выдвижению в качестве кандидатов.

Гендерные различия в проявлении поддержки политических линий были велики - женщины на 9% меньше, чем мужчины, поддерживали смертную казнь и на 21% больше высказывались в пользу запрещения огнестрельного оружия<sup>2</sup>. Расходились мнения и в поддержке участия правительства в области здравоохранения, в сокращении различий в доходах между богатыми и бедными, в обеспечении рабочих мест, а также в поддержании социальных программ - от 8 до 17% больше, чем мужчины. Расхождения были заметны и по некоторым аспектам гражданских свобод, проблемам семьи и воспитания детей. Женщины на 10 процентов чаще выбирали «традиционные ценности» по вопросам сексуальной морали, семейной жизни и религии.

Вопросы ухода за детьми, здравоохранение, образование, борьба со злоупотреблением наркотиками ликвидировали разрыв между частной и общественной жизнью и создали легитимную аре-

<sup>1</sup> Шведова Н.А. Политика «интеграции женщин» // США и Канада: экономика, политика, идеология. 1994. № 3. – С. 80-87.

<sup>2</sup> Michael X. Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993. P.42.

ну и путь для более полного вхождения женщин в общественную жизнь и политику.

1992 год представлялся именно тем годом, когда многие двери могли быть открыты шире на пути женщин во властные кабинеты Соединенных Штатов: ведущей политической линией кандидата демократов Билла Клинтона была объявлена концентрация внимания на внутренних проблемах и уход от эскалации военных конфликтов в Персидском заливе.

Особенности и условия общественной жизни и внутренней политики обеспечили женщинам-кандидатам выигрыш благодаря четырем факторам в 1992 году:

1. Создание женских политических организаций и феминистических групп помогло направить на борьбу за политический паритет ресурсы как финансовые, так и человеческие, а также обучить добровольцев, волонтеров и экспертов для продвижения женщин на выборные должности. Фонд женских избирательных кампаний способствовал увеличению числа избранных женщин и их политическому прогрессу. Феминизм и женское движение получили обширную теоретическую базу<sup>1</sup>.

Женские организации, созданные снизу, оказали огромную поддержку для признания права женщины действовать как политический субъект. В 1992 г. фонды политических женских организаций превысили прошлые отчеты в сборе денег для женщин-кандидатов: фонд кампании по делам женщин увеличил поступления более чем в два раза в сравнении с 1990 г., а «Список Эмили»<sup>2</sup> вырос с 3500 до 24 000 членов менее чем за год, а также увеличил в 4 раза свои пожертвования в течение 1990 г. до \$ 6 млн.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Брайсон В. Политическая теория феминизма. Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. – С. 131-135.

<sup>2</sup> Emily's List «Список Эмили» – это некоммерческая организация, которая занимается фандрейзингом (сбором средств) для выдвижения женщин-членов Демократической партии на руководящие должности. Ее «соперником» является организация «Список пожеланий», которая поддерживает женщин-кандидатов от Республиканской партии.

<sup>3</sup> Michael X. Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993.



2. Поддержка Демократической партии большинством женщин-избирателей.

3. Преодоление «стеклянного потолка» для женщин на выборах в Конгресс, где традиционно работали мужчины. Многие женщины-кандидаты были допущены к подаче заявлений на свободные вакансии, значительно повысив свои шансы не только на работу, но и на политическое преимущество и победу.

4. Общее разочарование в политике Вашингтона, когда лозунг кампании Билла Клинтона как «кандидата перемен» дал преимущество женщинам избавиться от имиджа политических аутсайдеров.

Благодаря этим факторам традиционное преимущество, которое имели мужчины над женщинами-кандидатами, было безвозвратно утеряно: в 1992 году женщины баллотировались на государственные должности гораздо чаще, чем когда-либо прежде в истории США.

Президентская гонка и выборы продемонстрировали решающую роль женщин-избирательниц во влиянии на судьбу кандидатов. Президентские выборы показали гендерный разрыв: 45 % женщин голосовали за Билла Клинтона. За Буша отдали голоса мужчины и женщины поровну. Поддержка женщин для Билла Клинтона в напряженной трехсторонней гонке 1992 года стала решающей.

Таблица 1.

**Голосование на президентских выборах 1992 года<sup>1</sup>**

1992	Группа	Клинтон	Буш	Перо
Все избиратели	%	43%	37%	19%

<sup>1</sup> How groups voted in 1992. Roper center for public opinion research. Cornell University <http://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1992/>

Пол	Муж-чины	47	41	38	21
Женщины		53	45	38	17
Раса	Белая	87	39	41	21
афроамериканская		8	83	10	7
испанцы		2	61	25	14
азиатская		1	31	55	15
Воз-раст	18-24	11	46	33	21
25-29		10	41	36	23
30-49		46	41	38	21
50-64		20	43	39	18
65 и выше		13	50	39	11
Доход	<\$15,000	14	58	23	19
\$15-29,999		24	45	35	20
\$30-49,999		30	41	38	21
\$50-74,999		20	40	41	18
\$75,000 и выше		12	36	48	16
Партия	Демократы	38	77	10	13
Республиканцы		35	10	73	17
Независимые		27	38	32	30

Всего в выборах приняло участие 53% женского населения страны и 47% мужского, что говорит о преодолении в этом показателе гендерного отставания прошлых десятилетий.

Каденция Билла Клинтона продолжилась еще на один срок – с 1996 по 2000 год, после чего он уступил кресло Джорджу Бушу-младшему. Как голосовали женщины Соединенных Штатов в 1996 году, видно из таблицы 2.

Таблица 2  
Голосование на президентских выборах 1996 года<sup>1</sup>

1996		Группы	Клинтон	Доул	Перо
Все избиратели		%	49%	41%	9%
Пол	Мужчины	48	44	45	10
	Женщины	52	55	38	7
Раса	Белая	83	44	46	10
	афроамериканская	10	84	12	4
	испанцы	5	73	21	6
	азиатская	1	44	48	8
Возраст	18-24	9	55	35	11
	25-29	8	54	36	10
	30-49	44	50	41	9

<sup>1</sup> How groups voted in 1996. Roper center for public opinion research. Cornell University <http://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1996/>

50-64		23	47	45	8
65 и выше		16	50	44	6
Доход	<\$15,000	11	60	29	11
	\$15-29,999	23	54	37	9
\$30-49,999		27	49	41	10
\$50-74,999		21	47	46	7
\$75,000 и выше		9	45	49	7
\$100,000 и выше		9	39	55	6
Партия	Демократы	40	85	10	5
	Республиканцы	35	13	81	6
Независимые		22	44	37	18

Общее количество голосующих женщин практически не изменилось, а поддержка политики президента возросла до 55% - что на 10% больше, чем на первых выборах.

По данным таблиц 1 и 2 можно судить о равной или меньшей чувствительности других показателей, кроме гендера, - национальности, возраста, уровня дохода и партийной принадлежности. Так, количество избирателей белой и афроамериканской рас осталось примерно на прежнем уровне, а сторонников Клинтона среди каждой расы, кроме азиатской, стало больше всего на 2-4 %. На 10% возросло количество приверженцев президента среди молодежи как 24-29 лет, так и 18-24 лет. Менее чувствителен к политике Клинтона оказался фактор дохода избирателей и политической принадлежности.

Эти цифры говорят о большом сдвиге в преодолении гендерной и социальной несправедливости, но еще не свидетельствуют о том, что борьба за равное представительство для женщин выиграна.

6 % женщин в Сенате, 20% в государственных законодательных и исполнительных органах - это по-прежнему недостаточная гендерная представленность.

Опрос, проведенный службой новостей World Report в 1992 году, касательно того, улучшится ли управление страной, если больше женщин займут государственные должности, показал: 61% ответили «да», и 12% - «нет». Сравним с 1984 годом - тогда только 28 % полагали, что женщины во власти смогут улучшить положение вещей<sup>1</sup>.

Таким образом, 1992 год стал переломным, и последующие два срока президентства Клинтона имели шанс стать новым десятилетием женщин. Женщины Америки показали себя реальной политической силой, которая может обеспечить победу тем политикам, которые уделяют внимание женским проблемам и содействуют более активному вовлечению женщин в мир власти.

Администрация Клинтона реализовала законодательные инициативы, положительно повлиявшие на положение женщин и гендерный паритет. Президенту удалось провести через конгресс практически все законопроекты, которые ранее откладывались, и которые прямо влияют на потенциал женщин<sup>2</sup>.

Главными направлениями реформ, создавшими условия для реализации гендерного паритета, стали:

- коренная реформа здравоохранения;
- отмена запрета на медицинские консультации по абортam;
- усложнение приобретения огнестрельного оружия;
- право работающему брать временный отпуск по уходу за членами семьи с сохранением рабочего места;
- снижение платежей по кредитам на обучение;
- инвестиционная программа по созданию новых рабочих мест;
- перестройка системы социального обеспечения;
- укрепление института семьи.

Как видим, поддержка семьи стала приоритетным направлением всей социальной политики в США для администрации Клин-

<sup>1</sup> Michael X. Delli Carpini. The Year of the Woman? Candidates, Votes and the 1992 Elections. Editor DEMETRIO-S CARALEY, Barnard College Columbia University. Volume 108, 1993. P.44.

<sup>2</sup> Согрин В. В. США в XX веке // США: экономика, политика, идеология. 1999. № 9. С. 29

тона двух периодов его правления. Фокусирование социальной политики на семейных ценностях можно считать консенсусом, достигнутым благодаря женской настойчивости и решительности.

Интересным фактом является также то, что первым подписанным Клинтонem законопроектом был Акт о неоплачиваемых отпусках по болезни и семейным обстоятельствам.

В 1997 г. был одобрен закон об особых налоговых льготах для семей с детьми до 17 лет (Child Credit). Важным направлением помощи семье стало совершенствование дошкольных детских учреждений: они стали более доступными за счет того, что было увеличено финансирование. Во второй каденции Клинтона в 1997 г. в Белом доме специальная конференция по проблемам раннего развития рекомендовала выделить дополнительные средства на все программы, связанные с развитием детей до 5 лет. Была создана специальная подпрограмма в рамках программы «Хэд Старт», в рамках которой в 1998 году помощь получали 830 тыс. детей из малообеспеченных семей<sup>1</sup>.

Большое внимание правительство Клинтона уделяло помощи семьям с детьми-инвалидами. Усыновители детей из приютов на территории США получали налоговые льготы, размер которых резко возрастал при усыновлении детей с физическими и умственными недостатками.

Важным направлением выравнивания положения женщин стала забота о послешкольном присмотре за детьми работающих родителей. Федеральная программа «Дети после школы» способствовала организации «групп продленного дня».

Здесь уместно упомянуть работу Филипс в том смысле, что нередко феминистки проводили яростные дебаты и высказывались противоречиво касательно вопросов семьи и брака, будучи единодушными в отношении деструктивной роли традиционного семейного уклада для реализации гендерного равенства<sup>2</sup>. Упор на семейные ценности при Клинтоне и реализация многочисленных программ помощи семьям не только не вызвали яростных протестов

<sup>1</sup> Statistical Abstract of the United States, 1998. – Washington, 1998. – P. 103

<sup>2</sup> Филипс Ч. Томас. Противоречивость феминистских воззрений на семью в практике женских движений в США: Историко-социологический анализ. Автореферат диссертации на соиск.уч.ст. канд. соц. наук. М., 2001. – 21 с.

стов, но и смогли перевести женщин из «семейного очага во властные структуры», и дать, как следствие, новый толчок гендерному паритету в политике.

В 1996 г. был принят закон («реформа Вэлфера») об изменениях в социальной политике, не менявшей со времен «Нового курса» Рузвельта. Государство обязалось создать рабочие места и поддерживать семьи работающих граждан.

Как результат, уровень бедности в США во второй половине 90-х годов упал до самой низкой отметки за всю историю страны. Расходы на образование достигли почти 7 % ВВП, благодаря чему полное среднее образование имели 90 % занятых в экономике, а высшее образование – 56 %, что в 2-3 раза выше, чем в других развитых странах<sup>1</sup>.

По мере того, как положение женщин в обществе укреплялось, а их роль в политическом мире США в 1992-2000 годах возрастала, стало ясно, что неизбежен пересмотр традиционных представлений о роли и месте мужчин и женщин в обществе и политике.

Как отмечал Филипс, гендерные концепции проходят стадию переоценки во время очередного сдвига в развитии общества или во время периода смены экономических реалий или нравственных критериев.

Резюмируя, можно прийти к следующим выводам:

1. В период президентского правления Билла Клинтона произошла ревизия теории феминизма. Феминизм утратил значительную часть своих сторонников, когда было продемонстрировано презрение со стороны женского движения к нуждам семьи. И хотя несколько феминисток смогли занять высокие политические посты, точка зрения президента доминировала.

2. Ранее свои цели и задачи женские организации видели как активный поиск форм взаимодействия с органами и структурами государственной власти, но после выборов 1992 года стратегия поиска форм взаимодействия сменилась активными и даже агрессивными действиями в попытках американок занять места в Сенате и Палате представителей.

<sup>1</sup> Филипс Ч. Томас. Противоречивость феминистских воззрений на семью в практике женских движений в США: Историко-социологический анализ. Автореферат диссертации на соиск.уч.ст. канд. соц. наук. М., 2001. – 21 с.

Эти действия имели решающее значение: по доле участия женщин в политике в 2005 году США занимали 61 место из 128 стран с 15,2% женщин в Конгрессе. Это заметное улучшение по сравнению с ситуацией 20-летней давности, когда в Конгрессе было около 5% женщин. В дальнейшем политическая активность американок только возрастала. Так, в 2007 году пост спикера Палаты представителей, оказавшись на вершине американского политического Олимпа, заняла Нэнси Пелоси. Тут важно отметить, что по американскому законодательству в случае, если президент не имеет возможности исполнять свои обязанности, к руководству приходит вице-президент. Если же исполнять свои обязанности не могут ни президент, ни вице-президент, президентские полномочия переходят к спикеру Палаты представителей Конгресса США. В период президентских выборов 2008 г. доля женщин была почти на 10 млн. выше доли мужчин среди зарегистрированных избирателей; соответственно 78,1 млн. избирательниц и 68,2 млн. мужчин-избирателей<sup>1</sup>. Это, в свою очередь, также свидетельствует о возрастании политической активности американок.

3. Фактор выдающихся женщин-политиков стал заметно позиционировать женщин как неординарных, смелых и харизматичных лидеров<sup>2</sup>. Хиллари Клинтон стала знаковой фигурой для женщин и полностью разрушила прежний взгляд на поведение «первых леди». Хиллари, ранее успешный адвокат и общественный деятель, вышла за рамки обязательной роли «жены мужа-президента». Ее можно уверенно назвать со-президентом Билла Клинтона. С появлением Хиллари Клинтон новый вызов был неоднозначно воспринят обществом: а сможет ли женщина стать президентом США?

4. Большую роль в формировании гендерной политики сыграла тесная связь между администрацией Клинтона и представителями гендерного феминизма<sup>3</sup>. Неравнодушие к проблемам феминисток

<sup>1</sup> Шведова Н.А. Женский электорат и президентские выборы в США // США:ЭПИ. 2012. № 8. – С.62.

<sup>2</sup> Третьякова Н.А. Борьба женщин за политические права в США в 1970-1980-е гг. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Тюмень, 2007. – 24 с.

<sup>3</sup> Филипс Ч. Томас. Противоречивость феминистских воззрений на семью в практике женских движений в США: Историко-социологический анализ. Автореферат диссертации на соиск. уч.ст. канд. соц. наук. М., 2001. – 21 с.

прослеживается в выступлениях бывшего президента и его инициативах. Эта приверженность главы государства проявилась в многочисленных попытках женщин на постах доказать, что американские женщины находятся под постоянной угрозой домашнего насилия и склонны к суициду. Приверженцем гендерного феминизма была и сама Хиллари Клинтон, рисуя в своем выступлении 1997 года в ООН впечатляющую картину насилия в американских семьях.

Анализируя эту ситуацию, можно смело согласиться с мнением Филиппса, что семья была и остается ключевым институтом социализации, и она совершенно незаменима, а ее распад и утрата значения приведут к упадку общества. Закономерным образом связь администрации Клинтон с гендерным феминизмом укрепила институт семьи и способствовала духовному развитию и раскрепощению женщин. Во время его пребывания на посту главы США женщины смогли успешно изменить свои действующие политические стратегии. Основными вопросами на повестке дня для завоевания мест во властных кабинетах стали:

Разработка стратегии равного представительства женщин и мужчин и учет этого в официальных программах Демократической партии;

Включение вопросов гендерного равенства в международные программы и проекты;

Разработка методов дальнейшего привлечения и удержания голосов женского электората, необходимость чего показали президентские выборы 1992 года, когда было выявлено явное преобладание избирателей женского пола по сравнению с мужчинами.

Эти новые подходы не только успешно использовались феминистскими и женскими организациями, но также были приняты во внимание политической элитой и правящей верхушкой США.

Кроме того, рекордное количество государственных законодательных мест в начале XXI века получили женщины: 20 % всех общегосударственных выборных должностей и немногим менее 20 % всех государственных законодательных мест заняли женщины.

Когда законодательное собрание штата Вашингтон созвало 147 членов в 1993 году, почти 40 % законодателей были женщины - самый высокий процент в стране и ближе всего к неуловимой 50-процентной отметке, когда-либо достигнутой Конгрессом.

В Сенат были избраны четыре из одиннадцати женщин-кандидатов. Кэрол Мосли Браун из штата Иллинойс стала первой афроамериканской женщиной, избранной в Сенат. Калифорния стала первым штатом, в котором оба сенаторы-женщины: Камала Харрис (ранее - Барбара Боксер) и Дайэнн Файнстайн. Пять из шести женщин сенаторы и тридцать пять из сорока семи женщин-конгрессменов являются демократами.

Таблица представительства женщин в Конгрессе наглядно показывает неуклонный рост численности женщин и их влияния:

Таблица 3

### История представительства женщин в Конгрессе США<sup>1</sup>

Созыв	Годы	Женщин в Сенате	Женщин в Палате	Всего женщин
99	1985-1987	2	23	25
100	1987-1989	2	23	25
101	1989-1991	2	29	31
102	1991-1993	4	28	32
103	1993-1995	7	47	54
104	1995-1997	9	48	57
105	1997-1999	9	54	63
106	1999-2001	9	56	65
107	2001-2003	13	59	73
108	2003-2005	14	60	74
109	2005-2007	14	68	82
110	2007-2009	16	72	88
111	2009-2011	17	73	90
112	2011-2013	17	73	90
113	2013-2015	20	80	100
114	2015-2017	20	84	104

<sup>1</sup> History of women in the U.S. Congress. CAWP Center for American women and politics <http://www.cawp.rutgers.edu/history-women-us-congress>

Согласно данным, полученным в многочисленных исследованиях, в конце XX века женщины занимали 12% мест в Конгрессе 106-го созыва, 22% в законодательных собраниях штатов, 6% губернаторских кресел, 36% постов вице-губернаторов, 27% других высокопоставленных выборных должностей на уровне штатов, 29,8% высоких должностей в штатах, назначаемых губернатором, 19% мэров городов с населением больше 30 тысяч жителей и 13,9% федеральных судей. В Конгрессе США 107-го созыва (2002 год) женщинам принадлежало 13,6% (или 73 из общего числа 535 депутатских мест). В Сенате их было 13% (13 сенаторов из общего числа 100) и 13,8% (60 из общего числа 435) в Палате представителей, где они представляли 27 штатов; причем 42 из них были выбраны от Демократической партии, а 18 - от Республиканской. В 2002 году 27,7% (89 из общего числа 321) высокопоставленных выборных постов в исполнительной ветви власти на уровне штатов (посты губернатора, вице-губернатора, секретаря штата, генерального прокурора, казначея штата, генерального контролера штата и др.) принадлежали женщинам. На уровне законодательных собраний штатов в 2002 году женщин было 22,6% (1680 из общего числа 7424 законодательных мест). Выборы в ноябре 2002 года на уровне штатов оказались успешными для женщин: впервые шесть женщин стали губернаторами штатов (12% всех губернаторских постов), увеличив количество губернаторских кресел на одно по сравнению с предыдущими выборами. Впервые женщины были избраны губернаторами в штатах Мичиган, Гавайи и Канзас, получив четыре из девяти постов, за которые они боролись в той кампании; вице-губернаторами - в Делавере и Монтане. Это впечатляющая победа, если напомнить, что восемь из десяти кандидаток в губернаторы в 1998 году проиграли, а в 1994 году все десять претенденток в губернаторы не добились успеха<sup>1</sup>.

Политической гендерной тенденцией в США стал преимущественный успех женщин на местных выборах и медленное по сравнению с ним завоевание постов на федеральном уровне. Темпы роста числа женщин - кандидатов и избранных в Парламент - остаются по-прежнему низкими для преодоления неравенства в гендерном представительстве во власти.

<sup>1</sup> Шведова Н. А. Гендерный аспект политической жизни в США и Канаде // США-Канада: экономика, политика, культура. № 3 2004. С. 19-35.

Путь решения гендерных и социальных проблем, избранный правительством Б. Клинтона, базировался на принципах плюрализма и демократии. Правительство сумело развить все актуальные для женщин сферы, выполняющие, наряду с семьей, функцию социализации членов общества. Таким образом, важные для женщин вопросы все время оставались в фокусе внимания и были неотъемлемой частью программы администрации президента Клинтона.

В последующие годы продвижение американок не остановилось: как видно из таблицы 3, в Конгрессе 110-го созыва (2007-2009 гг.) женщины заняли 16,4% мест. В Сенате (верхней палате парламента) - 16 женщин, или 16% (сравним с 2002 г. - 13%, а в 1992 г. - 3%). В Палате представителей 72 женщины из 434, или 16,5% (в 2002 г. - 13,6%, в 1992 г. женщины составляли только 6%).

А вот каким было гендерное размежевание на президентских выборах 2016 года<sup>1</sup>:

Таблица 4

	Женщины за Трампа, %	Женщины за Клинтон, %
Все избиратели	42	54
Белые	53	43
Негры	4	94
Латиноамериканцы	26	68
В браке	47	49
Не в браке	33	62
Белые с дипломом колледжа	45	51
Белые без диплома колледжа	62	34
Демократы	8	90
Республиканцы	89	8
Независимые	43	47

<sup>1</sup> Шведова Н. А. О президентской кампании 2016 года в США: гендерное измерение // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=523>.

Как бы там ни было, взгляд на будущее женщин в политике оптимистичен: женщина в Соединенных Штатах Америки была реальным кандидатом на пост президента страны. Жесткая избирательная кампания Хиллари Клинтон показала реальную возможность избрания президента-женщины. И американские политики, и сами женщины уже четко осознают, что женщины нужны власти, а власть нужна женщинам; гендерное политическое равенство – залог прогресса и подлинной демократии в этой стране.

### 2.3. Особенности электорального поведения отдельных категорий избирателей (на примере военнослужащих)

*Если наши потери возрастут в то время,  
как мы будем стараться сократить военные действия,  
это будет результатом решения врага.*

*Если я приду к заключению, что возросшая активность противника угрожает нашим войскам, я не остановлюсь перед принятием решительных и эффективных мер для исправления ситуации*  
Ричард М. Никсон

Выборы 45-го Президента США, прошедшие 8 ноября 2016 года, стали очередным значимым событием не только для американского народа, но и для всего мирового сообщества. Граждане в очередной раз отдали свой голос за лидера, с которым они желают связать свою жизнь, которому доверяют ведение государственных дел, развитие демократического строя, важнейших существующих и развивающихся отраслей и институтов государственной и общественной жизни и с которым, наконец, они будут знать, что их права и свободы признаны, защищены и гарантированы, а безопасность на национальном и международном уровнях обеспечена. Во всяком случае, это идеальное представление о главе государства. Оправдает или нет такие ожидания своих избирателей уже избранный и действующий Президент США покажет время, а пока можно констатировать тот факт, что, приняв присягу, 70-летний Дональд

Джон Трамп возложил на себя бремя ответственности за благосостояние и развитие одного из самых мощных государств – США. Кроме того, имея в виду тот факт, что вверенное ему народом государство играет существенную роль и воздействует на обеспечение глобальной безопасности, то деятельность избранной личности не может не отразиться на устойчивости существующего миропорядка и мировой стабильности. Ведь «суть, значение и пределы президентской власти в США определяются следующими главными факторами: конституционными основами президентской власти в их современной интерпретации; внутривластными и социально-экономическими условиями, в пределах которых функционирует президент; международной обстановкой и степенью угрозы, которую она представляет для национальной безопасности страны, и личными качествами и способностями президента, включая меру доверия к нему со стороны общества»<sup>1</sup>.

«Торжественно клянусь, что буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и в полную меру моих сил буду поддерживать, охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов», - пообещал Трамп в день инаугурации. Одной из таких обязанностей Президента, имеющего правовой статус Главнокомандующего армией и флотом США, является надлежащая реализация соответствующих полномочий в сфере обеспечения национальной безопасности, защиты прав военнослужащих и содействия развитию вооружённых сил Америки. При этом нельзя не принимать во внимание также то, что военнослужащие США своим волеизъявлением обеспечили весомую поддержку Д. Трампу.

В виду этого важно отметить, что ответственное отношение к военнослужащим давно стало одним из фундаментальных принципов военного законодательства многих стран. Согласно этому принципу, в пределах существующих требований военной службы, военнослужащие должны пользоваться обычными гражданскими и конституционными правами наряду с другими гражданами. Надлежащее отношение к военнослужащим, создание условий для участия в общественной жизни способствует единению вооружённых сил с обществом в отличие от альтернативного подхода,

<sup>1</sup> США на рубеже веков. – М.: Наука, 2001. – С. 139.

когда армию изолируют от политической и общественной жизни. На международном (региональном) уровне тот же принцип исповедует важный орган по защите прав человека – Европейский Суд по правам человека<sup>1</sup>, ставший флагманом отточенных юридических формулировок, значимость которых перешагнула пределы континента. Поэтому политика Министерства обороны США заключается в том, чтобы поощрять военнослужащих к исполнению гражданского долга. Однако при прохождении службы военнослужащим запрещается участвовать в определённых видах политической деятельности. В соответствии с Директивой Министерства обороны США, военнослужащий действительной службы имеет право зарегистрироваться в качестве избирателя, участвовать в голосовании и выражать своё личное мнение о кандидатах на политические посты и вопросах политики, но не в качестве представителя вооружённых сил<sup>2</sup>. Данное положение свидетельствует о том, что осуществляя своё избирательное право, военнослужащие США действуют не в качестве таковых, а являются обычными гражданами, которые реализуют своё конституционно гарантированное политическое право.

Посвящая свой подраздел вопросу относительно того, каким образом голосование военнослужащих повлияло на избрание 45-м Президентом США Д.Трампа, считаем важным предоставить обзорную характеристику вооружённых сил США, обозначить их численность по состоянию на 2017 год и сравнить её с предыдущими годами, а также не оставить без внимания определение статуса каждого вида (рода) войск в США и представить некоторую техническую характеристику их оснащения для обозначения их важности и значимости в системе вооружённых сил с той целью, чтобы в дальнейшем установить влияние «феномена Трампа» на их усовершенствование и возможное реформирование.

На сегодняшний день Вооружённые силы США являются одними из самых боеспособных в мире и занимают первое место

<sup>1</sup> Руководство по правам человека и основным свободам военнослужащих / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). – Варшава, 2008. – 303 с.

<sup>2</sup> Директива Министерства обороны США «Политическая деятельность военнослужащих действительной службы» № 1344.10

в рейтинге сильнейших армий мира. Они состоят из пяти видов вооружённых сил: сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил, корпуса морской пехоты и береговой охраны. Первые четыре вида вооружённых сил подчиняются министерству обороны. Береговая охрана является самой малочисленной по сравнению с предыдущими видами войск и в мирное время подчиняется министерству национальной безопасности, а на военное время переходит в подчинение также министерству обороны. Такое «переподчинение», по нашему мнению, является вполне логичным и обоснованным, исходя из того, что в случае введения состояния войны, объявления военного положения или какого-либо иного режима, все виды войск должны подчиняться единой структуре, в данном случае Министерству обороны США, для исключения возможных неточностей и несогласованностей при разграничении компетенции в структурных подразделениях вооружённых сил, а также для подчинения их единому центру.

Вооружённые силы США по общему правилу состоят из регулярного и резервного компонентов. Резервные компоненты включают резервы всех пяти видов вооружённых сил, а также сухопутные войска (армия США) и военно-воздушные силы национальной гвардии Национальная гвардия США, военнослужащие которой совмещают боевую подготовку с работой по основной специальности, представляет собой так называемый организованный резерв, а неорганизованный (индивидуальный) резерв состоит из лиц, имеющих достаточные военные навыки, которые сравнительно недавно закончили службу в войсках и не нуждаются в дополнительной подготовке.

Предоставляя характеристику вооружённым силам США, важно упомянуть о том, что они в своём историческом развитии знают существование специальных женских подразделений, которые были впервые созданы 15 мая 1942 года путём набора 800 женщин-добровольцев, прошедших курс боевой подготовки в Форте де-Мойн (Айова). Это подтверждает истинность давнего мудрого изречения относительно того, что «и у войны бывает женское лицо». Уже в 1943 году Женский вспомогательный военный корпус был преобразован в Женский Армейский Корпус - официальное подразделение Армии США. Так, Женская вспомогательная



служба сухопутных войск (WAC), специальное подразделение армии США времён Второй мировой войны, была отменена в 1978 году. Другие виды вооружённых сил США имели сходные женские подразделения, в том числе Женский вспомогательный корпус ВМС США (WAVES), Женский вспомогательный корпус ВВС США, Женскую вспомогательную службу Береговой охраны США (SPARS) и Женское подразделение пилотов ВВС. Включению женщин в состав регулярных вооружённых сил постепенно содействовали изменения в законодательстве и значительное политическое давление. В частности, количество и выбор открытых для женщин военных должностей стали стремительно расти после принятия в 1948 году Закона о допуске женщин на военную службу<sup>1</sup>. Тем не менее на сегодняшний день в вооружённых силах США женщинам запрещено занимать строевые должности.

К 2017 году численность регулярных вооружённых сил составляет более 1,3 млн. военнослужащих и 684 тысячи гражданского персонала. Численность резервных компонентов составляет 850880 человек. Резервные компоненты постоянно привлекаются к действительной службе. Численность призванных резервистов еженедельно объявляется министерством обороны, которое периодически публикует данные об общем количестве военнослужащих, находящихся на действительной службе.

Если быть более точными, численность вооружённых сил США на 2017 год составляет 1430000 человек, по этому показателю они находятся на втором месте в мире после вооружённых сил КНР. В настоящее время по совокупности боевых характеристик они являются самыми сильными и подготовленными в мире. На службе находятся только солдаты контрактной службы. В их состав, как уже было сказано ранее, входят: Военно-воздушные силы, Военно-морские силы и Корпус Морской пехоты, Сухопутные силы (Армия США) и Береговая охрана.

Военная доктрина США в данный момент сосредоточена на поддержании лидирующей позиции вооружённых сил США на планете. Как указывают военные эксперты, большая численность

<sup>1</sup> Херрел М., Миллер Л. Новые возможности для женщин военнослужащих. Последствия для боеготовности, сплочённости и морального духа войск. Санта Моника, Калифорния, Ренд, 1997.

армии США и высокий уровень подготовки военнослужащих позволяют на 2017 год иметь возможность одновременного ведения одной крупной войны и нескольких локальных конфликтов на удаленных театрах военных действий. Ввиду этого, концепция глобального доминирования предполагает комплексные меры по обеспечению высокой степени мобильности подразделений и возможности значительной концентрации войск в любой точке Земного шара<sup>1</sup>.

На сегодняшний день США обладают самой значительной космической группировкой военных спутников связи, разведки, глобального позиционирования и системы раннего предупреждения (более 115). Наряду с Россией, Соединенные Штаты являются обладателями самого крупного арсенала ядерного оружия в мире в количестве 1365 развернутых боезарядов на стратегических носителях, а также значительного количества неразвернутых боезарядов стратегического и тактического классов<sup>2</sup>.

Согласно положениям последних редакций военной доктрины США, развертывание глобальной системы противоракетной обороны, сопряженной с дальнейшей модернизацией ядерных сил, должно обеспечить США в ближайшие десятилетия подавляющее военное превосходство даже над странами, обладающими ядерным оружием, за исключением ядерных сверхдержав (Россия, КНР).

Армия США (сухопутные войска) представляет собой очень мощную и организованную ударную силу, предназначенную как для оборонительных задач, так и для захвата и удержания территории противника. Численность армии США на 2017 год составляет более 732 тысяч военнослужащих (для сравнения: в 2009 году сухопутные войска насчитывали 553044 военнослужащих). В их распоряжении имеется авиация, бронетехника, артиллерия, БПЛА, РСЗО, тактические ракеты, ЗРК, системы ПРО. На вооружении стоят: 2384 танка M1 Abrams (еще 3500 на хранении), 4560 БМП M2 Bradley (2000 на хранении), 4412 ББМ Stryker, 5200 БТР M113 (более 7000 на хранении), 1530 буксируемых орудий M198,

<sup>1</sup> Численность армии США на 2017 год URL: <http://contract-army.ru/info/chislennost-armii-ssha/>

<sup>2</sup> Там же.

M777, M119; 1450 самоходных гаубиц M109, 840 РСЗО и тактических комплексов HIMARS, M270, MLRS, более 2000 минометов различных калибров, 24 700 ПТРК TOW-2, Javelin, Hellfire и несколько тысяч ПЗРК FIM-92 Stinger; 480 ЗРК MIM-104 Patriot, 710 легких ЗРК Avenger, 24 противоракетных комплекса THAAD, более 2000 различных инженерных машин. В составе авиации: 61 разведывательный самолет RC-12 и Dash-7, около 200 различных транспортных самолетов, 730 ударных вертолетов AH-64 Apache, 244 многоцелевых вертолета OH-58D, более 2000 UH-60 различных модификаций, 400 тяжелых CH-47, 340 UH-72, 65 UH-1, 154 TH-67, 90 тяжелых БПЛА MQ-1C Gray Eagle и 20 RQ-5 Hunter, 236 средних БПЛА RQ-7B Shadow, а также несколько тысяч легких разведывательных БПЛА различных типов. Основной боевой танк M-1 Abrams рассматривается как один из лучших танков мира, поскольку в нем применена комбинированная броня с использованием урана, а также современный тепловизионный комплекс обнаружения и прицеливания. Наряду с T-80U, это единственный танк в мире, где используется газотурбинный двигатель. БМП M-2 Bradley – это современная боевая машина, обеспечивающая высокий уровень защищенности экипажа и десанта, обладающая возможностью борьбы не только с пехотой, но и с танками противника посредством установленного ПТРК. По заявлениям аналитиков Пентагона, во время операции «Буря в пустыне» Bradley уничтожили даже больше иракских танков, чем M-1 Abrams. Система ПРО THAAD – единственный в мире мобильный ракетный комплекс, способный перехватывать оперативно-тактические и баллистические ракеты средней дальности. Его ракеты снабжены эффективным кинетическим перехватчиком и осуществляют поражение боевых блоков баллистических ракет в стратосфере и открытом космосе. Американские сухопутные силы используют передовые средства связи, управления и разведки, обладают высокой степенью мобильности. Массовое использование БПЛА, а также информационная поддержка спутниковой группировки, дают американским сухопутным силам высочайшую ситуационную осведомленность на поле боя. В современных конфликтах это имеет решающее значение. Большая численность ударных вертолетов «Апач» в армии США, а также лазерные целеуказатели в составе

экипировки большинства солдат, позволяют эффективно вести боевые действия даже в плотной городской застройке.

Численность личного состава Военно-воздушных сил США на 2017 год составляет более 330 тысяч человек (по состоянию на 2009 год их численность была приблизительно такой же – 329304 военнослужащих). Военно-воздушные силы США занимают первое место в мире по числу используемых летательных аппаратов (более 4300), являясь одним из двух столпов (вместе с Военно-морскими силами) мощи вооруженных сил США. В состав военно-морских сил также входят наземные ракетно-ядерные силы, представленные 450 межконтинентальными баллистическими ракетами «Минитмен» шахтного базирования, которые расположены на континентальной территории США. Высокая боеспособность военно-воздушных сил США обеспечивается путем постоянной модернизации имеющейся техники, широкого применения сетцентрических систем управления, качественной подготовки и большому среднегодовому налету пилотов (около 200 часов), наличию наибольшего боевого опыта последних лет по сравнению с военно-воздушными силами остальных стран.

Авиация США разделена на следующие основные категории:

**Стратегическая авиация**, в состав которой входят стратегические бомбардировщики — 76 B-52, 20 B-2 и 63 сверхзвуковых B-1B, являющиеся одним из трех компонентов ядерной триады США. Они отличаются межконтинентальной дальностью полета и большой грузоподъемностью. Особое место занимает бомбардировщик B-2, который предназначен для глубокого проникновения на территорию противника, обладающего развитыми ВВС и силами ПВО, для совершения так называемого первого удара по уничтожению ключевых целей (командные пункты высшего командования, шахты МБР, стратегические базы ВВС и ВМС). Может применять различный арсенал бомбового вооружения, а также стратегические крылатые ракеты. На сегодняшний день считается самым малоуязвимым от огня противника бомбардировщиком в мире благодаря использованию технологии «Стелс».

**Тактическая авиация**, в состав которой входят: 227 истребителей F-15C, 291 истребитель-бомбардировщик F-15E, 913 легких истребителей-бомбардировщиков F-16 C/D, 287 штурмовиков

A-10C, 177 многоцелевых F-22, 131 истребитель-бомбардировщик F-35, 257 БПЛА MQ-1 Predator и 240 БПЛА MQ-9 Reaper. Тактическая авиация США является носителем самого разнообразного и большого арсенала высокоточного оружия в мире. Благодаря этому, авиация США может наносить массированные авиаудары по наземным частям противника, не заходя в зоны действия ПВО. На вооружении стоят десятки тысяч корректируемых авиабомб JDAM, SDB и JSOW, тысячи противорадиолокационных и крылатых ракет AGM-88 HARM и AGM-158 JASSM, более двух тысяч противокорабельных ракет AGM-84 и значительный арсенал AGM-65. В качестве ракет ВВ средней дальности используются только ракеты с АРГСН на базе различных модификаций AIM-120. Для ближнего боя используются ракеты AIM-9 различных модификаций с ИК наведением.

**Разведывательная авиация**, на вооружении которой стоят: 32 RC-135, 26 U-2, 24 БПЛА RQ-4 Global Hawk, самолеты ДРЛО – 33 Boeing E-3 Sentry и 14 Boeing 737 AEW&C. Разведывательная авиация США предназначена для проведения комплексной радиолокационной и оптической разведки по всему миру. Американские самолеты ДРЛО имеют передовое техническое оснащение, оборудованы ФАР и АФАР, производительными вычислительными комплексами и средствами кодированной связи, устойчивыми ко многим средствам РЭБ. Стратегические разведчики США отличаются большой дальностью и высотностью полета.

**Военно-транспортная авиация**, на вооружении которой стоят: более 250 тяжелых C-5, C-17, 210 средних C-130 и около 40 легких транспортных самолетов C-12 и C-21.

Военно-воздушные силы США обладают самым большим в мире флотом военно-транспортной авиации, в задачи которого входит переброска личного состава, военной техники, а также различных грузов по всему миру. В случае масштабной переброски войск, согласно американскому законодательству, также привлекается обширный грузовой и пассажирский парк гражданской авиации из резерва командования вооруженных сил.

**Вспомогательная авиация**, на вооружении которой стоят: учебно-тренировочные T-1, T-6, T-38 (более 1000 штук). Самолеты-заправщики KC-135, KC-10 (около 70), вертолеты УН-60 и

УН-1N (более 200) и обширный парк авиации сил специальных операций, в состав которой входят CV-22, EC-130, AC-130, MC-130H, WC-130.

На 2017 год численный состав Военно-морских сил США представлен примерно 326 тысячами человек (по состоянию на 2009 год Военно-морские силы насчитывали 333408 военнослужащих). Военно-морские силы США по совокупности боевых характеристик превосходят все остальные военные флоты мира вместе взятые. Достигнуто это благодаря созданию огромного количества кораблей и АПЛ, а также их интеграции в состав авианесущих ударных группировок. Это дает непревзойденные показатели боевой устойчивости и способности нанесения ударов как по побережью противника посредством крылатых ракет и морской авиации, так и по корабельным формированиям в любой точке мирового океана.

Основной состав флота разделен на следующие категории:

**Авианесущий флот**, в состав которого входят: 10 атомных авианосцев типа «Нимиц» водоизмещением около 100 тысяч тонн и палубная авиация в виде 870 истребителей-бомбардировщиков F-18A\B\C\D\E\F, 55 самолетов ДРЛО E-2C, 37 транспортных C-2, 340 вертолетов SH-60 различных модификаций, более 60 тяжелых вертолетов SH-53, а также несколько сот различных БПЛА тактического класса. На вооружении авиакрыла Военно-морских сил США, как и в Военно-воздушных сил, используется унифицированный арсенал высокоточного оружия для действий против любого вида войск противника. Многоцелевые истребители Военно-морских сил США действуют в тандеме с большим числом палубных самолетов ДРЛО, что многократно повышает их боевую эффективность.

В составе ВМС США еще есть авиация аэродромного базирования, в которую входят 153 специализированных противолодочных самолета P-3 «Орион» и 34 новейших P-8 «Посейдон», а также около 120 различных вертолетов и БПЛА.

**Флот кораблей управляемого ракетного оружия**, в состав которого входят: 22 крейсера класса «Тикондерога», 62 эсминца класса «Арли Бёрк», 4 корабля прибрежной зоны. Основными отличительными особенностями является наличие универсальных пусковых установок МК-41, позволяющих использовать различ-

ное ракетное вооружение согласно типу миссии и БИУС Иджис с обширным применением элементов искусственного интеллекта. Благодаря этому данные корабли могут решать универсальный характер задач, таких как обеспечение ПВО, ПЛО, ПРО (в том числе стратегического характера), наносить удары по наземным объектам крылатыми ракетами, уничтожать корабли противника посредством противокорабельных ракет.

**Подводный флот**, в состав которого входят: 14 ПЛАРБ «Огайо», 4 ПЛАРК «Огайо», а также МПЛАТРК, представленный 37 лодками типа «Лос-Анджелес», тремя типа «Си-Вульф» и тринадцатью типа «Вирджиния». Подводный флот США представлен исключительно атомными подводными лодками. На 14-ти АПЛ класса Огайо расположена большая часть ядерного потенциала США, каждая такая лодка способна нести 24 БРПЛ «Трайдент 2», на сегодняшний день считающимися самыми надежными и точными БРПЛ в мире (КВО около 90 метров и 156 успешных пусков, при всего 5 неудачных). Многоцелевые лодки типа «Си-вульф» и «Вирджиния» считаются самыми малозумными среди АПЛ, по этому показателю с ними могут сравниться только новейшие российские АПЛ типа «Ясень».

**Флот десантных кораблей и тральщиков**, в состав входят: 9 универсальных десантных корабля типа «Уосп» и «Америка», 7 десантных вертолетоносцев типа «Остин» и «Сан-Антонио», 12 десантных транспортных доков типа «Уидби Айленд» и «Харперс Ферри», 13 тральщиков типа «Эвенджер». К задачам десантных кораблей относится транспортировка и высадка частей морской пехоты, а также доставка военных грузов. Огромные десантные вертолетоносцы США фактически представляют собой отдельные авианосцы меньшего водоизмещения, на них базируются как вертолеты и конвертопланы, так и истребители-бомбардировщики вертикального взлета (единственные в мире в своем классе, среди стоящих на вооружении) AV-8 «Харьер» и F-35B. Конвертопланы – это уникальные летательные аппараты на базе винтовой аэродинамической тяги, совмещающие в себе вертолетные достоинства вертикального взлета и посадки с самолетной скоростью передвижения. Стоят только на вооружении Вооружённых сил США.

**Корпус морской пехоты** является родом войск в составе Военно-морских сил США, численный состав которого к 2017 году

составляет около 200 тысяч военнослужащих (в 2009 году его численность составили 202786 военнослужащих), предназначен для широкомасштабных сухопутных операций с применением морского и авиационного десантирования на побережье, имеет на вооружении собственную авиацию, бронетехнику, артиллерию, РСЗО и БПЛА. На вооружении стоят: 447 танков M1A1 Abrams, 252 бронетранспортера LAV-25, более 1300 десантных машин амфибий AAV-7, более 2400 броневедомостей, 830 гаубиц M-101 и M-777, 40 РСЗО HIMARS, более 650 минометов различного калибра, 95 самоходных противотанковых комплексов LAV-TOW, несколько тысяч ПТРК TOW-2 и ПЗРК Stinger, 90 легких ЗРК Avenger.

В составе авиации: 240 истребителей бомбардировщиков F-18A/B/C/D, а также 39 F-5B и 130 AV-8 Harrier с укороченным и вертикальным взлетом, 45 заправщиков KC-130, около 30 различных транспортных самолетов, 244 конвертоплана MV-22, более 150 ударных вертолетов AH-1 Cobra, 139 тяжелых транспортных вертолета CH-53.

Корпус морской пехоты, как и армия США (сухопутные войска), имеет на 2017 год большую численность и тяжелое вооружение, фактически являясь отдельной сухопутной армией, только с еще более высокими показателями мобильности.

**Береговая охрана США**, численность которой в составе вооруженных сил США на 2016 год составляла 41 тысячу военнослужащих, а также более 7 тысяч гражданских служащих. По состоянию на 2009 год численность Береговой охраны США составляла 43628 военнослужащих. Береговая охрана предназначена для обеспечения безопасности и наблюдения за выполнением законодательства на океаническом побережье и во внутренних водах США. Занимается охранением портовой инфраструктуры и водных путей, проведением поисково-спасательных работ, борьбой с нелегальной иммиграцией, контрабандой оружия, наркотиков и браконьерством, защитой морской среды, проводит ледокольные мероприятия. В своем составе имеет более 1800 судов и вспомогательных катеров, около 70 различных патрульных самолетов, 130 вертолетов и около 80 разведывательных БПЛА<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Численность армии США на 2017 год. URL: <http://contract-army.ru/info/chislennost-armii-ssha/>

Исходя из представленной выше характеристики и учитывая указанную численность вооружённых сил США, представляется однозначным и неоспоримым тот факт, что волеизъявление военнослужащих на выборах президента является важным и значимым для кандидата в президенты. Но ещё более важным является сохранение и оправдание в будущем каждого голоса военнослужащего, отданного за президента.

Обратим внимание, что в международную группу наблюдателей за выборами в США, сформированную Парламентской ассамблеей Совета Европы (далее – ПАСЕ) и Бюро по демократическим институтам и правам человека, вошли около 320 человек из 43 стран (представители Российской Федерации не принимали участие). В составе группы — 210 наблюдателей, осуществляющих долгосрочный и краткосрочный мониторинг за выборами, а также около 100 парламентариев и сотрудников аппарата ПАСЕ.

Также следует упомянуть, что в США, в соответствии с Конституцией, действует непрямая двухступенчатая система выборов главы государства. С конституционной точки зрения официально победителя определяет не состоявшееся во вторник голосование на всеобщих выборах в США, а прошедшее 19 декабря 2016 года голосование коллегии выборщиков, которая состоит из 538 представителей каждого штата. Победителем становится тот, кто получил абсолютное большинство голосов коллегии, - 270 голосов.

Число представителей от каждого штата в коллегии выборщиков равно числу законодателей от штата в конгрессе и примерно пропорционально численности его населения (от трех выборщиков у Вайоминга и округа Колумбия, до 55-ти - у Калифорнии).

Такая система создает определенные перекосы в избирательном процессе. Например, в 2000 году демократ Альберт Гор набрал большинство голосов избирателей, однако президентом США стал его соперник Джордж Буш-младший, получивший минимальный перевес по количеству выборщиков. Аналогичная ситуация сложилась на выборах 2016 г. (Хиллари получила на 2,8 млн. голосов больше, чем Трамп).

В бюллетенях проставлены фамилии кандидатов в президенты. Но, с точки зрения закона, избиратели на самом деле голосуют не за них, а за списки выборщиков от штата. До выборов обе партии -

и демократы, и республиканцы - предоставили властям каждого штата свой список тех политиков или деятелей, кого они хотели бы видеть выборщиками от него. Резонно предположить, что обе партии выбирают в свой список тех местных политиков, которые выражают поддержку кандидату от этой партии. После того, как итоги голосования в штате подведены и определен кандидат, который набрал больше голосов избирателей, выборщиками от штата автоматически становятся люди из списка партии победившего кандидата.

Например, Аляска направила трех выборщиков в коллегию. Трамп набрал большинство голосов избирателей в штате, и поэтому этими тремя выборщиками стали предложенные республиканцами политики - Шон Пэрнелл, Жаклин Тапо и Кэролин Леман. То же самое произошло и во всех остальных штатах.

Поэтому когда происходит голосование коллегии выборщиков, они, как правило, голосуют за кандидата «своей» партии, которая внесла их в список. Это первая причина, по которой избрание Клинтон коллегией выборщиков уже тогда было маловероятным. Выборщики - не случайные люди с улицы, а в каждом штате отобранные партией кандидата-победителя, исходя из того, что они выразили предрасположенность к конкретному кандидату.

Около половины штатов обязывают выборщиков голосовать за избранного кандидата. Но за нарушение этого обязательства выборщику грозит всего лишь штраф. Скажем, в штате Вашингтон - 1000 долларов. Это, конечно, не аргумент при выборах президента страны. Законы остальных штатов не предусматривают никаких ограничений на голосование. Куда выше цена политическая. Голосование вопреки воле народа - это не только вызов кандидату, но и своей партии, что неизбежно ставит под сомнение дальнейшую карьеру такого политика в ней.

Среди политиков республиканской партии есть немало тех, кто скептически относился и относится к популизму Д. Трампа и отказывался публично его поддерживать. Это теоретически повышает шансы на то, что отдельные выборщики-республиканцы могли бы проголосовать против него. Но петиция призывает выборщиков-республиканцев не просто проголосовать против Д. Трампа, а поддержать Х. Клинтон. Даже среди тех видных республиканцев, кто публично осуждал Д. Трампа, как, например, его конкуренты

по праймериз Джеб Буш или Джон Кейсик, никто не дошел до того, чтобы публично поддержать Х. Клинтон.

Учитывая, что лидерство Д. Трампа по числу выборщиков составляет 58 (без учета выборщиков от Мичигана), то для его поражения против воли избирателей своего штата должны были проголосовать 29 выборщиков - втрое больше, чем за последние 100 лет истории США. Это вторая причина, по которой избрание Х. Клинтон коллегией выглядело маловероятным.

Стоит учитывать и то, что Д. Трамп куда более популярен у военных, нежели Х. Клинтон, а значит попытка такого политического бунта едва ли найдет поддержку в военных кругах<sup>1</sup>.

В недели, предшествующие Дню выборов, многие из почти 4 миллионов американских избирателей, живущих за границей, получили и направили открепительные бюллетени по почте. Среди этих избирателей — сотни тысяч американцев, служащих в вооруженных силах США по всему миру. Ввиду своих опасений такие группы, как «Демократы за границей» и «Республиканцы за границей», работают над новыми способами, облегчающими голосование для американцев за границей. Делают это и сотрудники Федеральной программы помощи избирателям, которая курирует процесс голосования по открепительным бюллетеням для военнослужащих и других американцев, живущих за рубежом. Федеральная программа помощи избирателям активизирует усилия по содействию избирателям-военнослужащим<sup>2</sup>.

День победы Д. Трампа многие военнослужащие США по степени позитивного настроения сравнили с днем ликвидации Усамы бен Ладена. The Washington Post, ссылаясь на армейского офицера, пишет, что американские солдаты считают, что Д. Трамп позаботится о них и исправит все, что было не так в вооруженных силах.

Солдаты надеются, что Д. Трамп предложит альтернативу 15 годам военных действий, за которые одержано немало бесполезных

<sup>1</sup> Семь главных вопросов о том, может ли измениться исход выборов в США. URL: <https://rg.ru/2016/11/11/peticiia-k-sdelat-prezidentom-klinton-nabrala-v-ssha-2-mln-podpisej.html>

<sup>2</sup> Выборы в США: как американцы будут голосовать за Трампа или Клинтон. URL: <https://112.ua/statji/vybory-v-ssha-kak-amerikancy-budut-golosovat-za-trampa-ili-klinton-348655.html>

побед. Они ждут, что цели военных действий будут определены более четко, и станет ясно, за что именно военнослужащие все эти годы жертвовали собой. Также военнослужащие, которых опрашивало издание, возлагают на Д. Трампа надежды относительно того, что им будет преодолен секвестр государственного бюджета и отменено решение администрации Б. Обамы о допуске женщин к боевым операциям. Рядовые бойцы надеются, что при Д. Трампе будут изменены правила ведения боя, и солдаты смогут более агрессивно вести себя на полях сражений, не опасаясь обвинений в военных преступлениях. То же относится и к применению более жестких методов допроса пленных.

Еще солдаты надеются, что им повысят зарплату. С 2011 года зарплата военных в США выросла менее чем на 2%, это меньше, чем рост зарплат за это же время в частном секторе. Национальная ассоциация семей военнослужащих уже обратилась с открытым письмом к Д. Трампу с просьбой обозначить вопрос относительно повышения зарплат военным своим приоритетом.

Однако, несмотря на такие данные, «в кабинетах Пентагона и среди высшего командования пока осторожничают. Генералы сомневаются, понимает ли Д. Трамп, как реально работает военная машина США, и переживают о том, как будут распределены ресурсы и расставлены приоритеты военной политики в ближайшие месяцы. Есть и вполне резонные опасения, что многим в Пентагоне придется искать новую работу. Это связано с тем, что во время предвыборной гонки Д. Трамп заявил, что в случае победы на выборах он соберёт высшее военное руководство страны и даст им 30 дней на разработку плана по полному и быстрому разгрому ИГИЛ». Трамп на это ответил, что в случае его победы на выборах он будет работать с «другими генералами», в которых верит.

Например, генерал Раймонд Томас, начальник Главного управления войск специального назначения Министерства обороны США, напоминает, что «десять лет назад США уже агрессивно выступили против Аль-Каиды, но добились лишь того, что террористы разбежались по другим странам. С войной против ИГИЛ может получиться точно так же»<sup>1</sup>. С генералом Раймондом Тома-

<sup>1</sup> Трамп и военные США: грёзы и скепсис генералов. URL: <https://ria.ru/analitics/20161116/1481475111.html>

сом согласен и Начальник штаба американских сухопутных войск генерал Марк Милли. Он думает, что говорить о быстрой победе над ИГИЛ преждевременно, что исламисты контратакуют в Европе и других странах. Глава Центрального командования ВС США Джозеф Вотел предупреждает: после операций в Мосуле и Ракке исламисты адаптируются и перейдут к тактике террора, и мир будет противостоять уже новому поколению ИГИЛ. Надежды солдат на то, что с приходом Д.Трампа произойдут изменения в правилах ведения боя, не разделяет вице-председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Пол Селва. Он говорит, что «не знает ни о каких правилах ведения боя, которые бы не позволяли военным США поражать цели с воздуха и эффективно вести войну на земле».

Впрочем, нельзя сказать, что солдаты поддерживают Д.Трампа больше, чем офицеры. И там, и там хватает как сторонников, так и противников Д.Трампа.

Как считали на момент проведения выборов в 2016 году, «сегодня на пост министра обороны США претендуют сенатор от штата Алабама Джефф Сешнс, экс-сенатор от штата Аризона Джон Кайл, экс-сенатор от штата Миссури Джеймс Талент, бывший морпех, член комитета Палаты представителей Конгресса по делам Вооруженных сил Дункан Хантер». Называли также имя Майкла Флинна, бывшего главы Разведывательного управления Министерства обороны США в 2012-2014 годах, ставшего впоследствии помощником Президента по национальной безопасности и уже отправленного в отставку.

Более же всего воодушевлены даже не сами военные, а подрядчики Пентагона, исходя из того, что Д.Трамп предлагает увеличить военный бюджет на \$55-80 млрд. в год, в первую очередь — за счет ликвидации «бюрократии дублирования» в Пентагоне после тщательного аудита. Он говорил о намерении довести численность сухопутных войск до 540 тысяч человек с нынешних 475 тысяч, увеличить число кораблей и подводных лодок до 350 с нынешних 272 единиц.

В свою очередь, по данным опроса специализированного журнала *The Military Times*, Д.Трамп в качестве кандидата на пост президента США более чем в два раза опережал по популярно-

сти свою главную соперницу Х. Клинтон среди военнослужащих американской армии. Д.Трампа в качестве Главнокомандующего страны хотели видеть 54% американцев, несущих военную службу. И хотя в Северной Каролине, которая при проведении данных президентских выборов считалась одним из самых колеблющихся штатов, проголосовали 50 тысяч военнослужащих, большинство из которых поддержали демократов, соответственно Х.Клинтон, тем не менее по общей оценке за Х.Клинтон однозначно выступили только 25% военнослужащих США. При этом остальные военнослужащие отметили, что не станут вообще принимать участие в голосовании, если выбирать придется только из двух этих кандидатов. Из тех, кто принимал участие в исследовании (а это около тысячи человек) — 66% респондентов были рядовыми или сержантами и 34% - офицерами. Отмечается, что в ходе аналогичного опроса в марте 2016 года военнослужащие США также отдали предпочтение Д.Трампу.

Обещание Д.Трампа существенно умерить военно-политическую активность Соединенных Штатов в целом ряде регионов планеты, наверное, вызывает позитивный отклик именно среди военнослужащих, которые, в общем, не в восторге от того, что их страна может быть втянута в новые вооруженные конфликты. Потому что, по понятным причинам, именно военнослужащие в этих случаях как раз больше других рискуют<sup>1</sup>.

Примечательно, что после победы Д.Трампа индекс S&P Aerospace & Defense впервые взлетел до уровня 1989 года, опередив темпы роста S&P 500. Лидерами взлета стали такие крупные игроки военно-промышленного комплекса, как Raytheon, L-3 Communications, Lockheed Martin, Northrop Grumman и General Dynamics.

Исходя из приведенных выше фактов следует отметить прежде всего то, что в процессе проведения предвыборной гонки взгляды экспертов как со стороны США, так и иных государств относительно кандидата, который одержит победу на выборах Президента США 2016 года, были неоднозначными и изменчивыми в ходе разворачивающихся событий. Однако каждый гражданин, который высказывался относительно своего видения завершения

<sup>1</sup> Пентагон ставит на Трампа. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/148267/>

президентских выборов, аргументировано излагал своё мнение о победе той или иной кандидатуры. Что касается экспертной оценки относительно того, кого желают видеть Главнокомандующим вооружёнными силами военнослужащие, ответ на обозначенный вопрос был более однозначным и определённым. Об этом свидетельствуют данные, что 54% военнослужащих США отдавали своё предпочтение кандидатуре Д.Трампа. Поэтому, одержав победу на президентских выборах 2016 года и заручившись поддержкой большинства армии США, новоизбранному президенту необходимо для поддержания и оправдания голосов своих сторонников-военнослужащих использовать правовые и организационные методы в своей деятельности для реализации обещаний, которые вошли в предвыборную программу относительно военнослужащих (увеличение бюджета для обеспечения функционирования вооружённых сил и т. д.).

#### 2.4. Избирательные кампании политических партий

В свое время профессор А. И. Ковлер указывал, что «избирательные кампании политических партий – кульминационный момент в их политической и идеологической деятельности, в борьбе за сохранение своих позиций, за удержание власти»<sup>1</sup>. И действительно, в США выборы последних лет, проходившие на фоне высококонкурентной борьбы между демократами и республиканцами (Буш v. Гор, Обама v. Маккейн, наконец, недавнее противостояние Клинтон и Трампа), вынудили политические партии страны каждый раз мобилизовать все имеющиеся у них политические, идеологические, финансовые и юридические ресурсы, как будто каждая избирательная битва виделась им последней.

Оценивая нынешнее состояние американских выборов, невольно ловишь себя на мысли, что электоральная борьба в США повинуется тем же закономерностям человеческой психики, что и в любой другой стране мира. Не случайно поэтому в последние годы много говорят об универсализации избирательных технологий, о

<sup>1</sup> Ковлер А. И. Франция: партии и избиратели. – М.: Наука, 1984. – С. 59.

так называемом эффекте «американизации» выборов в других, на первый взгляд, весьма далеких от США даже в чисто географическом отношении странах<sup>1</sup>. Ярчайшим тому подтверждением служит судьба политтехнолога П. Манафорта, который, проработав несколько лет в американских консалтинговых компаниях, обслуживавших Рейгана и Буша-старшего, уехал на Украину консультировать бывшего президента страны В. Януковича, а после победы Евромайдана вновь вернулся на свою родину проводить избирательную кампанию кандидата от республиканцев Д. Трампа<sup>2</sup>.

По мнению общепризнанного мэтра в области политического маркетинга Ж. Сегела, для того, чтобы быть успешной, любая избирательная кампания должна придерживаться следующих универсальных правил: 1) голосуют за человека, а не за партию; 2) голосуют за идею, а не за идеологию; 3) голосуют за будущее, а не за прошлое<sup>3</sup>; 4) голосуют за образ социальный, а не политический; 5) голосуют за человека-легенду, а не за посредственность; 6) голосуют за судьбу, а не за обыденность; 7) голосуют за победителя, а не за неудачника; 8) голосуют за ценности подлинные, а не мнимые<sup>4</sup>.

Вместе с тем приходится констатировать, что в случае с Америкой мы имеем дело со страной, в которой массовое политическое участие – и в первую очередь электоральное поведение – все

<sup>1</sup> В литературе указывается, что под американизацией выборов следует понимать адаптацию новейших инструментов, стратегий и методов профессионального ведения кампаний, ранее использованных в Соединенных Штатах. См.: Джанда К., Берри Д. М., Голдман Д., Хула К. В. Указ. соч. – С. 278.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Кузь О. М., Поліщук І. О., Моторнюк Т. М. Виборчі технології в модерному електоральному процесі США та України. – Х.: ВД «ІНЖЕК», 2012. – С. 177, 178.

<sup>3</sup> Правило, которое с одинаковым успехом предавалось забвению как кандидатом от коммунистов Г. Зюгановым на президентских выборах в России в 1996 г., так и американскими политиками старшего поколения наподобие Р. Доула в том же 1996 г. или Дж. Маккейна в 2008 г., которые строили свои избирательные кампании с расчетом на «славное прошлое», а не на манящее своей непредсказуемостью будущее.

<sup>4</sup> Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. – М.: Вагриус, 1999. – С. 192-199.



же отличается от европейского. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что при всех отступлениях, особенно на первых порах, от демократических принципов и при всех их ограничениях американское общество сформировалось как общество демократическое. В отличие от многих других крупных стран – таких, как Россия, Франция или Германия, Соединенные Штаты не сотрясали (после образования национального государства) социальные и политические революции. Не знали они и тоталитаризма в различных его проявлениях. Политическая власть в стране переходила от одних лиц и групп к другим сугубо через выборы, которые были и остаются легитимным механизмом обеспечения властной преемственности и сохранения политической стабильности в демократическом обществе. Поэтому революционный пафос «до основанья, а затем...», а тем более замена выборных процедур открытым революционным действием, как, скажем, это имеет место в Украине, является для США делом практически невыполнимым. В этом отношении показательно, что при всей остроте политического противостояния на выборах 2000 г. конфликт между Бушем-младшим и Гором был разрешен не уличей, а независимым и вызывающим доверие у общества Верховным Судом.

Во-вторых, специфика американской партийной системы и партийной жизни обусловила специфику электорального процесса, который играл и играет здесь несколько иную роль, чем в той же Европе. Многочисленные регулярные выборы (например, в 1988 г. жители Калифорнии призывались к разного рода формам прямой демократии 57 раз<sup>1</sup>) – это не просто процесс отбора и избрания политика на руководящий пост. В условиях отсутствия повседневной массовой партийной жизни (столь хорошо знакомой европейским демократиям) выборы, включая сопровождающие их кампании, длительные, насыщенные политическими дискуссиями праймериз, другие «пробы сил», в которые так или иначе вовлечена значительная часть электората, – это своего рода симулякр (Ж. Бодрийяр) повседневной рутинной партийной жи-

<sup>1</sup> Foster J., Muste Ch. The United States // *Electioneering: a comparative study of continuity and change* / Ed. by D. Butler, A. Ranney. – Oxf.: Clarendon Press, 1992. – P. 12.

зни, на что одним из первых в отечественной науке обратил внимание Э. Я. Баталов<sup>1</sup>.

В самом деле, в США под партией понимается фактически любое объединение или группа избирателей, которые выступают на выборах под определенным наименованием<sup>2</sup>. Тем самым деятельность партий связывается главным образом с участием в выборах.

И еще одно соображение, прежде чем мы перейдем к анализу конкретных избирательных кампаний. Не секрет, что американцы издавна стремились максимально синтезировать политическую науку, приблизить ее к наукам естественным и даже математическим – в частности, за счет использования теории игр. Исследование же электорального поведения открывало для этого благоприятные возможности, ибо последнее в гораздо большей степени, чем другие политические феномены, поддавалось измерению, а полученные данные – формализации.

Вот, например, как с помощью теории игр находит свое подтверждение тонкое наблюдение американских политологов о том, что в своей социально-политической самоидентификации американцы, как правило, тяготеют к центру (так называемая теория медианного избирателя). Иными словами, в условиях двухпартийной системы у радикала, как политика, занимающего крайние позиции в спектре политических ориентаций, гораздо меньше шансов «набрать очки» в избирательной кампании, нежели у «умеренного», «центриста», представляющего «основное направление» – *mainstream*. Между тем в многопартийных системах, чтобы выделиться, новичкам и прочим активистам, не относящимся к политическому истеблишменту, напротив, необходимо что-то, чтобы их оттеняло, а потому активисты – при входе на политический рынок – будут руководствоваться логикой, прямо противоположной теореме медианного избирателя<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – С. 471.

<sup>2</sup> Автономов А. С. Правовая регламентация деятельности партий в капиталистических и развивающихся странах // *Советское государство и право*. – 1990. – № 6. – С. 133.

<sup>3</sup> Степанов Д. Идеологическая нейтральность институтов конституционного дизайна // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 3. С. 57.

Итак, предположим, что в некоторой стране президентский пост оспаривают два кандидата. Стратегией каждого кандидата является его предвыборная программа. Будем считать, что программа описывается одним параметром - степенью ее левизны или правизны. Левая политика означает высокие налоги, значительные затраты на производство общественных благ и социальные программы (такие, как пенсии или помощь малоимущим) за счет налогов, собранных с более состоятельных граждан. Правая политика - низкие налоги и малые затраты на социальную сферу. Пусть  $s_1, s_2 \in [0, 1]$  — политические программы кандидатов, где  $s = 0$  — крайне левая программа,  $s = 1$  — крайне правая.

Выигрыш кандидата равен доле голосов избирателей, полученных им на выборах. Пусть для каждого избирателя существует величина  $v \in [0, 1]$  — политическая программа, которая больше всего ему нравится, или его наилучшая альтернатива. Избиратели отличаются друг от друга своими предпочтениями относительно политических программ. Например, наилучшая альтернатива человека со средним достатком будет правее наилучшей альтернативы мало зарабатывающего пенсионера, но левее, чем наилучшая альтернатива бизнесмена. Предположим, что наилучшие альтернативы избирателей равномерно распределены на  $[0, 1]$ .

Будем считать, что избиратель  $v$  проголосует за кандидата 1 в том случае, если  $|s_1 - v| < |s_2 - v|$  и проголосует за кандидата 2 при  $|s_1 - v| > |s_2 - v|$ . В равновесии оба кандидата станут центристами:  $s_1 = s_2 = 1/2$ . В более общей постановке, когда наилучшие альтернативы избирателей распределены на  $[0, 1]$  с функцией распределения  $F(\cdot)$ , т. е. если доля избирателей с наилучшими альтернативами  $v < x$  равна  $F(x)$ , в равновесии предвыборные программы избирателей будут  $s_1 = s_2 = F^{-1}(1/2) = v^m$ , где программа  $v^m$  является наилучшей альтернативой медианного избирателя, т. е. это такая альтернатива, что одна половина избирателей имеет более левые взгляды, а другая половина - более правые<sup>1</sup>.

Как видим, исследования избирательных кампаний не могла не коснуться такая характерная для всей американской политической науки черта, как практическая направленность. По этой причине

<sup>1</sup> Захаров А. В. Теория игр в общественных науках: учебник для вузов. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – С. 59.

при организации избирательных кампаний специалистов интересуют не общие абстрактные теории, а поиск ответа на вопрос, как завоевать наибольшую поддержку избирателей. А для этого, в свою очередь, им нужно создать новую эмпирическую модель своего симпатика, т. е. определить, какого типа гражданин будет готов отдать свой голос за соответствующую политическую силу. По образному выражению А. Г. Румянцева, «задача партии заключается в формулировании политической платформы таким образом, чтобы оказаться в точке (или совокупности точек) политического спектра, разделяемого максимальным числом избирателей. Задача избирателя-клиента заключается в том, чтобы понять, какая из конкурирующих за его голос партий предлагает вариант политики, максимально отвечающий его интересам»<sup>1</sup>.

*Организация избирательной кампании.* Как указывается в новейшем издании ставшего классическим учебника «Партии и выборы в Америке: электоральный процесс», увидевшем свет в 2016 г., подобно многим другим демократическим странам, организационная структура партий состоит из двух составляющих - «аппаратной» и политической<sup>2</sup>. Между ними нет прямой субординации, существует скорее разделение и взаимодополнение функций.

Политическую роль выполняют депутатские комитеты в обеих палатах Конгресса - у республиканцев они называются просто «Senatorial» и «Congressional», у демократов к названиям добавляется слово «campaign», т. е. «для кампаний». В нижней палате такие комитеты возникли после Гражданской войны, в верхней - с переходом к прямым выборам сенаторов (1913 г.). Их основная цель - обеспечение электорального успеха, т. е. сохранение «своих» мест в палатах и завоевание (или отвоевание) новых - у оппонентов. Первоначально комитеты занимались почти исключительно сбором средств на кампанию, в настоящее время их функции расширились, и фактически именно они определяют политическую повестку дня кампаний. Но главное - именно комитеты определя-

<sup>1</sup> Румянцев А. Много партий хороших и разных ?.. // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. - № 6. – С. 58.

<sup>2</sup> Brewer M., Maisel S. Parties and elections in America: the electoral process. – L.: Rowman & Littlefield, 2016. – P. 274.

ют, какие места в предстоящей кампании будут «в игре» (in play), т. е. в каких кампаниях вероятна острая конкуренция, требующая приоритетного внимания и ресурсов (в каждый четный год, когда переизбираются члены Конгресса, число таких мест относительно невелико). Именно эти комитеты - вместе с аппаратными организациями - осуществляют отбор кандидатов на выборные посты. В соответствии с этим планированием осуществляется распределение финансовых ресурсов.

«Аппаратные» структуры - это национальные комитеты партий и соответствующие структуры на уровне штатов и меньших административных единиц. Низовые структуры были сильны в «партийный» период, затем начался их упадок (вплоть до фактического исчезновения в штатах, где партия не пользовалась популярностью, как республиканцы в южных штатах до 1960-х гг.). Однако в последнее десятилетие наблюдается возрождение этих структур, которые занимаются координацией кампаний на уровне штатов.

Национальный комитет Демократической партии состоит из 440 членов. 200 из них напрямую представляют штаты (пропорционально численности населения). Председатель комитета имеет право назначать до 50 членов, представляющих важные для партии адресные аудитории (меньшинства, профсоюзы и т. п.). Республиканский комитет имеет более простую структуру: по 2 члена от каждого штата плюс председатели комитетов «республиканских» штатов (проголосовавших на президентских выборах за республиканца, имеющих республиканского губернатора или большинство в законодательном собрании штата). В обоих комитетах уставом предписан строгий гендерный паритет на всех руководящих постах. Демократический комитет возглавляют выборные политики, республиканский - аппаратные работники.

Роль аппаратных структур можно охарактеризовать как вспомогательную, но исключительно важную. Они централизуют управление кампаниями, ведут электоральные исследования для всех кандидатов, формулируют типовые основы агитационно-пропагандистских материалов, мобилизуют волонтеров и т. п., организуют агитационные кампании и сбор средств в Интернете, налаживают взаимодействие с симпатизирующими партии общественными организациями и т. д.

Таким образом, «партийные машины», несмотря на существенное снижение своей роли в сравнении с началом прошлого века, остаются мощными и влиятельными, сохранив лидерство даже в условиях возросшего влияния общества и множества сетевых по характеру каналов коммуникаций<sup>1</sup>.

Важно также понимать, что каждый из кандидатов, ведущих избирательную кампанию, имеет свой штаб («кухонный кабинет»). Классическим считается состав, который существовал у Джона Ф. Кеннеди, добивавшегося в 1960 г. выдвижения своей кандидатуры на пост президента США от Демократической партии. В частности, в его составе были представлены: организатор личной политической машины (Л. О'Брайн), тактик избирательной кампании (К. О'Доннел), специалист по опросам и анализу общественного мнения (Л. Харрис), ответственный за тесную работу с прессой (П. Селинджер), казначей – распорядитель финансов избирательной кампании (С. Смит), составитель речей (Т. Соренсен), координатор всего аппарата, иначе говоря, человек, стыкующий организационные, стратегические, тактические, финансовые и пропагандистские мероприятия (Р. Кеннеди)<sup>2</sup>.

Примечательно, что в американской литературе можно встретить еще более дробное деление служащих избирательных штабов. Так, Дж. Уилсон указывает, что временные «личные» организации, создающиеся для оказания поддержки тому или иному кандидату, как правило, состоят из четырех подразделений: 1) небольшой круг профессиональных специалистов, либо нанятых по случаю, либо подобранных из штата вышеупомянутого чиновника, добивающегося избрания; 2) старшие советники, работающие бесплатно, из числа давних знакомых или приятелей кандидата; 3) добровольные помощники (чаще всего молодые люди) и, наконец, 4) люди, символизирующие новые направления развития избирательных кампаний – консультанты по отдельным проблемам<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Макаренко Б. И. Политические партии в США // Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Под рук. Б. И. Макаренко. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 157, 158.

<sup>2</sup> Громыко Ан. А., Кокосин А. А. Братья Кеннеди. – М.: Мысль, 1985. – С. 38.

<sup>3</sup> Уилсон Дж. Американское правительство. – М.: Прогресс, Универс, 1995. – С. 229, 230.

«Профессионализация» выборов. Избирательный маркетинг. Политический маркетинг давно вошел в мировую политическую практику в качестве метода проведения эффективной избирательной кампании. Сам термин «маркетинг» (производный от англ. market – рынок) появился в конце XIX – начале XX в. как понятие, означающее изучение спроса и сбыта товаров и услуг. Позднее с политическим и общественным маркетингом стали связывать сложную организационно-техническую и управленческую деятельность по регулированию социальных, политических процессов. Возникла целая отрасль социальной психологии – «public relations» (PR), а потом на ее основе утвердился политический маркетинг<sup>1</sup>.

В то же время приходится учитывать, что в США политический маркетинг как наука и искусство навязывания избирателю «своего» кандидата имел большие шансы развиваться, а впоследствии и утвердиться в полной мере, нежели на материковой Европе. Это объясняется, как минимум, двумя обстоятельствами.

Прежде всего не будем забывать, что американское общество, как, быть может, никакое другое, глубоко рыночное по самой своей сути. Не случайно поэтому даже лексическое поле этого общества чаще всего оперирует терминами, заимствованными не из армейского лексикона («битва за», «борьба за», «тесное взаимодействие»), как, скажем, это имеет место на постсоветском пространстве, а из языка рыночной стихии («выигрыш», «проигрыш», «честная игра» - fair play), включая ключевое понятие американской политической культуры – bargain (сделка). Следовательно, нет ничего удивительного в том, что и национальная политика в сознании миллионов американцев тоже является своего рода формой сбыта товаров (в данном случае кандидатов) потребителям-избирателям.

Во-вторых, следует учитывать, что в условиях двухпартийной системы идеологическое размежевание между двумя ведущими политическими силами страны – демократами и республиканцами – не столь существенно, как может с ходу показаться неискушенному наблюдателю. Как следствие, начинает прослеживаться своего рода взаимосвязь: чем меньше социально-политические разногласия между конкурирующими партиями, чем бессодержательнее их

<sup>1</sup> Подробнее см.: Ковлер А. И. Основы политического маркетинга. – М.: ИГП РАН, 1993. – С. 6.

дуэли, тем большее место в предвыборном манипулировании занимает избирательный маркетинг, когда, по образному выражению В. А. Туманова, «рубашки с изображением кандидата в президенты заменяют политические аргументы»<sup>1</sup>. Тем самым образ – «имидж» кандидатов прикрывает отсутствие у них существующих политических альтернатив.

Таким образом, талант политтехнологов, особенно на президентских выборах, заключается не в том, чтобы разработать детальную и учитывающую все стороны общественной жизни избирательную платформу, а создать такой имидж своему кандидату, который пришелся бы по душе как можно большему количеству избирателей. Вот каким видел имидж своего клиента – президента Франции в 1981-1995 гг. Ф. Миттерана – его советник по вопросам PR Ж. Сегела: «Его называют старым, он станет мудрым. Он урегулировал конфликт удовольствия с реальностью, подсознательную основу противостояния между левыми и правыми. Он миновал возраст личных амбиций. Он безмятежен, богат своим внутренним спокойствием. Он слывет интеллектуалом, а будет реалистом, другом здравого смысла, близким к людям, к их повседневной жизни. В его активе опыт. К тому же разве факты не подтверждают чаще всего его правоту?»<sup>2</sup> Добавим к сказанному, что случай Миттерана относился к тем редчайшим в мировой истории, когда нарисованный политтехнологами образ едва ли не в полной мере соответствовал подлинной сути этого незаурядного человека.

Очевидно, что американские специалисты по избирательному маркетингу не могли позволить себе отстать от своих французских коллег. Скорее наоборот. Многие наработки и открытия американцев в обозначенной сфере впоследствии были перенесены на континентальную почву. Так, в последние десятилетия перед ошеломленными американскими избирателями, а вслед за ними и перед всем миром, прошли образы просвещенного представителя «аристократического» клана (Джон Ф. Кеннеди), «человека, сделавшего сам себя» (Р. Никсон), простого человека, поддерживающего прочные связи с народом

<sup>1</sup> Туманов В. А. Общая характеристика партий и выборов в капиталистическом государстве // Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов) / Отв. ред. В. А. Туманов. – М.: Наука, 1980. – С. 59.

<sup>2</sup> Сегела Ж. Указ. соч. – С. 61.

(Рейган, отчасти Буш-младший), жесткого моралиста (Дж. Картер), человека, сформированного «новым жизненным стилем» (Б. Клинтон), и т. д. При этом любопытно, что имидж политика не является чем-то раз и навсегда заданным, статичным, а может подвергаться существенной корректировке, исходя из сиюминутной политической конъюнктуры, настроений избирателей и проч.

Скажем, в соответствии с разработанной программой действий в 1973 г. Картер должен был предстать перед американцами в качестве «самого активного, дееспособного и результативного среди всех губернаторов американских штатов», в 1974 г. он должен был утвердиться «в качестве лидера демократической партии, человека, способного вернуть ей утраченные позиции», а годом позже перед ним ставилась задача фигурировать как «глубокий мыслитель, партийный лидер, имеющий идеи по поводу того, как следует руководить страной»<sup>1</sup>.

Как видим, все эти метаморфозы – не столько отражение подлинной, глубокой личной эволюции того или иного политика, сколько плод длительных раздумий и расчетов американских политтехнологов, старающихся выявить на данном отрезке времени тот образ кандидата, который в большей степени, нежели другие, будет импонировать избирателю.

Рассмотрим теперь основные принципы политического и избирательного маркетинга в США, их внедрение в политическую практику. С точки зрения американских профессионалов избирательная кампания любого уровня прежде всего должна отличаться высокой визуализацией. Иными словами, избиратели должны как можно чаще видеть своего кандидата, что на языке психологов именуется «эффектом присутствия». Когда-то, во времена Ф. Рузвельта, для этих целей использовали агитпоезд, из которого выходил кандидат, выступал с небольшой речью перед собравшимися на перроне избирателями и ехал дальше. Аналогичным образом проводил свою избирательную кампанию преемник Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. – М.: Политиздат, 1991. – С. 279.

<sup>2</sup> Забавно, что указанную технологию, правда, в виде агитационного автобуса, на котором кандидат должен перемещаться по стране, Манафорт предлагал В.

Кстати сказать, сам Рузвельт, стеснявшийся своего недуга, не злоупотреблял подобного рода поездками, а взял за правило выступать по радио с небольшими еженедельными обращениями к американскому народу, которые благодаря задушевности и ораторскому дару президента пользовались большой популярностью среди радиослушателей<sup>1</sup>.

Однако уже с середины 50-х гг. прошлого столетия началась настоящая революция в сфере избирательных технологий, чему в немалой степени способствовало распространение телевидения. По статистике в начале 50-х гг. лишь одно из десяти домохозяйств в Америке имело телевизор, но уже к концу десятилетия – девять из десяти<sup>2</sup>. Сегодня, очевидно, этот показатель стремится к 100 %. С особой силой роль и влияние телевидения стали очевидны в ходе президентских выборов 1960 г., во время которых были проведены первые теледебаты между двумя основными соперниками – кандидатом от демократов сенатором Дж. Кеннеди и кандидатом от республиканцев, тогдашним вице-президентом США Р. Никсоном. Позже аналитики напишут, что уже с первых секунд все было кончено для Никсона...

Именно тогда интеллигентный, привлекательный внешне, красноречивый Кеннеди, чьи неоспоримые достоинства были только усилены фокусом телекамер, добился для себя решительного перелома в симпатиях избирателей, несмотря на то, что изначально победу сулили его оппоненту. Вообще в литературе указывается, что, как минимум, трое из президентов «пострузвельтовской эры» (упомянутый нами Кеннеди, Рейган и, пожалуй, Клинтон) были обязаны своим успехом главным образом телевидению<sup>3</sup>. И не му-

Януковичу, добивавшемуся в 2010 г. избрания на пост президента Украины. Однако тучный и не привыкший к физическим нагрузкам, неизбежным при путешествии по стране на автобусе, Янукович отверг это предложение. Див.: Кузь О. М., Полішук І. О., Моторнюк Т. М. Вказ. тв. – С. 178.

<sup>1</sup> Уткин А. И. Рузвельт. – М.: Логос, 2000. – С. 117.

<sup>2</sup> Bartels L. The impact of electioneering in the United States // Electioneering: a comparative study of continuity and change / Ed. by D. Butler, A. Ranney. – Oxf.: Clarendon Press, 1992. – P. 260.

<sup>3</sup> Polsby N., Wildavsky A., Schler S., Hopkins D. Presidential elections: strategies and structures of American politics. – L.: Rowman & Littlefield, 2012. – P. 160.

дрено, ведь как показала серия исследований, проведенных под руководством американского психолога К. Дайон, внешность объекта, точнее сказать, физическая привлекательность последнего существенно влияет на атрибутивные процессы («красивый значит хороший»)<sup>1</sup>.

Как подчеркивает Б. И. Макаренко, проведение дебатов имеет важные следствия для деятельности партий. Во-первых, они – благодаря своему драматизму и остроте – становятся одним из центральных событий избирательной кампании и привлекают повышенное внимание избирателей, тем самым напоминая о неформальной характеристике выборов как «лошадиных скачек» (horse races, т. е. спортивного состязания с победителями и проигравшими). Во-вторых, это повышает публичность политики в целом, побуждает партии и кандидатов четче формулировать как аргументы в защиту своей позиции, так и критику позиций оппонентов. В-третьих, поскольку в главных дебатах принимают участие лидеры партий (в том числе как кандидаты на президентский пост), они усиливают персонализацию политики и влияние лидера как человека, от личных способностей которого зависит успешное выступление в дебатах как ключевом событии кампании. И если в дотелевизионную эпоху лидеров редко видели собственными глазами и никогда – вместе с их оппонентами, то теперь именно такие события определяют динамику кампании<sup>2</sup>.

Сегодня во многом ту роль, которую в 60-80-х гг. прошлого столетия играло в политике телевидение, а до этого – радио и газеты, с успехом выполняет Интернет. Не зря Б. Обама, словно в подражание Рузвельту, тоже записывал еженедельные обращения к американской нации, которые, правда, уже распространялись с помощью глобальной сети. Вместе с тем не стоит представлять дело так, будто бы Интернет полностью «поглотил» классические методы ведения предвыборной агитации. Тот же Б. Обама и его соперник на выборах 2008 г. Дж. Маккейн провели последние недели пе-

<sup>1</sup> Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 48.

<sup>2</sup> Макаренко Б. И. Основные закономерности и современные тенденции развития партийных систем // Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Под рук. Б. И. Макаренко. – М.: РОССПЭН, 2015. – С. 224, 225.

ред голосованием в бесконечных разъездах по стране, а еще раньше, на выборах 2004 г., соперничавшие Буш-младший и сенатор Дж. Керри в какой-то момент находились друг от друга на расстоянии меньшем, чем пол-мили<sup>1</sup>. К слову сказать, во время таких агитационных поездок кандидаты стараются посещать не те штаты, где им и так гарантирована значительная электоральная поддержка (например, для семейства Бушей таким штатом был и остается Техас), а те регионы, исходя из социологических опросов, высок уровень неопределившихся, так называемых «колеблющихся» избирателей (англ. swing voters). И чем ближе дата выборов, тем ожесточеннее борьба за их голоса.

Как правило, в ходе таких поездок кандидаты выступают с речами перед своими сторонниками, посещают предприятия, школы, иные публичные места. Вот как описывает корреспондент французской газеты «Le Matin» эффект, производимый, например, «хождением в народ» Ж. Ширака: «Смотри, Ширак», - говорят друг другу прохожие в городах, которые посещает бывший премьер-министр. Никто не предупреждал их о его приезде. Его встречают с удивлением и любопытством, спрашивая себя, что он может делать здесь, на рынке, в булочной, трепля за щечку ребенка, повторяя сотни раз «здравствуйте», «как поживаете?». У него ничего не просят, его не оскорбляют. Просто констатируют, что он такой же, как и по телевизору. Ему пожимают руку, потому что он ее протягивает»<sup>2</sup>.

Очевидно, что подобного рода «ходы» и психологические уловки заранее просчитываются специалистами по избирательному маркетингу. Но не стоит сводить деятельность избирательных штабов к одним лишь усилиям политтехнологов. Ведь команду кандидатов составляют не только они, но и представители массы других профессий, общее количество которых приближается к сорока пяти. Среди них: системные администраторы и бухгалтера, водители и юристы, спичрайтеры и парикмахеры, а также многие другие работники<sup>3</sup>.

Тем не менее именно политтехнологам удастся снять больше всего «сливок» с успеха их клиентов. В частности, широкоую из-

<sup>1</sup> Pilsby N., Wildavsky A., Schler S., Hopkins D. Ibid. – P. 149.

<sup>2</sup> Ковлер А. И. Указ. соч. – С. 32.

<sup>3</sup> Pilsby N., Wildavsky A., Schler S., Hopkins D. Ibid. – P. 168.

вестность получили такие специалисты по организации избирательных кампаний, как Д. Карвилл, организовавший в 1992 г. кампанию Клинтона; К. Роув, ставший известным благодаря организованному им двум избирательным кампаниям Буша-младшего<sup>1</sup>; Д. Аксельрод, сыгравший значительную роль в избирательной кампании Обамы и сотрудничавший впоследствии с Ю. Тимошенко; не раз упоминавшийся нами П. Манафорт.

Как видим, избирательный маркетинг стал без преувеличения процветающей индустрией в современной Америке.

*Предвыборные программы.* Программы Демократической и Республиканской партий составляют каждые четыре года – в год проведения очередных президентских выборов, и служат идейно-политическим ориентиром для лидеров партии и ее представителей в выборных институтах страны. Всецело подчиненные задачам предвыборной борьбы, платформы американских партий весьма далеки от привычных нам партийных программ как всеобъемлющих документов, выражающих идеологию партии, ее цели и задачи.

Все дело в том, что в США избирательная система сложилась раньше партийной, а сами партии выросли из конкуренции на президентских выборах. Участие в выборах изначально было и остается важнейшей и преимущественной функцией американских партий. Поэтому, как отмечается в литературе, перед ними никогда не стояла дилемма – программа или платформа. Вопрос давно и однозначно был решен в пользу последней, и «основная функция... платформ состоит... в том, чтобы помочь партии одержать победу на выборах»<sup>2</sup>.

В рамках сложившейся в США партийной системы платформа представляет собой результат компромисса – «торга» между основными региональными группировками и группами особых интересов как внутри партии, так и вне ее, между социальными и политическими силами, которые поддерживают ее на выборах.

<sup>1</sup> Роуву, который считается в Америке гением PR, даже посвящено несколько книг (оценим их названия: «Мозг Буша: как Роув сделал Буша президентом», «Босс Роув: внутри секретного царства власти»).

<sup>2</sup> Дарчиев А. Н., Кортунова Е. Я. Платформа или программа: из опыта американских партий // США: экономика, политика, идеология. – 1993. - № 1. – С. 62.

Децентрализованная структура американских партий, при которой партийные организации в штатах достаточно самостоятельны по отношению к «центру», предопределяет роль платформы как своеобразного общего знаменателя, по возможности лишенного жестких идеологических установок и достаточно широкого для создания предвыборных союзов и коалиций, а также удержания в партийной орбите избирателей с самыми разными взглядами, порой приверженцев разных полюсов идеологического спектра. Принимая раз в четыре года предвыборные платформы, партии имеют возможность скорректировать свой курс с учетом социально-политических, экономических, демографических и прочих изменений в стране, что придает им дополнительную устойчивость в высоко-мобильном американском обществе.

В современных условиях повестку дня выборов определяют следующие новые темы: 1) экологические проблемы: от отношения к использованию атомной энергетики до более широкой – выбора между ростом промышленного потенциала и соблюдением жестких природоохранных стандартов; 2) проблемы, порожденные массовой иммиграцией из стран третьего мира, включая их социально-экономические последствия, дилеммы «мультикультурализма» и т. п.; 3) моральные проблемы, включая темы, связанные с толерантностью, семьей, сексуальными отношениями; 4) проблемы бюджетной экономии в условиях кризиса<sup>1</sup>.

Какие же альтернативы предлагали кандидаты на президентских выборах 2016 г. ?

Так, характеризуя общее впечатление от предвыборной программы Д. Трампа общим объемом примерно в 35,5 тыс. слов, газета «Нью-Йорк Таймс» отметила в своей редакционной статье, посвященной анализу ее ключевых положений, что программа явилась «самой экстремистской за всю новейшую историю США»<sup>2</sup>.

Во-первых, впервые выдвигается требование признания английского языка «единственным официальным государственным языком – объединяющей силой, необходимой для дальнейшего развития иммигрантских общин и всей нации в целом». Во-вто-

<sup>1</sup> Макаренко Б. И. Основные закономерности и современные тенденции развития партийных систем. – С. 230.

<sup>2</sup> <http://www.rusus.ru/?act=read&id=507>.

рых, признается необходимым утвердить христианство в качестве единственной официальной религии американского общества. Это требование обосновывается тем, что «в обществе должна публично утверждаться мораль десяти христианских заповедей как отражение американской истории и иудейско-христианского наследия страны, и, кроме того, должны соблюдаться права религиозно настроенных школьников на участие в добровольных молитвах на территории общественных школьных заведений, которые должны иметь право на равный доступ к школьным помещениям»<sup>1</sup>.

В этом же ключе следует рассматривать призыв отклонить все попытки реформирования существующей системы выборов президента США (которая, в конечном итоге, и спасла Трампа от поражения), основанной на коллегии выборщиков от штатов, которая и выбирает главу государства, и заменить ее прямыми общенародными президентскими выборами. Консервация архаичной коллегии выборщиков важна именно по причине укрепления национальной идентичности США. Любопытно, что в программе республиканцев особо подчеркивалось, что иностранные законы и прецеденты не должны использоваться для интерпретации американских Конституции или законодательства, а иностранные источники права не должны применяться при вынесении судебных решений по уголовным и гражданским делам<sup>2</sup>. Мы отдельно останавливаемся на данном программном пункте по той простой причине, что именно Верховный Суд США одним из первых в мире стал практиковать ссылки на зарубежное законодательство в качестве одного из аргументов для постановления собственных решений. Ведь как подчеркивал судья А. Скалиа, то, что соответствует фундаментальному понятию справедливости, «имеет вневременное и универсальное человеческое применение»<sup>3</sup>.

Примечательно также, что в программе подвергается критике пришедшаяся на президентуру Б. Обамы волна революционных

<sup>1</sup> <http://www.rusus.ru/?act=read&id=507>.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Фрайот С. Использование Верховным судом США иностранных источников права в делах, касающихся коммерческих и экономических вопросов: анализ установившейся практики и современных споров // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 29.

выступлений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получившая название «Арабской весны». «Администрация Обамы и его государственный секретарь (речь идет о Х. Клинтон. – *Прим. авт.*), - подчеркивается в программе республиканцев, - в тот период способствовали такому развитию «арабской весны», в результате чего дестабилизированным оказался весь регион. Надежды, которые вселила «арабская весна» во многих людей, сменились горькими разочарованиями»<sup>1</sup>.

В свою очередь, предвыборная программа Демократической партии, принятая на съезде в Филадельфии, составляет 26 тыс. слов. По сути, она представляет собой «клятву верности» достижениям Б. Обамы во внутривластной и несколько в меньшей степени – во внешнеполитической сферах. По образному выражению В. С. Васильева, эта программа ни что иное, как стратегия действий администрации Обамы на третий «виртуальный» срок<sup>2</sup>.

Поясним читателю, что мы столь детально останавливаемся на предвыборных программах кандидатов по той простой причине, что в последние годы, как указывает Э. Я. Баталов, в электоральном поведении американцев обозначились новые тенденции, заставившие социологов говорить о падении роли «партийного голосования» за счет так называемого «issue voting» - голосования на основе позиций, занимаемых кандидатом (независимо от его партийной принадлежности) по одному или нескольким актуальным социально-политическим вопросам (образование, отношение к иммиграции, предполагаемая политика по отношению к малому и среднему бизнесу)<sup>3</sup>. Как следствие, близость позиции кандидата по обозначенным ключевым вопросам может стать решающим фактором, побуждающим избирателя отдать свой голос в поддержку этого кандидата, даже если последний принадлежит не к той партии, с которой отождествляет себя избиратель.

*Избирательные технологии.* Следует учитывать, что законодательное регулирование деятельности партий как юридических лиц в США минимально, а регулирование выборов в значительной

<sup>1</sup> <http://www.rusus.ru/?act=read&id=507>.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – С. 202.



степени передано на уровень штатов. Самое мощное воздействие, которое федеральное законодательство оказывает на деятельность партий, это регулирование финансирования избирательных кампаний. Законодательно установлены размеры и порядок государственного финансирования кампаний основных кандидатов, потолок финансирования, порядок сочетания государственных средств и пожертвований (получение государственных средств накладывается больше ограничений).

Один из самых острых вопросов в этой области - так называемые «мягкие деньги», т. е. частные пожертвования, формально не имеющие отношения к конкретным кампаниям, но на самом деле финансирующие публичные мероприятия по темам, созвучным программам партий. Долгое время преимущество в «мягких деньгах» имели республиканцы, более тесно связанные с крупным бизнесом. Принятый в 2002 г. «Двухпартийный закон о реформе кампаний» наложил строгие ограничения на применение «мягких денег» (одновременно поднимая потолки на прямое финансирование), однако остались многочисленные «лазейки», которые позволяют обходить его. Так, промежуточные выборы 2014 г. были сочтены «расцветом суперпэков» (от PAC - Political Action Committee), организаций, формально независимых от партий и кандидатов, но ведущих агитационную деятельность по темам, созвучным кампаниям определенной партии (кандидата). В 2014 г. доля суперпэков в общих затратах на кампанию составила около 20 % (а от «мягких денег» - 44 %).

Существенное изменение в финансирование кампаний внесли два взаимосвязанных явления: массовое распространение практики пожертвований от частных лиц (им весьма эффективно воспользовался Б. Обама и на этапе праймериз, и в самой президентской кампании) и распространение Интернета. Последний через блоги и соцсети обеспечивает так называемое «таргетирование», то есть «точечное» обращение кандидатов к адресным аудиториям - более прямой и потому эффективный контакт кандидата с избирателями. Это позволило ослабить зависимость кандидатов как от крупного бизнеса, так и партийной бюрократии и еще более повысило вовлеченность рядовых граждан в политическую жизнь.

Еще до «эры Интернета» те же соображения оптимизации расходов привели к появлению в США тактики «narrowcasting»

- дифференцированного обращения к разным адресным аудиториям (первоначально по кабельным сетям телевидения). Это, в свою очередь, стало возможным благодаря высокоразвитой системе социологических исследований электоральных настроений и компьютеризованному управлению базами данных по адресным аудиториям (волонтеры, доноры кампаний) и поднимаемым в кампании проблемам<sup>1</sup>.

Как видим, при оценке современных избирательных технологий прежде всего следует говорить о проникновении в политику, а также в повседневную жизнь и культуру общества Интернета. По мнению одного из лидеров использования веб-технологий в политике и избирательных кампаниях Ф. Нобла, «Интернет – это революция в политике. Сейчас, возможно, лишь 10 часов утра первого дня Революции, и множество людей не заметили ее свершения, но тем не менее это революция». Поскольку Интернет сам по себе – феномен XXI века и поскольку его богатое и многомерное использование в президентских кампаниях – тоже явление новое, стоит остановиться на нем несколько подробнее. В этой связи крупнейший русско-американский социолог Б. З. Докторов писал, что ему кажется в высшей степени точным и концептуальным представление избирательной кампании бывшего президента США Б. Обамы, отраженное формулой: «Timing + Charisma + Internet = Obama Nomination», которую можно интерпретировать так: «Главные слабые стороны Обамы – это его соответствие требованиям времени, харизматичность и Интернет»<sup>2</sup>.

В самом деле, Обама и его избирательный штаб первыми вступили на эту плохо картированную территорию. Через различные сайты и рассылку СМС-писем Обама на протяжении всей избирательной кампании сигнализировал миллионам людей: «Я знаю вас, вы знаете меня, мы можем доверять друг другу». В XX веке президент Маккинти первым начал использовать для общения с населением газету; Рузвельт, сидя у камина, вел регулярные радиобеседы; Кеннеди стал президентом благодаря активному обращению к гражданам через телевидение. Обама же первым из политиков и на очень высоком

<sup>1</sup> Макаренко Б. И. Политические партии в США. – С. 158-160.

<sup>2</sup> Докторов Б. З. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. – М.: Европа, 2011. С. 49.

уровне построил многостороннее общение с электоратом через Всемирную паутину. В своей президентской кампании он нашел путь к электорату через Интернет, а после избрания ввел новый тип общения с населением – электронное городское собрание (online town hall), тем самым соединив первичную форму американской демократии – городское собрание Новой Англии, – родившуюся во второй половине XVII века, с возможностями Интернета. С этой целью на сервере Белого дома в конце марта 2009 года был создан сайт «Открыт для вопросов» (Open for Questions), на котором президент в видеоформате излагает свою точку зрения по тематике посылаемых ему вопросов. Никогда ранее ничего подобного не было, хотя, если иметь в виду технические достижения, все это могло существовать и в годы президентства Буша-младшего<sup>1</sup>.

Как бы там ни было, уже к концу апреля 2008 года сторонники Обамы дали ему много больше, чем пожертвования в фонд избирательной кампании: на соответствующих сайтах они предоставили ему личную информацию, сделавшую его, вне зависимости от исхода борьбы за Белый дом, обладателем мощнейшего политического инструмента. Почти два миллиона людей оставили на сайте Обамы mybarackobama.com и на активно посещаемых сайтах типа Facebook, MySpace электронные и домашние адреса, телефоны, высказали свое понимание многих проблем развития страны и указали имена друзей. Стоимость этой информационной базы уже тогда оценивалась почти в 2 млн. долларов. Она позволяла мгновенно обратиться к людям, живущим во всех частях страны, мотивировать их на ту или иную деятельность в интересах демократов<sup>2</sup>. Так, ранним утром 23 августа, до выхода газет, миллионы американцев получили по электронной почте сообщение: «Барак выбрал сенатора Джо Байдена для номинации на пост вице-президента», а заканчивалось оно словами: «Распространи это известие».

Говоря об особенностях, привнесенных в избирательные технологии в последние годы Интернетом, нельзя не сказать о дея-

<sup>1</sup> Более подробно об использовании Интернет-технологий администрацией Обамы см.: Heith D. Obama and the Public Presidency: What Got You Here Won't Get You There // The Obama Presidency: Appraisals and Prospects / Ed. by B. Rockman, A. Rudalevige, C. Campbell. – W.: CQ Press, 2012. P. 123-148.

<sup>2</sup> Докторов Б. З. Указ. соч. С. 50.

тельности MoveOn – объединения или семьи организаций, преследующих цель включения американцев в политические процессы. Это сетевая структура, объединяющая свыше 3 млн. человек – от плотников и сидящих дома мам до руководителей крупных бизнесов. Девиз организации – «Демократия в действии». Согласно действующему законодательству, MoveOn не имеет права принимать взносы, превышающие 5000 долларов, а на практике величина большинства пожертвований не превышает 100 долларов.

Также, характеризуя избирательную кампанию Обамы, специалисты в сфере рекламы называют выдающимся видео с песней Crush On Obama, исполненной сексапильной «Obama Girl» Эмбер Ли Эттингер. Ролик был размещен на YouTube в июне 2007 года, когда многие еще не слышали такого имени – Обама, и его просмотрели миллионы посетителей сайта. Это был большой успех так называемой вирусной рекламы, учитывающей тот факт, что люди делятся с окружающими интересной для них информацией.

Успехом пользовалось расположенное на том же сайте выступление Обамы «Более совершенный союз» (More Perfect Union). Речь была произнесена в марте 2008 года в Филадельфии, и в ней Обама перебросил мост между целями своей избирательной кампании и основополагающим документом американской истории – Декларацией независимости США. Эта речь сразу вошла в онлайн-банк выдающихся примеров ораторского искусства (существует такой специальный сайт – American Rhetoric <<http://www.americanrhetoric.com/>>). Еще одним успешным интернет-выстрелом стала положенная на музыку и исполненная поп-группой Black Eyed Peas и суперзвездой Голливуда Скарлетт Йоханссон речь Обамы «Да, мы можем» (Yes we can)<sup>1</sup>.

Широкой популярностью пользуется также такой прием пропагандистской работы, как привлечение к своей избирательной кампании «звезд» Голливуда. Так, на стороне Х. Клинтон выступали актеры Джордж Клуни, Мэт Дэймон, Роберт де Ниро, Морган Фримэн, Дастин Хофман, Джек Николсон, Том Хэнкс, Сальма Хайек, Шарлиз Терон, Мила Кунис, певицы Beyoncé, Кэти Перри, Леди Гага. Трамп не мог похвастаться столь внушительным списком симпатиков в Голливуде, а потому был вынужден довольство-

<sup>1</sup> Докторов Б. З. Указ. соч. С. 51.

ваться поддержкой боксера Майка Тайсона, баскетболиста Денниса Родмана и знакомого нам по боевикам 90-х гг. актера Жан-Клода ван Дама.

Не гнушаются участники предвыборной гонки и так называемым «черным PR», т. е. такими технологиями, которые позволяют дискредитировать своего соперника в глазах избирателей или, по крайней мере, существенно ослабить его позиции, особенно в глазах колеблющейся части электората. В частности, широкую известность получили многочисленные оскорбления Трампа в адрес Х. Клинтон и ее супруга, обнародование сайтом Wikileaks ее переписки с соратниками по Демократической партии, попытка возбудить уголовное дело против Клинтон за то, что в бытность государственным секретарем США она использовала для служебной переписки не официальную, а свою личную электронную почту и т. п.

Впрочем, Хиллари не остается в долгу. Подлинным шедевром «черного юмора» считается подготовленный ее командой видеоролик «5 причин голосовать за Трампа», который распространяется ныне по Интернет-каналу YouTube<sup>1</sup>. Не откажем себе в удовольствии рассказать о нем.

Звучит приятная музыка, на экране появляются виды трудовой Америки. Голос за кадром произносит: «Сегодня медиа говорят много гнусного о Дональде Трампе. А давайте спросим простых людей, что они думают об этом человеке». «Парень из разряда победителей», - говорит по виду менеджер среднего звена. «Он харизматичный», - утверждает домохозяйка, наглаживающая белоснежную футболку. «Он единственный, кто реально создает рабочие места», - произносит маляр, стоящий на лестнице, прислоненной к стене дома. «Он написал целую книгу об искусстве переговоров», - с улыбкой сообщает бизнес-леди, вынимая из принтера какой-то график. «Он сможет сделать эту страну снова великой», - считает лесник, идущий с дровами по заснеженному полю.

Голос за кадром продолжает: «Итак, когда люди спрашивают, почему лично ты поддерживаешь Дональда Трампа, то обычно слышишь в ответ...» «Потому что он поднимет экономику», - говорит уже знакомый нам менеджер, на рукаве которого мы вдруг замечаем фашистскую свастику. «Потому что он говорит вслух то,

<sup>1</sup> См.: <https://www.youtube.com/watch?v=Qg0pO9VG1J8>

о чем я только думаю», - произносит домохозяйка, переворачивая футболку, на которой заметна эмблема Ку-клукс-клана. «Я просто люблю этого парня», - признается маляр, на стене дома которого красуется надпись «власть белым». График, снятый бизнес-леди с принтера, оказывается ни чем иным, как мишенью с лицом араба, а лесника ждут соратники в белых саванах... На экране появляется надпись: «Расисты за Дональда Трампа».

Вместе с тем американские партии и их кандидаты стремятся придать себе внешнюю респектабельность и поэтому стараются избегать открытых методов давления на избирателей. Тем более что в последние годы широкое распространение в политических технологиях получила «теория подталкивания» (nudge theory) или мягкой, ненавязчивой подсказки<sup>1</sup>. Впервые она была применена в 2012 г. на Олимпиаде в Лондоне. Тогда психологически точные подсказки позволили организаторам Олимпийских игр избежать пробок и регулировать большие скопления народа, например, не запрещая зрителям приезжать на автомобилях, но намекая, что лучше ехать на велосипеде, большим энтузиастом которых, кстати сказать, был мэр Лондона тех лет Б. Джонсон<sup>2</sup>.

В целом предвыборная кампания 2016 г. характеризовалась следующими чертами:

1. Чрезвычайной поляризацией электората. Так, американскими учеными доказано, что американцы все больше и больше предпочитают селиться рядом с лицами, которые разделяют их политические взгляды<sup>3</sup>. Стоит ли говорить о том, что еще каких-то лет пять тому назад при покупке жилья принимались во внимание прежде всего его стоимость, удаленность от работы, криминогенная обстановка в районе потенциального проживания, а уж никак не политические убеждения соседей? Более того, согласно социологическим опросам 39 % американцев, включая 70 % демократов, не понимали, почему кто-либо будет голосовать за Трампа, а 42 % взрослых, включая 77 % республиканцев, было трудно по-

<sup>1</sup> Детальніше див.: Талер Р., Санстейн К. Поштовх. К.: Наш формат, 2017. 312 с.

<sup>2</sup> Байер А. Голос без разума // Вокруг света. – 2012. - № 11. – С. 141.

<sup>3</sup> Румянцев А. Алгоритмы приходят на смену медиаманатам // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 54.

нять, почему кто-либо в их окружении поддерживает Х. Клинтон. Половина республиканцев прекратили контакты с теми членами семьи или друзьями, которые поддерживали Клинтон, и аналогичным образом поступили 55 % демократов<sup>1</sup>.

Кроме того, как отмечает В. О. Печатнов, помимо идейно-политического, происходит также географическое размежевание. Фактически возник новый американский политический регионализм: прореспубликанские Юг, Скалистые горы и Великие равнины против продемократического Северо-Востока, Северо-Атлантического и Тихоокеанского побережий<sup>2</sup>. При этом республиканская коалиция является «диспропорционально мужской, семейной и зажиточной, опирающейся на сельских жителей Юга, Великих долин и горного Запада, отличающихся повышенной привязанностью к огнестрельному оружию и религиозному консерватизму. Электорат демократов непропорционально женский, несемейный, небогатый, секуляризованный, цветной, проживающий в основном на Северо-Востоке или Западном побережье»<sup>3</sup>. Несомненной заслугой личности Трампа является то, что он привлек на свою сторону так называемых «демократов Рейгана» - традиционный электорат Демократической партии, в основном представителей рабочего класса с доходом ниже 30 тыс. долл., которые в 1980 и 1984 гг. неожиданно поддержали кандидата от республиканцев Р. Рейгана, но затем вернулись в лоно Демократической партии, голосуя за Б. Клинтона и Б. Обаму<sup>4</sup>.

2. Выборы 2016 г. стали, без сомнения, «звездным часом» профессора А. Лихтмана и его прогнозного метода «13 ключей к Белому дому». Как известно, подавляющее большинство социологов и аналитиков, отслеживавших ход предвыборной гонки, все-таки сходились во мнении, что победителем окажется Х. Клинтон. Лихтман был одним из немногих, если не единственным представителем академической элиты, кто полагал, что следующим президентом США станет Д. Трамп. Такой вывод он сделал на основании

<sup>1</sup> [http://www.huffingtonpost.com/entry/nearly-half-americans-fight-election\\_us\\_57cb226ae4b0e60d31df66a2](http://www.huffingtonpost.com/entry/nearly-half-americans-fight-election_us_57cb226ae4b0e60d31df66a2).

<sup>2</sup> Печатнов В. О. Поляризованная Америка // Вестник МГИМО. 2010. № 2. С. 3.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> [http://minchenko.ru/netcat\\_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya\\_itog.pdf](http://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf).

собственного метода прогнозирования итогов президентских выборов, представленного в виде таблицы:

№	Название ключа	Ключ	Прогностическая сила
1	Партийный мандат	После промежуточных выборов партия власти имеет больше мест в Палате представителей, чем после предыдущих промежуточных выборов	0
2	Соревновательность в правящей партии	Нет серьезной борьбы за номинацию в правящей партии	1
3	Участие действующего президента	Кандидат правящей партии – действующий президент	0
4	Третья партия	Нет сильного кандидата от третьей партии или сильного независимого кандидата	1
5	Текущая экономика	Экономика не находится в состоянии рецессии во время избирательной кампании	1
6	Долгосрочная экономика	Рост реальных доходов на душу населения в годы правления действующего президента равен или выше по сравнению с ростом, который был во время двух предыдущих президентских сроков	0
7	Изменения в политике	Действующая администрация проводит значительные изменения во внутренней политике	1
8	Социальные волнения	Отсутствуют масштабные социальные волнения	0
9	Скандал	Действующая администрация не запятнана крупным скандалом	1
10	Ошибки в международной политике	Действующая администрация не допустила серьезных ошибок во внешней или военной политике	1
11	Успехи в международной политике	Действующая администрация добилась серьезных успехов в области внешней или военной политики	0?
12	Харизматичность кандидата от правящей партии	Кандидат от правящей партии обладает харизмой или является национальным героем	0
13	Харизматичность кандидата от оппозиционной партии	Кандидат от оппозиционной партии не обладает харизмой и не является национальным героем	1

Если количество «ложных» суждений (его иногда называют «числом Лихтмана») равно или меньше 5, то партия власти по итогам выборов сохраняет за собой Белый дом. В случае, когда оно оказывается равным 6 или более, прогноз для партии власти становится неутешительным: ей предсказывается поражение, что и произошло с кандидатом от «партии власти» Х. Клинтон<sup>1</sup>.

3. Широким использованием дезинформации, распространяемой посредством Интернет-технологий. Во время предвыборной кампании 2016 г. возник даже особый термин «постправда» (англ. post-truth), который впоследствии был объявлен словом года. Ему было дано следующее определение: «Относящийся либо обозначающий обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем обращение к эмоциям или личным убеждениям»<sup>2</sup>. Именно этим словом характеризовался стиль ведения кампании Трампа в социальных сетях. Социальные сети, в первую очередь Facebook и Twitter, превратились в каналы дезинформации, утверждают сторонники этого тезиса, приводя собранную ими статистику ложных сообщений (так называемых fake news). Так, проанализировав сотни важнейших высказываний Трампа, аналитики пришли к выводу, что только 4 % из того, что он говорит – чистая правда, а примерно 70 % – полностью или по большей части ложь<sup>3</sup>. Между тем твиты Трампа в три раза чаще, чем твиты Клинтон, распространяются пользователями, а его посты на Facebook – в пять раз чаще<sup>4</sup>. Как следствие, ухудшается качество публичной дискуссии, отныне она основывается не на проверенных правдивых фактах, а на лжи и фантазиях.

4. Таргетированием, суть которого сводится к тому, что новостные сообщения, демонстрируемые в социальных сетях, включая самую влиятельную из них – Facebook, которой пользуются две трети населения США, подбираются таким образом, что они корреспондируют политическим взглядам пользователя (если вы поставите «лайк» в поддержку Х. Клинтон, система пометит вас как

<sup>1</sup> [http://fom.ru/uploads/books/8\\_veryh\\_prognozov\\_Alana\\_Lihtmana.pdf](http://fom.ru/uploads/books/8_veryh_prognozov_Alana_Lihtmana.pdf).

<sup>2</sup> Румянцев А. Указ. соч. С. 51.

<sup>3</sup> <http://demchoice.livejournal.com/37328.html>.

<sup>4</sup> Persily N. Can democracy survive the Internet ? // Journal of democracy. 2017, Apr. Vol. 28. № 2. P. 66.

«либерала», и уже не будет автоматически присылать информацию от ее оппонента). Тем самым пользователь отчасти лишается возможности взглянуть на ситуацию с другой стороны.

Краткий анализ избирательных кампаний американских партий показывает, что к основным чертам их электорального поведения относятся тяготение к политическому центру, нежелание жестко идентифицировать себя с определенной позицией в рамках идеологического спектра, забота о создании собственного положительного имиджа и негативного имиджа конкурентов.

## Глава 3.

### Политизация судебной власти

#### 3.1. К феноменологии «политической юстиции»

Термин «политическая юстиция», употребляемый применительно к одной из очевидных тенденций развития судебной власти в разные исторические периоды ее существования, в том числе и далеко не в последнюю очередь конституционного правосудия, появился в научном дискурсе сравнительно давно. Достаточно вспомнить ставшую уже классической работу профессора Колумбийского университета О. Киршхеймера, увидевшую свет в 1961 году<sup>1</sup>. Отдельные аспекты упомянутого феномена примерно в то же время затрагивала Х. Арндт, освещая судебный процесс израильтян над оберштурмбанфюрером СС А. Эйхманом, ответственным за «окончательное решение еврейского вопроса»<sup>2</sup>. Именно в этих работах впервые было сформулировано общее определение политической юстиции как использования судебной процедуры для достижения политических целей. Исходя из такого понимания вопроса, в качестве однозначно «политических» квалифицировались суд над Сократом, судебные разбирательства против роялистов во времена Великой французской революции, процессы над коммунистами, проводившиеся в Веймарской республике и позднее гитлеровской Германии, в том числе процесс о поджоге рейхстага, «московские процессы» 1936-1938 гг. и т. д.

Далее последовали несколько других крупных работ, написанных преимущественно на материалах фашистской Германии и сталинской России<sup>3</sup>, после чего понятие «политическая юстиция» прочно закрепилось в мировой юридической науке, будучи сегодня общепризнанным для любого специалиста в области судебного

<sup>1</sup> Kirchheimer O. Political justice. P.: Princeton Univ. Press, 1961. 454 p.

<sup>2</sup> Арндт Х. Банальность зла. М.: Знание, 2008. 328 с.

<sup>3</sup> См., напр.: Koch H. W. In the name of the volk. Political justice in Hitler's Germany. N. Y.: Barnes & Noble, 1989. 326 p.; Muller I. Hitler's justice. C.: Harvard Univ. Press, 1991. 350 p.; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

права и давно уже не требующим никакого специального обоснования. На эту тему проводятся конференции, «круглые столы», пишутся книги и статьи<sup>1</sup>, но речь идет об исследованиях смысла и содержания феномена, его пределов и последствий, но не о необходимости доказывания существования феномена как такового. В его наличии в мире никто уже не сомневается. Так, по свидетельству А. В. Хованской, на ежегодных конференциях Американской ассоциации политической науки (APSA) организуется до тридцати панелей, посвященных вопросам взаимосвязи права, судов и политики. Эксперты обсуждают проблемы принятия судебных решений, назначения судей, взаимодействия судов с законодательной ветвью власти, использования судебной системы группами интересов и т. п.<sup>2</sup>

В постсоветском научном обороте, до недавнего времени преимущественно российском, в наиболее развернутом виде проблематика политической юстиции была представлена в работе В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова<sup>3</sup>. Неоценимый вклад в демонстрацию политического характера царской юстиции внесли А. М. Ларин<sup>4</sup> и историк Н. А. Троицкий<sup>5</sup>, почти синхронно опубликовавшие свои работы в 2000 г. Десятью годами ранее увидела свет моногра-

<sup>1</sup> См.: Bachmann K., Sparrow-Botero T., Lambert P. When justice meets politics. F. a/M.: Peter Lang Edition, 2013. 404 p.; Popova M. Politicized justice in emerging democracies. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2012. 198 p.; Попова М. Политизированное правосудие в новых демократиях: политическая борьба и судебная независимость в России и Украине // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. С. 199-223; Загреддинов В. Конституционное орудие политической борьбы // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 104-119.

<sup>2</sup> Хованская А. Политическая юриспруденция: постклассический анализ судебных решений и идея легитимности // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 6.

<sup>3</sup> См.: Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.

<sup>4</sup> См.: Ларин А. М. Государственные преступления. Россия. XIX век. Т.: Автограф, 2000. 608 с.

<sup>5</sup> Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Т.: Автограф, 2000. 456 с.

фия С. А. Егорова, посвященная феномену политической юстиции в США<sup>1</sup>. Как видно из последней работы, на американском материале исследование феномена политической юстиции превратилось главным образом в вопрос о мотивации судебного поведения и о том, учитывают ли судьи позицию законодательной власти, вынося тот или иной вердикт. На этом исследовании обозначенной проблематики фактически замерло, если не считать отдельных статей И. С. Григорьева<sup>2</sup> и фундаментальной работы М. Поповой, опубликованной, впрочем, в Канаде на английском языке.

Представляется, что и в Украине спустя несколько лет понятие политической юстиции будет столь же общепризнанным, как на Западе, если не сказать банальным. И «первые ласточки» уже появились. В этой связи достаточно назвать две доктринальные статьи судей Конституционного Суда Украины, которые анализируют влияние политического процесса на осуществление конституционного судопроизводства в нашей стране<sup>3</sup>.

Когда мы начинаем внимательно изучать западные и начавшие недавно появляться отечественные работы о политизации судебной власти, то бросается в глаза, что многие из них посвящены исключительно влиянию недемократических режимов или, в крайнем случае, «переходных демократий» на осуществление правосудия, причем нередко в отношении политических оппонентов данных режимов. Иначе говоря, если судить по этим работам, то политическая юстиция является некоей деформацией судебной функции государства и никакого иного ее понимания более не существует. Верен ли такой подход? Применительно к фашистской

<sup>1</sup> Егоров С. А. Политическая юриспруденция в США. М.: Наука, 1989. 224 с.

<sup>2</sup> Григорьев И. С. Стратегический подход к судебной политике и соотношение внешних и внутрисудебных институтов в организации судебной власти // Полития. 2017. № 1. С. 159-174; он же. Политология судов: предмет и исследовательская программа // Политическая наука. 2012. № 3. С. 258-275; он же. Причины провала первого проекта конституционного правосудия в постсоветской России // Полития. 2013. № 2. С. 39-49.

<sup>3</sup> Див.: Козюбра М. Право, політика, правосуддя: зарубіжний та вітчизняний досвід взаємовідносин // Наук. записки НУ «КМА». Т. 38. Юрид. науки. С. 3-7; Сліденко І. Політизація конституційних судів: причини та наслідки // Вісник Конституційного Суду України. 2016. № 6. С. 211-213.

Германии он сомнений не вызывает, к чему мы еще вернемся. Но применительно ко дню сегодняшнему возникает по меньшей мере два важнейших вопроса: применима ли к современным демократическим режимам, к числу которых, несомненно, относятся США и страны ЕС, указанная концепция и каковы ее параметры в конституционном правосудии?

Поэтому здесь мы почти не будем затрагивать вопрос о перманентно возрастающей роли, которую играют политические ветви власти в функционировании органов правосудия. Для нас, ставших свидетелями не одной судебной реформы в Украине, данная роль очевидна. Очевидно и то, что многие решения главы государства и парламента (например, по формированию судебного корпуса) напрямую откладывают отпечаток на последующее осуществление судами своей юрисдикции, о чем нам уже доводилось писать<sup>1</sup>. В практической плоскости, как представляется, доказывать здесь нечего, т. е. в этом смысле политизация сомнений не вызывает. В силу этого сосредоточимся на более сложной, на наш взгляд, проблеме, само наличие которой очевидным пока еще не является – имеет ли место политическое влияние на принятие судебных решений в тех государствах, в которых относительно жестко проведен принцип разделения властей и в которых отсутствуют укоренившиеся традиции незаконного вмешательства в судебную деятельность? Если да, то можно ли такое вмешательство квалифицировать как преступное, антиконституционное и т. д., или же мы имеем дело с некоей объективной закономерностью государственного развития?

При положительном ответе на поставленные вопросы мы приддем к неутешительному выводу о том, что судебная власть едва ли не в любом государстве является в той или иной степени заполитизированной, а, следовательно, говорить о ее полной независимости можно с большой долей условности. При отрицательном ответе вывод должен быть иным: политизация судебной власти является феноменом, характерным исключительно для консолидированных автократий и переходных режимов, в которых политическое влияние на общественную жизнь особенно ошутимо, о чем, в свою оче-

<sup>1</sup> Евсеев А. П. Психология конституционного судопроизводства. Х.: Юрайт, 2013. С. 66-77.

редь, следует сказать прямо и открыто, т. е. без дипломатических экивоков, деклараций и лозунгов.

Данное исследование будет построено следующим образом: 1) сначала необходимо выяснить точный смысл понятия «политическая юстиция» (подраздел 3.1); 2) затем подвергнуть его сравнительно-правовому анализу на материалах стран ЕС и США (подразделы 3.2 и 3.3 соответственно); 3) чтобы в конечном счете обсудить перспективы политизации судебной власти на глобальном, международном уровне (подраздел 3.4).

Несложно заметить, что термин «политическая юстиция» включает в себя два слова. Но если с «юстицией» все более-менее ясно, то над определением политики лучшие умы человечества бьются уже не одно столетие. Мы же возьмем за отправную точку классическое определение, данное М. Вебером, который призывает понимать под политикой «только руководство или оказание влияния на руководство политическим союзом, т. е. в наши дни – государством», а затем определяет само государство как «человеческое сообщество, которое внутри определенной области (успешно) претендует на монополию легитимного физического насилия», и, наконец, заключает, что политика, таким образом, - это «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти... внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»<sup>1</sup>. Таким образом, главным содержанием политики, ядром политической деятельности служит вопрос о завоевании, удержании и использовании государственной власти. При этом очевидно, что между политикой в таком ее понимании и судебной властью имплицитно возникает диалектическое противоречие: с одной стороны, судебная власть вмонтирована в государственный механизм, представляет собой, пусть и частный, но все же элемент государственной деятельности, а с другой – ее главным предназначением как раз и является ограничение прерогатив политических ветвей власти, иначе говоря, ограничение государственного произвола.

Неслучайно поэтому солидная часть западной литературы вообще не рассматривает судебное и политическое действие в качестве

<sup>1</sup> Цит. по: Григорьев И. С. Внутрисудебные институты как инструмент адаптации конституционного суда в процессе консолидации политического режима (на примере КС РФ). Дисс... канд. полит. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2017. С. 26.

взаимосвязанных; они описываются как отдельные идеальные типы: судебное действие определяется как «нормативно нагруженное», в то время как политическая активность – как «управляемая интересом»; судьи, как предполагается, спорят, в то время как политики – торгуются; судебные решения принимаются путем голосования, в то время как политические базируются на «принципе большинства»<sup>1</sup>.

Забавно, что, помимо политизации правосудия, исследователи отмечают и обратный феномен – юридизацию политики. Под юридизацией понимают более активное прислушивание политических деятелей к позиции судебной власти и все более активное обращение политиков к правовым средствам достижения политических целей. А оно, такое обращение, становится лишним смыслом без обеспечения независимости судебной власти хотя бы в базовых ее показателях. Р. Познер, глубокий знаток данной проблематики, доказывал необходимость независимой судебной власти для политических элит на следующем примере.

Допустим, что действующий состав Конгресса «продал» влиятельным лоббистам от молочной промышленности специальный налог на производство маргарина. Поскольку в силу специфики функционирования законодательной власти снова провернуть тот же фокус и пролоббировать в следующем составе Конгресса отмену данного налога будет сложно, производители молочных продуктов будут высоко ценить свой успех – он обеспечит им прибыль на долгие годы. Предположим, однако, что суды не независимы. В этом случае недовольным введенной пошлиной достаточно заручиться поддержкой Верховного Суда (надавив на него или использовав иные методы), чтобы тот отменил ее в судебном порядке. В такой ситуации – зная, что любое решение легислатуры легко может быть аннулировано, - лоббисты перестали бы придавать сколько-нибудь серьезное значение Конгрессу, и тот потерял бы свое влияние. Именно поэтому, утверждает Р. Познер, политические элиты в Конгрессе стремятся обеспечить независимость суда<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Хованская А. Указ. соч. С. 15.

<sup>2</sup> Цит. по: Григорьев И. С. Причины провала первого проекта конституционного правосудия в постсоветской России. С. 41, 42.



Несмотря на наличие столь красноречивых примеров, западная юридическая литература, посвященная политической юстиции, при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь обширна, как может показаться на первый взгляд. При попытках обнаружить научный анализ понятия «политическая юстиция», например, в новейшей литературе США (своего рода символе современного конституционализма), сразу бросается в глаза программная статья профессора Чикагского университета Э. Познера, сына упомянутого нами ранее Р. Познера<sup>1</sup>. В этом, впрочем, нет ничего необычного. Современная юридическая наука в персональном плане состоит не просто из отдельных фамилий – ее образуют целые семьи (Познеры – в США, Кабриаки – во Франции, Тумановы – в России), напоминающие если и не аристократические юридические династии, то, по крайней мере, средневековых ремесленников, передающих от отца к сыну какой-то особый секрет мастерства. К данному явлению можно относиться по-разному, но ирония здесь едва ли уместна – качество доктринальных сочинений конституционалистов во втором или даже третьем поколении места ей не оставляет.

Так вот, указанный автор перед тем, как дать определение политической юстиции, сразу привлекает внимание читателей к одному существенному аспекту последней, который был незнаком нам в прежнее время, а именно – к судам над исламскими радикалами, получившим широкое распространение в США после терактов 11 сентября 2001 г. «В современных конституционных демократиях, – пишет Э. Познер, – немыслимы суды над людьми за политическое инакомыслие. Однако все более распространенными становятся секретные военные суды над террористами»<sup>2</sup>. Причем для американцев этот опыт не является чем-то уникальным. Как указывает другой видный американский юрист, А. Дершовиц, когда в 1942 г. в Нью-Йорке были схвачены немецкие шпионы и диверсанты, либеральнейший президент США Ф. Рузвельт приказал судить их военным трибуналом именно потому, что хотел быть абсолютно уверенным в исходе дела – обвинительных приговорах. Один

<sup>1</sup> Posner E. Political trials in domestic and international law // Duke law journal. 2005. Vol. 55: 75. P. 75-152.

<sup>2</sup> Ibid. P. 75.

из биографов Рузвельта так описывает его инструкции министру юстиции: «Я хочу, чтобы ты понял одну простую вещь, Фрэнсис: я не собираюсь сдавать их... Я не собираюсь сдавать их ни одному американскому чиновнику, вооруженному своей habeas corpus. Пойми это!»<sup>1</sup> Можно вспомнить и приговор американского трибунала от 10.04.1948 г. по делу *США против Оллендорфа*, когда трибунал обосновал отступление от правила защиты гражданского населения требованиями военной необходимости, что в той ситуации являлось своего рода юридическим нонсенсом. Как видим, в делах, которые затрагивают престиж государственной власти или представляют угрозу общественной безопасности, политики могут оказывать давление на судебную власть даже при условии, что обычно они этого не делают<sup>2</sup>.

Как бы там ни было, Э. Познер определяет политическую юстицию как такую организацию судебной власти, при которой вина субъекта и, как следствие, вопрос о его оправдании или осуждении ставятся в прямую зависимость от политических взглядов и предшествовавшей политической деятельности подсудимого. В традиционном политическом процессе человек привлекается к ответственности (явно или скрыто) из-за своих политических убеждений, угрожающих государству или правительству, а по отношению к нему применяется предельно широко сформулированный закон или такой закон, который применяется в исключительных случаях, или применяется подчеркнуто жестко, или предусматривает непропорционально суровое наказание<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Дершовиц А. Почему терроризм действует. М.: РОССПЭН, 2005. С. 117.

<sup>2</sup> Любопытно, что в нашумевшем в свое время «деле Чикатило» были все основания для признания подсудимого недееспособным и, как следствие, освобождения его от уголовной ответственности. Однако судьи, рассматривавшие данное дело, прекрасно предвидели ту волну народного недовольства, которая поднимется в случае перевода подсудимого в медицинское учреждение закрытого типа вместо ожидаемого расстрела, и – самое главное – гнев партийного руководства, которое во главе с М. С. Горбачевым лично курировало операцию «Лесополоса», в ходе которой и был задержан сексуальный насильник Чикатило (подробнее см.: Антонян Ю. М. Сексуальный убийца Чикатило: попытка психоаналитического объяснения // Государство и право. 1993. № 7. С. 91-99).

<sup>3</sup> Posner E. Op. cit. P. 76.

Симптоматично, что элементы политизации правосудия просматриваются даже на международном уровне. Тот же Э. Познер, которого сложно обвинить в симпатиях к нелиберальным моделям властвования, тем не менее прямо называет деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) политической, поскольку «подсудимые были привлечены к ответственности в том числе потому, что были политическими и идеологическими врагами западных демократий»<sup>1</sup>. С другой стороны, в силу политических соображений субъекты международного права, напротив, могут дистанцироваться от институтов международного правосудия, как, скажем, это произошло с США, вначале присоединившимися, а затем отозвавшими свою подпись под Римским статутом Международного уголовного суда, или с Украиной, также не ратифицировавшей Римский статут даже несмотря на войну на Донбассе.

В самом деле, как указывает в своей книге «История политических процессов» британский ученый Дж. Локленд, и процесс над С. Хусейном, и процесс над С. Милошевичем, и процесс над Н. и Е. Чаушеску можно смело отнести к разряду политических. Так, бывшего иракского лидера С. Хусейна судил так называемый гибридный трибунал, наподобие того, что существовал в Сьерра-Леоне, в котором наряду с национальными судьями, в экстренном порядке прошедшими стажировку в Лондоне, заседали судьи-иностранцы. Сам же трибунал был выведен из национальной судебной системы Ирака. Первым его председателем стал С. Чалаби, племянник непримиримого политического оппонента Хусейна А. Чалаби. Очевидцы вспоминали, что в ходе процесса зачастую нельзя было понять, где выступает представитель обвинения, а где – судья. Неслучайно открывавший первое заседание трибунала председательствующий судья А. Рахман обратился к подсудимому со словами: «Судья Рахман обвиняет тебя, Саддам Хусейн аль-Маджид, в следующем...»<sup>2</sup>

Но в наиболее концентрированном виде политика проявила себя в деятельности МТБЮ. Речь сейчас идет не о процессе над сербским лидером С. Милошевичем, по всей видимости, действи-

<sup>1</sup> Posner E. Op. cit. P. 77.

<sup>2</sup> Laughland J. A history of political trials. L.: Peter Lang Oxford, 2008. P. 244, 245.

тельно стоявшим у истоков тех чудовищных злодеяний, в совершении которых его обвиняли, и даже не о процессе по делу *Готовина/Маркач*, закончившимся полным оправданием хорватских генералов, которым симпатизировали США. Речь идет прежде всего о попытках Прокурора трибунала К. дель Понте инициировать в 1999 г. судебное разбирательство в связи с бомбардировками Белграда авиацией сил НАТО, в ходе которых пострадало значительное количество объектов гражданской инфраструктуры и погибло около 2000 человек. Вот что она писала по этому поводу в своих мемуарах: «Никто в НАТО не мешал мне расследовать бомбардировки или выдвигать обвинение. Но я быстро поняла, что вести такое расследование невозможно: ни НАТО, ни государства-члены этой организации не стремятся сотрудничать с нами. Нам не давали доступа к документам. Кроме того, я обнаружила, что дошла до границ политической вселенной, в которой было позволено действовать трибуналу. Если бы я пошла дальше в расследовании действий НАТО, то не только потерпела бы неудачу, но еще и лишила бы свою службу возможности продолжать расследование преступлений, совершенных во время войн 90-х годов»<sup>1</sup>.

Таким образом, чаще всего политические мотивы судебной деятельности могут возникнуть в трех процессуальных формах: 1) в международном правосудии; 2) в случае перехода от авторитарного к демократическому правлению и наоборот; 3) в случае усиления недемократического режима, приобретения им открыто репрессивного характера. В техническом плане политическая юстиция характеризуется: а) возможностью исполнительной власти влиять на ход процесса; б) наличием судейского корпуса, воспитанного в духе послушания; в) чаще всего отправлением правосудия в условиях подлинной или мнимой угрозы государственному строю; г) возможностью судей в некоторых делах, не представляющих значительного интереса для власти, сохранять высокую степень независимости (так, в Бразилии эпохи военной диктатуры 1964-1985 гг. смертная казнь вовсе не применялась, а сроки заключения для политических оппонентов режима не были чрезмерно большими)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Дель Понте К. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. С. 106.

<sup>2</sup> Соломон-мл. П. Суды и судьи при авторитарных режимах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3. С. 161.

На последнем признаке стоит остановиться отдельно. Дело в том, что даже в нацистской Германии в структуре судебной власти мирно уживались две параллельные системы: общегражданские суды, не растерявшие со времен Веймарской республики высокой юридической техники и решавшие дела частных лиц в строгом соответствии с предписаниями Германского гражданского уложения 1900 г., и разного рода чрезвычайные трибуналы наподобие народной судебной палаты и прочих структур, занимавшихся политическими преступлениями<sup>1</sup>. Аналогичная ситуация складывалась во франкистской Испании, где обычные суды могли некоторое время продолжать нормальную практику по неполитическим делам. И вот этот прием – пристраивание к правовому пространству, зачастую относительно развитому и профессиональному, некоего, по образному слову С. А. Пашина, «юридического зазеркалья»<sup>2</sup>, уравновешивающего витринный либерализм потаенным кровавым ужасом, – также является одним из важнейших признаков политизации судебной власти.

Несколько сложнее обстоит дело, когда никаких параллельных структур не создается, и незавидная роль политических судов отводится уже существующим структурам. В таком случае перед ними стоит дилемма: либо полностью потерять себя, превратившись в орудие политической борьбы, либо устранившись от решения политически чувствительных дел, под разными поводами затягивая их рассмотрение. При этом следует учитывать, что последняя тактика, получившая в литературе название «стратегического бегства», невозможна в консолидированных авторитарных и откровенно тоталитарных режимах. Для ее применения необходима определенная лояльность к судам со стороны политических ветвей власти, позволяющих играть с собой в «кошки-мышки». Чаще всего подобного рода практика используется тогда, когда правящие элиты, монополизировавшие власть, все же относительно слабы – в самый разгар военной диктатуры в Аргентине Верховный Суд отменял до половины обжалуемых правительственных декретов – и суды имеют возможность выждать, руководствуясь принципом «пожи-

<sup>1</sup> Подробнее см.: Марченко М. Н. Судебная власть в политической системе Германии 30-40-х годов // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1995. № 1. С. 3-11.

<sup>2</sup> Пашин С. А. Становление правосудия. М.: П. Валент, 2011. С. 16.

вем-увидим», или, напротив, элиты настолько в себе уверены, что полагают судебную власть не имеющей достаточного влияния, дабы рассматривать ее в качестве потенциальной угрозы своему господству<sup>1</sup>.

В самом деле, сильные инкубенты, как указывает М. Попова, не нуждаются в подконтрольных судах настолько, насколько в них нуждаются слабые инкубенты. Если они находятся в электоральной безопасности, т. е. их позиция во власти не угрожает электорально конкурентноспособная оппозиция, то они не нуждаются в использовании судов для отражения атак своих противников. Кроме того, сильные инкубенты в авторитарных режимах, помимо судов, могут располагать и другими инструментами для проведения своей политики или достижения своих политических целей. Решение суда, которое не соответствует их предпочтениям, может быть «исправлено» или обойдено при помощи других средств<sup>2</sup>.

В юридической доктрине, причем как в отечественной, так и в западной, давно обращалось внимание на то, что хотя деятельность судов, особенно конституционных, и является во многом политической, тем не менее техника их работы – сугубо юридического плана<sup>3</sup>. А значит, процессуальная инфраструктура политической юстиции немыслима без внедрения так называемого чрезвычайного законодательства, действие которого рассчитано на особые условия чрезвычайного положения (в широком смысле). В частности, Т. Г. Морщакова относит к числу специфичных для законодательства подобного рода черт следующие: 1) множественность правовых норм, обеспечивающих правовую регламентацию всех сторон общественной жизни в интересах правящего режима; 2) постоянное расширение уголовно-правовых средств борьбы с политическими преступлениями, направленное на подавление сопротивления официальной правительственной политике; 3) развитие правовых гарантий милитаризации страны; 4) неопределенность

<sup>1</sup> Helmke G. Courts under constraints. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 109.

<sup>2</sup> Попова М. Политизированное правосудие в новых демократиях: политическая борьба и судебная независимость в России и Украине. С. 212.

<sup>3</sup> Григорьев И. С. Внутрисудебные институты как инструмент адаптации конституционного суда в процессе консолидации политического режима (на примере КС РФ). С. 5.

правовых предписаний, обеспечивающую широкие возможности для судебного произвола<sup>1</sup>.

Для того, чтобы не иллюстрировать приведенную цитату каким-либо банальным примером, взятым из далекого прошлого, обратимся к новейшему зарубежному опыту, а именно реалиям эрдогановской Турции. Как известно, 15 июля 2016 г. в этой стране, если верить официальной версии, была совершена попытка государственного переворота, вдохновляемая исламским проповедником Ф. Гуленом. Однако население и вооруженные силы не поддержали путч, заговорщики были быстро разоружены и арестованы. Как следствие, 20 июля правительство объявило о введении чрезвычайного положения, которое на следующий день было поддержано парламентом. С этого момента в Турции начал действовать особый конституционный режим, который позволяет правительству принимать декреты, вступающие в силу немедленно и имеющие силу законов. В последующие недели и месяцы правительство выпустило более двадцати таких актов.

Чрезвычайные меры были направлены в первую очередь на тотальную чистку госаппарата от «гуленистов» - в результате десятки тысяч госслужащих (включая военных, судей, прокуроров и даже учителей) были уволены со своих должностей, тысячи частных организаций закрыты, а их имущество конфисковано. Кроме того, Турция объявила о дерогации (во второй раз в своей истории) Европейской Конвенции по правам человека 1950 г.

Наибольший общественный и международный резонанс вызвали следующие положения нового законодательства:

1. Отсутствие надлежащего контроля чрезвычайных мер со стороны парламента и Конституционного Суда. Подтвердив в конце июля введение чрезвычайного положения, парламент не установил никаких материально-правовых ограничений правительства и разошелся на каникулы до 1 октября 2016 г. Что касается органа конституционной юрисдикции, то формально статья 148 турецкой Конституции запрещает ему рассматривать конституционность чрезвычайных декретов в процедуре абстрактного нормоконтроля. Однако сам Суд со времен С. Демиреля полагал, что у него есть

<sup>1</sup> Чрезвычайное законодательство ФРГ / Под ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Юр. лит., 1970. С. 192.

такое право в случае, если в этих декретах правительство вышло за пределы своих полномочий и начало регулировать вопросы, не связанные непосредственно с ликвидацией последствий чрезвычайной ситуации. Однако в октябре 2016 г. Конституционный Суд изменил свой подход и отказался рассматривать конституционность чрезвычайных декретов, что, по нашему мнению, может служить очередным доказательством обоснованности психологического феномена «стратегического бегства».

2. Чрезмерно широкое действие чрезвычайных декретов по кругу лиц. По общему правилу чрезвычайные меры должны быть направлены на устранение тех угроз, которые связаны с возникновением чрезвычайной ситуации. Однако, начиная с первых же чрезвычайных декретов, правительство распространило их действие на все оппозиционные организации, а не только на движение гуленистов. В частности, под действие рассматриваемых декретов попали курдские сепаратисты, вовсе не имевшие прямого отношения к попытке путча.

3. Неограниченность действия чрезвычайных декретов во времени. В силу самой своей природы чрезвычайные меры должны носить временный характер. Более того, в условиях конституционной демократии правительство должно стараться, насколько возможно, принимать временные и обратимые меры. В данном случае были уволены десятки тысяч госслужащих, в то время как их временное отстранение могло бы достичь тех же целей. Как подчеркивалось в заключении Венецианской комиссии о чрезвычайном положении в Турции от 9 декабря 2016 г., все структурные «долгоиграющие» реформы законодательства должны происходить в рамках нормальной законодательной деятельности, а не на фоне чрезвычайного положения, которое имеет свою собственную политическую логику (§ 90)<sup>1</sup>.

4. Повсеместное использование законодательства *ad hominem* (актов индивидуального действия). Увольнение с госслужбы в течение весьма короткого срока более ста тысяч человек было сделано путем публикации списков имен увольняемых в приложениях к чрезвычайным декретам. Однако очевидно, что составление спи-

<sup>1</sup> Можно ли отступать от Конституции во имя ее защиты? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 135.

сков на увольнение не сопровождалось сколько-нибудь серьезным рассмотрением дел каждого из служащих, а критерии, которые применялись для решения об увольнении, никогда официально не публиковались. Более того, увольняемым не гарантировались даже минимальные процессуальные права, их просто ставили перед фактом. У лиц, уволенных таким образом с госслужбы, отсутствовала возможность обжаловать свое увольнение в суде.

5. Связь с оппозиционными организациями как основание для увольнения. Венецианская комиссия сделала два основных замечания в связи с этим. Во-первых, декреты не устанавливают интенсивность и характер связей госслужащего с движением гуленистов. По мнению комиссии, только значимые контакты, которые могут вселить объективные сомнения в лояльности госслужащего демократическому правопорядку (но не режиму личной власти Р. Эрдогана!), могут служить основанием для увольнения. Во-вторых, коль скоро движение гуленистов в течение многих лет существовало как сеть законно действующих организаций и проектов, то в таком случае необходимо установить тот момент, когда незаконный и даже преступный характер движения гуленистов стал очевиден для всех госслужащих<sup>1</sup>.

Добавим к сказанному, что на сегодняшний день в Европейском Суде по правам человека находится 2700 жалоб от уволенных в одночасье турецких судей всех уровней.

Еще одним конституирующим признаком политической юстиции является выборочность судебной репрессии, которая вначале проявляется на уровне привлечения к юридической, чаще всего уголовной, ответственности за те действия, которые либо ранее не являлись наказуемыми, либо представляли собой хотя и нелегальные, но чрезвычайно распространенные в свое время практики, а затем – на стадии судебного разбирательства – в отсутствии подлинного равенства оружия в споре защиты с обвинением. Так, в период Веймарской республики преступники-правоэкстремисты (включая нацистов), совершившие политически мотивированные убийства наподобие убийств К. Цеткин и К. Либкнехта, часто отщелывались незначительными наказаниями, в то время как ком-

<sup>1</sup> Можно ли отступать от Конституции во имя ее защиты? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 136.

мунистов, преступивших закон, по большей части преследовали с беспощадной жестокостью<sup>1</sup>. В Российской Федерации, переживающей ныне мощнейший «демократический откат», наиболее выпукло этот признак проявился в политически окрашенных делах «ЮКОСа» и «Кировлеса» - двух частных компаний, возглавляемых оппонентами путинского режима М. Ходорковским и А. Навальным соответственно.

Так, в докладе о результатах общественного научного анализа судебных материалов уголовного дела М. Ходорковского, подготовленного десятком ведущих экспертов в области права и экономики, отмечались следующие нарушения принципов справедливого судебного разбирательства, допущенные Хамовническим районным судом города Москвы: 1) отсутствие адекватных объяснений обвинительной власти – как в отношении возбуждения и расследования уголовного дела, так и в отношении разумности сроков продолжающегося с 2003 г. серийного уголовного преследования подсудимого; 2) нарушение требования рассмотрения дела судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, а именно: исключение из рассмотрения дела суда более высокой инстанции и суда присяжных; 3) значительное по объему буквальное дублирование в приговоре текста обвинительного заключения; 4) замена обоснования выводов суда в приговоре перечислением документов из материалов дела, вовсе не исследовавшихся в судебном заседании, без раскрытия их содержания в связи с выводами суда о доказанности тех или иных обстоятельств дела и т. д.<sup>2</sup>

Короче говоря, как резюмировал ЕСПЧ в своем постановлении от 23.02.2016 г. по делу *Навальный и Офицеров против России*, «национальные суды, по большому счёту, не обеспечили справедливое судебное разбирательство по делу заявителей; кроме того, с учётом вышесказанного можно предположить, что национальные суды даже не позаботились о соблюдении внешних приличий. Примечательно, что суды отклонили, не исследовав, жалобы заявителей на то, что они подверглись преследованию по политическим мотивам, хотя данные заявления были, по меньшей мере,

<sup>1</sup> Меллер Х. Веймарская республика: опыт одной незавершенной демократии. М.: РОССПЭН, 2010. С. 150.

<sup>2</sup> <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/375>.

неголословными» (пункт 116). И далее: «Для Суда очевидно – как это должно было быть очевидно и для национальных судов, – что между общественной деятельностью первого заявителя и решением Следственного комитета о возбуждении в его отношении уголовного дела имелась причинно-следственная связь. Поэтому национальные суды были обязаны тщательно исследовать его заявления о политическом давлении и решить, имелись ли подлинные основания для привлечения первого заявителя к ответственности, невзирая на данную связь. Это же касается второго заявителя, который сделал неголословное заявление о том, что его преследование было средством вовлечения в орбиту уголовного дела первого заявителя, что также не было связано с истинными целями уголовного преследования. Не рассмотрев данные заявления, суды тем самым только усилили опасения в том, что истинные причины уголовного преследования и осуждения заявителей имели политический характер»<sup>1</sup> (пункт 119).

Кроме того, по оценкам экспертов если в 2014 г. в России насчитывалось 210 уголовных преследований, содержащих политический мотив, то в 2015 г. – уже 269. В то же время в последние годы (посткрымский период) ужесточаются как меры пресечения, так и итоговые санкции по политически мотивированным делам. Если в 2012 г. и 2013 г. в СИЗО попали соответственно 18 и 20 человек, то в 2014 г. и 2015 г. уже 37 и 54<sup>2</sup>.

Выборочность правосудия в системе политической юстиции всегда идет рука об руку с таким явлением, как обвинительный уклон, который прежде всего проявляется в ничтожном проценте оправдательных приговоров. Причем последняя патология присуща не только российской, но, к сожалению, и украинской Фемиде. Для того, чтобы не быть голословным, сопоставим количество оправдательных приговоров, вынесенных в фашистской Германии – подлинном символе беззакония – в отношении политических преступников, против которых нацистские судьи, казалось бы, были

<sup>1</sup> <https://roseurosud.org/r/st-6/postanovlenie-espch-navalnyj-i-ofitserov-protiv-rossii>.

<sup>2</sup> Панеях Э. Суды и правоохранительные органы: репрессивное правоприменение // Политическое развитие России. 2014-2016: институты и практики авторитарной консолидации / Под ред. К. Рогова. М.: Либ. миссия, 2016. С. 166.

изначально настроены и в осуждении которых государственная власть имела прямой и непосредственный интерес, со статистикой оправдательных приговоров в независимой Украине.

**Таблица 1. Количество оправданных Народной судебной палатой, 1937-1944 гг.<sup>1</sup>**

Год	Количество обвиняемых	Количество оправдательных приговоров, %
1937	618	8,4
1938	614	8,79
1939	470	8,5
1940	1091	7,33
1941	1237	5,6
1942	2572	4,16
1943	3338	5,42
1944	4379	11,16

Как видим, в период существования «Третьего рейха» процент оправдательных приговоров никогда не опускался ниже 4 %. Более того, даже в 1944 г., в котором количество обвиняемых предельно возросло в связи с общей тенденцией усиления уголовно-правовой репрессии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., количество оправдательных приговоров составило невиданные ранее 11 %. И это только по политическим преступлениям (процент оправдательных приговоров по общеуголовной преступности, к которой была равнодушна правящая верхушка, был еще выше)! Обратимся теперь к украинской статистике.

<sup>1</sup> Koch H. W. In the name of the volk. Political justice in Hitler's Germany. P. 132.

**Таблица 2. Количество оправданных в Украине,  
2007-2014 гг.**

Год	Количество обвиняемых	Количество оправдательных приговоров, %
2007	165459	0,41
2008	168300	0,33
2009	146450	0,19
2010	168800	0,2
2011	Статистика отсутствует	Статистика отсутствует
2012	161400	0,2
2013	135800	0,6
1-ое полугодие 2014	54300	0,8

Таблица составлена автором на основании судебной статистики, находящейся в открытом доступе на интернет-ресурсе Верховного Суда Украины: [www.scourt.gov.ua](http://www.scourt.gov.ua).

Как говорится, комментарии излишни. Остается только надеяться, что после свержения в феврале 2014 г. преступного режима Януковича ситуация в нашей стране с оправданием невиновных со временем будет меняться в лучшую сторону.

Еще одной характерной уловкой, к которой прибегают жрецы политической юстиции, является придание закону обратной силы. Иными словами, введение уголовной ответственности за те деяния, которые в момент их совершения с формально-юридической точки зрения не признавались преступными. Любопытно, что чаще всего данный прием используется не откровенно тоталитарными режимами, а скорее, напротив, при переходе к демократическому правлению.

Так, после объединения Германии в 1990 г. был проведен ряд судов над руководством бывшей ГДР, среди которых выделялся процесс по делу Национального совета обороны. В рамках данного разбирательства было привлечено к уголовной ответственности

высшее военное руководство, в том числе бывшие министр обороны Кесслер, начальник Генштаба Стрелец, шеф легендарной «Штази» Мильке и другие генералы. На них возлагалась первоочередная политическая и юридическая ответственность за пограничный режим и, следовательно, за убийства перебежчиков в районе Берлинской стены с использованием огнестрельного оружия, систем автоматической стрельбы и противопехотных мин. Обвиняемые пытались доказать, что хотя они и давали команды стрелять на поражение, в то время это не рассматривалось как преступление. Более того, в военном законодательстве ГДР существовало значительное количество поощрительных норм, предусматривавших различного рода вознаграждения для бойцов и командиров, оперативно пресекавших всяческие попытки несанкционированного пересечения государственной границы. Верховный Суд, а вслед за ним и Федеральный Конституционный Суд ФРГ решительно выступили против оправдания высокопоставленных чиновников на основании принципа «закон обратной силы не имеет». В частности, ФКС ФРГ подчеркнул, что «суд должен игнорировать оправдание, если оно имеет целью освобождение от ответственности за умышленное уничтожение людей, которые всего лишь пытались пересечь границу между двумя Германиями без оружия и не создавали угрозы интересам, общепризнанно нуждающимся в правовой защите. Такое оправдание, которое ставит запрет на пересечение границы выше права на жизнь, не должно иметь юридической силы по причине того, что оно явно и в недопустимой мере нарушает нормы справедливости и прав человека, защищаемые международным правом. Рассматриваемое нарушение настолько серьезно, что является посягательством на правовые концепции, касающиеся ценности и достоинства человеческой личности, которые являются общими у всех народов. В таких случаях позитивное право должно уступить место справедливости»<sup>1</sup>. В конечном итоге, как это часто бывает в спорных ситуациях, дело дошло до ЕСПЧ.

В своем постановлении от 22.03.2001 г. по делу *Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии* Страсбургский Суд сформулировал доминантно-правовую позицию, согласно которой «для государ-

<sup>1</sup> <http://www.jean-monnet.unn.ru/doc/Advanced%20training%202014/Штрелец,%20Кесслер%20и%20Кренц%20против%20Германии.pdf>.

ства, руководствующегося верховенством права, является законным возбуждение уголовных дел против лиц, которые совершили преступления при прежнем режиме; точно так же и суды такого государства, заняв место тех, которые существовали прежде, не могут подвергаться критике за применение и толкование правовых положений, действовавших во время совершения каких-либо действий, в свете принципов, которыми руководствуется каждое правовое государство» (пункт 79). Кроме того, Суд отметил, что «широкое несоответствие законодательства ГДР практике государства в немалой степени являлось результатом деятельности самих заявителей. Занимая очень высокие посты в государственном аппарате, они явно не могли не иметь представления о Конституции ГДР и законодательстве ГДР или о международных обязательствах страны и критике ее режима охраны границы, которая звучала в международных кругах. Более того, они сами осуществляли или поддерживали этот режим, дополняя законы, публиковавшиеся в «Official Gazzette» ГДР, секретными приказами и служебными инструкциями об укреплении и совершенствовании установок по защите границы и о применении огнестрельного оружия. В приказе о его использовании, который был дан пограничникам, они настаивали на необходимости защищать границы ГДР «любой ценой» и арестовывать «нарушителей границы» или «уничтожать» их. Поэтому заявители несут прямую ответственность за положение, которое сложилось на границе между двумя германскими государствами с начала 1960-х годов до разрушения Берлинской стены в 1989 году» (пункт 78)<sup>1</sup>.

Отвлечемся теперь от ужасов тоталитаризма и коснемся влияния политических акторов на судебную систему в последовательных демократиях.

Как известно, первоначально Верховный Суд США отвергал нововведения администрации Ф. Рузвельта, стремившейся усилить роль центрального правительства в регулировании трудовых отношений и налогообложения. Последовавшее изменение позиции Суда было принято объяснять так называемой «утрамбовкой Суда», случившейся после переизбрания Рузвельта на второй срок. Так, для введения своих сторонников в Верховный Суд Рузвельт

<sup>1</sup> <http://www.jean-monnet.unn.ru/doc/Advanced%20training%202014/Штрелец,%20Кесслер%20и%20Кренц%20против%20Германии.pdf>.

запланировал расширение его состава. Он намеревался увеличить число членов скамьи с 9 до 15 путем введения новых судей при достижении кем-либо 70 лет из старого состава. По логике Рузвельта, голоса новых судей призваны были обеспечить его поддержку в Суде. Следуя общепринятому объяснению, во избежание указанного сценария судьи изменили свое мнение в отношении регулирующего государства (в Америке эту «судебную революцию» называют «a switch in time that saved nine»)<sup>1</sup>.

Уже в наше время многие американские президенты при комплектовании Верховного Суда ориентировались на близость идеологических воззрений будущих судей со своими собственными. Скажем, Б. Уайт, в прошлом профессиональный футболист, был личным другом президента Дж. Кеннеди. Другой судья, назначенный еще при Рузвельте «великий диссидент» У. Дуглас, получивший эту кличку за рекордное количество особых мнений, был крестным отцом его брата – Генерального прокурора США Р. Кеннеди. Политическим союзником президента Л. Джонсона был судья Э. Фортас, поддержавший его во время ввода войск во Вьетнам. В целом американские исследователи склоняются к признанию того факта, что в Верховном Суде, независимо от конкретного исторического периода существования последнего, все же имеет место такой феномен, как повышенная лояльность по отношению к президенту<sup>2</sup>.

В подтверждение данного вывода приведем следующую статистику:

**Таблица 3. Дела, выигранные президентом США в Верховном Суде на протяжении 1937-2014 гг., %<sup>3</sup>**

Фамилия президента	Президент как ответчик	Президент как заявитель
Рузвельт	66,78	65,38
Трумэн	58,13	71,79

<sup>1</sup> Хованская А. Указ. соч. С. 14.

<sup>2</sup> Epstein L., Posner E. Supreme Court justices' loyalty to the president // The journal of legal studies. 2016, June. Vol. 45. P. 407.

<sup>3</sup> Ibid. P. 411.



Эйзенхауэр	54,59	71,55
Кеннеди	48,1	83,19
Джонсон	42,27	86,13
Никсон	50,63	78,86
Форд	59,52	79,92
Картер	52,94	75,65
Рейган	61,95	78,68
Буш	60	77,38
Клинтон	58,38	66,41
Буш-младший	48	76,01
Обама	35,35	72,86

Несложно заметить, что Верховный Суд гораздо охотнее удовлетворяет ходатайства главы государства на неконституционность актов других органов власти, нежели отменяет его указы. Известное исключение составляет, пожалуй, только президент Обама, который хотя и укладывается в наметившийся тренд, тем не менее имеет за почти 80-летний период крайне незначительный процент выигранных в Верховном Суде дел в качестве ответчика – 35,35 %, что, в свою очередь, можно объяснить скрытой оппозицией, которая существовала в консервативном «Суде Робертса» по отношению к его политическому курсу.

Итак, подведем итоги. На наш взгляд, факторами, влияющими на деполитизацию правосудия, могут стать:

- новые социально-экономические и политические (куда же без них!) отношения, требующие отражения в судопроизводстве: превалирование частного интереса над государственным, «приватизация» права вплоть до его «романизации» (возвращение к истокам римского права, очищенным от идеологии и политики);

- интернационализация права и судебных процедур, все более тесная связь внутренней правовой системы с международными стандартами справедливого правосудия;

- совершенствование современных технологий судопроизводства, включая массовое внедрение электронных носителей правовой информации (электронная регистрация дел, вывешивание на сайтах судов судебных решений), внедрение телеконференций в процесс, особенно на стадии кассации;

- расширение гарантий независимости судей на уровне международных стандартов, побуждающие власти предпринимать хотя бы некоторые действия в этом направлении (назовем в этой связи постановление ЕСПЧ по делу *Александр Волков против Украины*).

Эти и другие факторы в корне меняют саму парадигму правосудия в современном мире. Социальные революции ускоряют этот переход, но не являются главным детерминирующим фактором, как бы соблазнительно это не выглядело. В конце концов, судебная система сама по себе крайне консервативна, подчиняется вековым устоявшимся правилам и процедурам, переваривая, как показывает украинский опыт, любую социальную революцию, хотя и поддается разумному и профессионально обоснованному реформированию.

### 3.2. Влияние правых на судебную систему в странах ЕС

*Не существует иных предпосылок демократии, кроме желания национальных элит начать править демократически*  
Л. Даймонд

«Сдвиг вправо», «наступление консерваторов», «конец либерализма», «начало консервативной революции» - такими лозунгами запестрели страницы мировых газет, популярных журналов и толстых академических изданий в 2016 году. Однако следует уточнить, что подобного рода констатации, в которых звучала то искренняя тревога, а то – еле скрываемое нетерпение, делались и раньше: еще в начале «нулевых», особенно после ошеломительного выхода во второй тур президентских выборов лидера французских ультраправых Ж.-М. Ле Пена, политические обозреватели и ученые об-

ратили внимание на нарастающее усиление националистических настроений правого толка в европейском общественном мнении, антилиберальных тенденций в политике и идеологии<sup>1</sup>.

За время, прошедшее с той поры, правые только нарастили свою популярность среди жителей Европы. В подтверждение наших слов приведем следующую статистическую информацию:

**Таблица 4. Электоральные результаты правых партий в странах ЕС (1990-2015 гг.)<sup>2</sup>**

Партия (страна)	1990-1995	1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2015
Партия независимости (Великобритания)		0,3 %	1,9 %	3,1 %	12,6 %
Национальный фронт (Франция)	12,4 %	15,3 %	11,3 %	4,3 %	13,6 %
Лига Севера (Италия)	8,6 %	10,1 %	3,9 %	6,4 %	4,0 %
Истинные финны		1,0 %	1,6 %	4,1 %	18,5 %
Йоббик (Венгрия)				16,4 %	20,5 %
Партия свободы (Австрия)	20,3 %	26,9 %	10,0 %	14,6 %	20,5 %

<sup>1</sup> Первые «звонки» были отчетливо слышны немногим посвященным уже в конце 1990-х гг. См., напр.: *Ковлер А. И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М.: ИГП РАН, 1997. 102 с.

<sup>2</sup> Статистика приведена по: *Макаренко Б. И.* Консерватизм на Западе: основные тенденции современного развития // *Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия* / Под ред. *Б. И. Макаренко*. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 50, 51.

Среди теорий, объясняющих популярность правых радикалов в современной Европе, в последние годы широкое распространение получила концепция так называемых «жертв модернизации». Согласно основному тезису этой концепции, подъем праворадикального популизма следует рассматривать в контексте совокупности широкомасштабных социоэкономических изменений, описываемых в терминах конца массового производства, перехода к постиндустриализму, информационная (технологическая) революции и глобализации. Данная формулировка дает известную свободу для понимания феномена «жертв модернизации» в том смысле, что принадлежность к этой категории может обеспечиваться прямой или опосредованной электоральной мотивацией, характер которой проще всего установить, воспользовавшись «лакмусовой бумажкой» иммиграции.

О непосредственных «жертвах модернизации» высказался Липсет. Его утверждение о том, что более всего склонны воспринимать иммигрантов как угрозу те классы, которые находятся в социальном положении, схожем с социальным положением иммигрантов, довольно удачно укладывается в предложенную модель. Здесь действует прямая логика: рабочие низкой и средней квалификации боятся, что иммигранты, прибывающие в страну, постепенно займут их рабочие места.

Принципиально иначе смотрит на данный процесс Камю, который указывал на то, что рабочие «правеют» в беднеющем социальном государстве, выступая против механизмов перераспределения общественных ресурсов, в которых с появлением более бедного слоя иммигрантов они начинают выступать как доноры<sup>1</sup>. На наш же взгляд, успехи ультраправых последних лет объясняются несколькими причинами. Во-первых, действительно растет поток иммиграции в США и ЕС из экономически неблагополучных регионов мира: от Латинской Америки до стран СНГ. Причем этот поток не только усиливает конкуренцию за рабочие места, но и существенным образом «размывает» национально-этнический состав западного общества. Так, согласно прогнозу, опубликованно-

<sup>1</sup> Григорьев И. С. Муниципальные выборы во Фландрии в 2006 г. в контексте роста популярности фламандской националистической партии «Флаамс Беланг» // *Политэкс*. 2008. Т. 4. № 1. С. 92.

му Бюро переписей США в 2008 г., доля белого населения страны сократится к 2040 г. до 50,8 %, а еще через десять лет, в 2050 г., она составит 46,3 %<sup>1</sup>.

Во-вторых, в условиях борьбы с международным терроризмом обостряется старый спор между фундаментальными ценностями человеческого общежития: свободой с одной стороны, и безопасностью – с другой. При этом нельзя сказать, что в общественном мнении первая ценность превалирует. Скорее наоборот. Согласно опросу, проведенному в ноябре 2010 г., у 79 % европейцев не вызвало бы возмущения полное сканирование их тела в аэропорту, причем 57 % респондентов заявили, что не испытали бы в связи с этим вообще никакого беспокойства. Согласно результатам того же опроса, 71 % опрошенных заявили, что «утрата личной приватности» - вполне приемлемый «метод предотвращения террористических актов»<sup>2</sup>. Поэтому правые популисты, чутко улавливая умонастроения избирателей, строят свою предвыборную риторику с учетом наметившихся сдвигов в общественном сознании, обещая электорату оградить его от опасностей, привнесенных процессом глобализации и распространившихся ныне по всему цивилизованному миру. Не забудем также упомянуть такие элементы праворадикальной идеологии, как консервативный взгляд на гражданские права и свободы, а также экономический либерализм, которые тоже наличествуют в идейном арсенале современных правых.

Оговоримся, правда, что хотя европейские ультраправые и занимаются усиленной саморекламой, заявляя, что придали правой идеологии новое интеллектуальное дыхание, в действительности за последние годы они не могут похвастаться по сути дела ни одной сколько-нибудь прозвучавшей в академических кругах книгой или концепцией. В основном они ограничиваются лишь перепевом старых идей. А это, конечно, не признак жизнеспособности политического и идеологического течения, «правой волны» в целом. Это обстоятельство, кстати говоря, существенным образом отличает их от американских «неоконов», которые в равной

<sup>1</sup> Мегатренды: Учебник / Под ред. Т. А. Шаплеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 28.

<sup>2</sup> Там же. С. 29.

мере могут похвастаться яркими именами своих сторонников и выдающимися литературными манифестами, пропагандирующими их идеи<sup>1</sup>.

Следует учитывать еще один существенный момент. Весь период времени, начиная с момента окончания Второй мировой войны и вплоть до конца 90-х гг. прошлого столетия, весь политический спектр Европы гармонично делился на «левых», «правых» и «центристов», представленных в разных странах различными партиями. Однако все они за без малого 70 лет успели себя дискредитировать, а то и просто надоесть европейским обывателям. На этой волне поднимаются новые политические силы, хотя и относящие себя к числу правых, но гораздо более радикальные по своим программным установкам. Скажем, в Венгрии – это организационно оформившаяся только в 2003 г. партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), Греции – «Золотая заря», Украине – «гроза» российских СМИ партия «Правый сектор» и ряд других.

Работы, изучающие типичный электорат современной европейской праворадикальной партии, как правило, сходятся на том, что новые правые, а это партии, в целом обладающие сходной идеологией, мобилизуют сходные по структуре электораты. За европейских правых популистов активнее голосуют молодые избиратели; гендерная структура европейского нового правого электората существенно смещена в сторону мужчин; новые правые находят поддержку преимущественно среди людей с низким образованием - таковы основные послышки этих исследователей.

В любом случае, пока еще сложно судить, является ли наметившийся тренд временной aberrацией или долговременным сдвигом в идейно-политической жизни европейского, а с победой Дональда Трампа на президентских выборах и американского общества, который может привести к весьма серьезным последствиям. Однако одно уже совершенно ясно – игнорировать обозначенный феномен, трактовать его как политическую и идеологическую позицию ничтожного меньшинства, «реднеков» (от англ. redneck – «красная

<sup>1</sup> См., напр.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007. 444 с.

шея»)<sup>1</sup>, неспособных оказать сколько-нибудь существенное влияние на жизнь своих стран, уже нельзя.

Независимо от национальной специфики общими, сквозными чертами «новых консерваторов» следует признать следующие: 1) более правая программа или, по крайней мере, риторика в сравнении с системными партиями, чаще всего по миграционным проблемам, семейным и религиозным ценностям; 2) более выраженная апелляция к традиции и «национальному» в противовес «глобалистскому» (вспомним в этой связи новогодний призыв Трампа – «покупай американское и нанимай американцев»); 3) острая критика политического истеблишмента, представление себя как подлинных выразителей интересов народа, антибюрократический пафос<sup>2</sup>.

Наверное, нет ничего удивительного в том, что наиболее уверенно эти политические силы заявили о себе не в последовательных демократиях наподобие Великобритании (хотя и здесь один Brexit чего стоит!), а в странах Азии и Африки, а также тех странах Восточной и Центральной Европы, которые относительно недавно освободились от пут тоталитаризма (Венгрии, Польше и ряде других, включая Украину). Антидемократические тенденции в названных государствах, как бы вновь очутившихся в «колее зависимости» от собственного прошлого, стали в последнее время настолько сильны, что в западном политологическом дискурсе всерьез заговорили об «обратном транзите» наподобие веймарского (от демократии к авторитаризму), «демократическом откате», «демократической стагнации» и даже «постдемократии»<sup>3</sup>. Да и сама демократия уже не воспринимается многими как универсальная ценность (the only game in town) и модель для подражания. В свою очередь, аргумент о национальных моделях демократии часто служит аргументом

<sup>1</sup> «Реднеки» - условное название американских избирателей без высшего образования в сегменте «ниже среднего класса», получившее широкое распространение для обозначения электоральной базы Дональда Трампа.

<sup>2</sup> Макаренко Б. И. Указ. соч. С. 45, 46.

<sup>3</sup> См., например: *Баталов Э. Я.* Третий откат // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=9>

для оправдания недемократических практик<sup>1</sup>.

Вот как выглядел мировой «демократический откат» в хронологической ретроспективе<sup>2</sup>:

Таблица 5. «Демократическая стагнация» (2000-2014 гг.)

Год начала стагнации	Страна	Год возврата к демократии	Тип стагнации
2000	Фиджи		Военный переворот
2000	Россия		Усиление исполнительной вертикали, нарушение прав оппозиции
2001	ЦАР		Военный переворот
2002	Гвинея-Бисау	2005	Усиление исполнительной вертикали, нарушение прав оппозиции, годом позже – военный переворот
2002	Непал	2013	Политическая дестабилизация, монархический переворот
2004	Венесуэла		Усиление исполнительной вертикали, нарушение прав оппозиции
2005	Таиланд	2011	Военный переворот
2006	Соломоновы острова		Отрицание демократического процесса

<sup>1</sup> *Медушевский А.* От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 155-178. Из новейших западных публикаций значительный интерес представляет статья Л. Даймонда. См.: *Diamond L.* Facing up to the democratic recession // *Journal of Democracy.* 2015. Vol. 26, Numb. 1, Jan. P. 141-155.

<sup>2</sup> Возможные способы обоснования национального пути демократии, как правило, открыто граничащие с вуалированием банального авторитаризма, см.: *Мельвилль А. Ю.* «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации // *Российская политическая наука: идеи, концепции, методы* / Под ред. *Л. В. Сморгунова.* М.: Аспект Пресс, 2015. С. 274-276.

<sup>3</sup> *Diamond L.* Op. cit. P. 145.

Политизация конституционных институтов в современный период:  
сравнительно-правовое исследование

2007	Бангладеш	2008	«Бархатный» военный переворот
2007	Филиппинские острова	2010	Усиление исполнительной вертикали
2007	Кения		Нарушения на выборах и усиление исполнительной вертикали
2008	Грузия	2012	Нарушения на выборах и усиление исполнительной вертикали
2009	Гондурас	2013	Военная интервенция
2009	Мадагаскар		Неконституционный захват власти оппозицией
2009	Нигер	2011	Роспуск президентом Конституционного Суда и Национальной ассамблеи для введения президентского правления
2010	Бурунди		Нарушения на выборах, бойкот оппозиции, гражданская война
2010	Шри-Ланка		Усиление исполнительной вертикали
2010	Гвинея-Бисау		Военная интервенция, слабеющий гражданский контроль, размывание верховенства права
2012	Мальдивы		Силовое свержение демократически избранного президента
2012	Мали	2014	Военный переворот
2011	Никарагуа		Усиление исполнительной вертикали
2012	Украина	2014	Нарушения на парламентских выборах, усиление исполнительной вертикали
2014	Турция		Усиление исполнительной вертикали, нарушение прав оппозиции

Глава 3. Политизация судебной власти

2014	Бангладеш		Срыв электорального процесса
2014	Таиланд		Военный переворот

Когда мы говорим о противниках демократии в цивилизованном мире, то речь идет, как минимум, о трех категориях политиков: а) собственно антидемократах (Национальный фронт во Франции, «Золотая заря» в Греции, «Йоббик» в Венгрии), не скрывающих своего радикализма и выходящих далеко за рамки общепринятых норм политического поведения вплоть до формирования собственных «дружин»; б) нативистах, т. е. сторонниках нативизма – теории априорного превосходства граждан, родившихся в стране, над иммигрантами («Истинные финны» в Финляндии, Партия свободы в Австрии, заметно набравшая силу ультраправая «Альтернатива для Германии» в ФРГ) и, наконец, в) популистах, т. е. тех лидерах, которые пытаются педалировать очевидные недостатки демократического правления, не предлагая при этом никаких мало-мальски серьезных альтернатив, заменяя поиск рецептов выхода из кризиса общими фразами о необходимости вернуть власть трудящимся (Д. Трамп в США, «Фидес» в Венгрии, «Сириза» в Греции, в определенной степени и до определенных пределов – Партия права и справедливости в Польше)<sup>1</sup>.

Как видим, география распространения антилиберальных и антидемократических воззрений на сегодняшний день широка, как никогда ранее в истории человечества: от США, «нации иммигрантов», в которой национализму, казалось бы, было навечно уготовано положение архаичного заморского рудимента из Старого Света, до современной Украины, рост националистических настроений в которой признают даже симпатизирующие нашей стране исследователи<sup>2</sup>. Но столь же очевидно и то, что «правый разворот», весьма ощутимый сегодня во внутренней политике ряда государств, не мог не повлечь за собой существенные изменения в политическом курсе по отношению к судам – «наиболее слабой и наименее опас-

<sup>1</sup> Pappas T. Distinguishing liberal democracy's challenges // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27, Numb. 4, Oct. P. 24-30.

<sup>2</sup> См., напр.: Умланд А. Українські добровольчі батальйони і полк «Азов» // Критика. 2015. Число 11-12. С. 2-9.

ной», по выражению А. Гамильтона, ветви власти, которую политическая элита, по верному слову П. Д. Блохина, пытается сделать своим «буфером»<sup>1</sup>.

Известный канадский ученый П. Соломон-младший выделяет несколько моделей существования судебной власти в авторитарных государствах или, на худой конец, в условиях «электорально-авторитаризма»: 1) модель «политически маргинальных судов», находящихся под постоянным контролем партийного аппарата (СССР, страны Тропической Африки); 2) «фрагментированная судебная система» (франкистская Испания, в известной степени фашистская Германия), в рамках которой все споры, представляющие интерес для правительства, переданы в ведение отдельной системы трибуналов, члены которых не имеют той независимости, которую имеют обычные судьи (последние могут быть весьма самостоятельными при рассмотрении тех дел, где нет никакой политической составляющей и не затрагиваются серьезные экономические интересы); 3) суды, являющиеся относительно независимыми и обладающие политической значимой юрисдикцией (Чили эпохи Пиночета); 4) суды, формально независимые и наделенные достаточным объемом полномочий, но сложившаяся практика отношений гарантирует, что они не будут выносить решений против интересов режима (Сингапур эпохи Ли Куан Ю)<sup>2</sup>.

Справедливости ради отметим, что в реальной жизни суды проводят свою политику самыми разнообразными способами, далеко не всегда вписываясь в одну из предложенных выше ниш. Скажем, в Зимбабве (модель «политически маргинальных судов») суды действительно находятся под постоянным прессингом со стороны Мугабе, причем для расправы с неугодными жрецами Фемиды используются лояльные режиму «ветераны войны». Но в той же Сербии эпохи Милошевича – «несвободной» по терминологии Freedom House стране – суды взяли на себя смелость легитимировать ряд электоральных побед политической оппозиции на мест-

<sup>1</sup> Блохин П. Реформа судебной власти в Венгрии и европейские стандарты справедливого правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 67.

<sup>2</sup> Соломон-мл. П. Суды и судьи при авторитарных режимах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3. С. 158.

ных выборах 1996 года<sup>1</sup>. Таким образом, поведение судей даже в условиях несвободы является делом не до конца прогнозируемым, подверженным влиянию множества факторов. В частности, судьи не могут не учитывать возможность, хотя бы и гипотетическую, падения режима, что заставляет их чутко улавливать малейшие колебания политической конъюнктуры, вынуждая тем самым мыслить стратегически. Как не без иронии заметил казахский ученый А. Трошев, «судебная власть развивается по странному сценарию: «сильные» суды могут пойти на поводу у политических акторов, в то время как «слабые» суды могут заставить политиков подчиняться правовым установлениям»<sup>2</sup>.

Среди факторов, способных «опрокинуть» институциональную логику авторитарного режима в отношении судебной власти, цитированный автор выделяет, минимум, три: 1) фрагментацию политического спектра (как, скажем, это имело место в Сербии, где, несмотря на наличие авторитарного лидера С. Милошевича, существовали не менее яркие лидеры политической оппозиции и поддерживающий их электорат); 2) обстановку выборов, саму по себе способствующую соревновательности, в том числе и на судебной арене; 3) конституционно закрепленные, пусть и формально, барьеры на пути неограниченного правления, дающие судам легальную возможность выстраивать на их основании либеральную правовую политику<sup>3</sup>.

Горько сознавать, но сегодня атаки на независимость судебной власти происходят как в «свободных» государствах (Польша, Венгрия), так и «частично свободных» (Грузия, Украина), не говоря уже о «несвободных» (Россия). Следовательно, напрашивается вывод о том, что соответствующее отношение к прерогативам судебной власти является не столько режимной характеристикой *per se*, сколько дискрецией той политической силы, которая в данный

<sup>1</sup> Levitsky S., Way L. The rise of competitive authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, Numb. 2, Apr. P. 56, 57.

<sup>2</sup> Trochev A. Fragmentation? Defection? Legitimacy? Explaining judicial roles in post-communist “colored revolutions” // Consequential courts: judicial roles in global perspective / Ed. by D. Kapiszewski, G. Silverstein, R. Kagan. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2013. P. 67.

<sup>3</sup> Ibid. P. 68, 69.

момент находится у власти в конкретном государстве, чем и объясняется, кстати говоря, выбор эпитафии для настоящего подрадела. Иными словами, в условиях либерально-демократического режима к успеху может прийти политическая партия, незаинтересованная в укреплении позиций судебной власти и, как следствие, проводящая курс на сокращение ее независимости, в то время как в условиях соревновательного авторитаризма вполне возможно допустить приход к власти просвещенного лидера, считающего своим долгом развивать демократические институты в стране, включая судебную систему.

Более того, как подчеркивает А. Ю. Мельвиль, «современному диктатору выгоднее не полагаться на личный произвол, а использовать различные институты»<sup>1</sup>. Неслучайно в современной литературе обоснованно выделяют две базовые политические стратегии любого диктатора: одна – с упором на репрессии, другая – на кооптацию в режим максимального количества потенциальных союзников (в том числе из судейского корпуса).

Между тем, рано или поздно правая повестка входит в противоречие с рядом принципов правового государства. Ведь именно судебная власть является институциональным гарантом ценностей такого государства, закрепляемых и воспроизводимых в том числе в прецедентной практике ЕСПЧ. Следовательно, для того, чтобы реализовать, хотя бы частично, свою политическую платформу, правым имплицитно необходимо «приручить» судебную власть.

Кроме того, правый популизм идет рука об руку с принципом вождизма, когда харизматичные вожди, нередко игнорируя мнение парламента или подчинив его себе, осуществляют свою политику. Вместе с тем весь пафос правового государства как раз и заключается в том, что «правят не люди, а законы». Иными словами, ключевым звеном государственного аппарата является скромный чиновник, наемный менеджер, который должен уйти сразу после того, как закончится его контракт с государством. Очевидно, что такое понимание политики несовместимо с личным волюнтаризмом, непредсказуемостью площадного оратора, словом, всем тем, что в испанской политической традиции именуется словом «каудильо».

<sup>1</sup> Мельвиль А. Ю. Зачем «царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. 2013. № 3. С. 161.

Наконец, из вышеприведенной особенности вырастает последующая – стремление концентрировать всю полноту власти в государстве в своих руках. Однако для того, чтобы достичь данной конституционно неодобряемой цели, необходимо разрушить или, по крайней мере, существенно трансформировать всю «систему сдержек и противовесов», которая выстраивалась в Европе последние 25 лет. Наиболее выразительным лицом этой системы является, несомненно, судебная власть, которая будучи «сторожевым псом демократии», выступает в роли своеобразного противовеса, стремящегося сглаживать теоретические увлечения и политическую нетерпеливость законодателя с одной стороны, и противодействовать своекорыстию и «административному восторгу» исполнительной власти с другой.

Не случайно поэтому, правые популисты первым делом дестабилизируют орган конституционного судопроизводства. Как мы уже сказали, это происходит по той простой причине, что столь радикальная ломка существующего государственного строя («конституционный переворот», если выразиться языком венгерских конституционалистов) немислима без установления контроля над тем органом судебной власти, в который непосредственно обжалуются акты и действия политических властей. Более того, во многих странах (Украина – не исключение) именно политические ветви власти участвуют в формировании конституционных судов. Как следствие, для правых популистов это рождает двойной соблазн: либо найти причины, позволяющие вывести опасных для них людей из судейского состава, заменив их более лояльными, либо попытаться до неузнаваемости изменить сам правовой статус органа конституционного судопроизводства, объем его полномочий и компетенцию.

Таковы общие социологические наблюдения, которыми хотелось бы поделиться с читателями, предваряя изложение панорамы судебных преобразований, инициированных правыми силами, в отдельных государствах Европы. В рамках настоящего материала также будет осуществлена попытка перебросить мостик к украинским реалиям, где, подобно европейским «правым», политические власти пытаются осуществить радикальнейшую за последние двадцать лет судебную реформу.

Венгрия. Как известно, после всеобщих выборов 2010 года христианско-консервативная коалиция получила в парламенте Венгрии конституционное большинство в две трети мест (при 52,73 % голосов избирателей), и тогда в воздухе стала витать идея конституционной реформы. В качестве первого шага парламент 5 июля 2010 года в целой серии последовавших поправок к Конституции 1989 года отменил требование о необходимости большинства в четыре пятых голосов для утверждения подробных правил разработки и принятия новой конституции. Тем самым исчезло главное формальное препятствие для разработки новой конституции, которая была принята 25 апреля 2011 года и вступила в силу 1 января 2012 года<sup>1</sup>.

Той же поправкой правящее большинство изменило процедуру выбора судей Конституционного Суда. Ранее правящая коалиция и оппозиционные партии, представленные в парламенте, в равном количестве выдвигали кандидатов в Конституционный Суд. По новому законодательству оппозиция лишается права на выдвижение своих кандидатов. Кроме того, изменился порядок наделения полномочиями председателя Конституционного Суда, который теперь назначается парламентом, а не избирается самими судьями<sup>2</sup>.

Более того, новый Основной Закон увеличил число мест в Суде с 11 до 15. Эта поправка вступила в силу немедленно – в июне 2011 года, то есть за полгода до того, как вступила в силу новая конституция. Как только вакансии были замещены, парламент устранил требование об обязательной отставке конституционных судей по возрасту из Закона о Конституционном Суде, дабы гарантировать, что новые назначенцы смогут работать до конца срока независимо от возраста (сам срок полномочий конституционных судей был продлен с 9 до 12 лет)<sup>3</sup>. Как следствие, на сегодняшний день 11 из 15 судей Конституционного Суда были утверждены правящей коалицией «Фидес» и христианских демократов без каких бы то ни было согласований с оппозицией.

<sup>1</sup> *Уитц Р.* Как обнаружить нелиберальное развитие демократии? Новые вопросы, которые ставит перед сравнительным конституционным правом Венгрия // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 44.

<sup>2</sup> *Кюннер Г.* Конституція Угорщини 2011 року // Публічне право. 2011. № 4. С. 30.

<sup>3</sup> *Уитц Р.* Указ. соч. С. 50.

В целом новая Конституция написана с сугубо консервативных позиций. Об этом, в частности, свидетельствуют такие ее положения, как реформа судебной системы, уже упоминавшееся преобразование Конституционного Суда, защита жизни с момента зачатия, закрепление пожизненного заключения без права помилования (что прямо противоречит практике ЕСПЧ), новое конституционное определение церквей и отсутствие сексуальной ориентации среди запрещенных для дискриминации оснований.

Венгерский политолог Б. Мадьяр, чья книга «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии» стала одним из интеллектуальных бестселлеров 2016 года, указывает несколько направлений деятельности консервативного большинства в лице коалиции партии «Фидес» и Христианско-демократической народной партии, взявших на парламентских выборах 2010 года большинство мест в Государственном Собрании, которые направлены на урезание полномочий судебной власти. В их числе: а) ограничение возможности обращения в Конституционный Суд в процедуре так называемой народной жалобы (*actio popularis*), построенной на соединении абстрактного нормоконтроля с отсутствием «прямого и наличного воздействия» обжалуемого акта на интересы заявителя; б) ограничение юрисдикции Конституционного Суда по отношению к законам, касающимся бюджета и налогов. В частности, до тех пор, пока размер внешнего долга страны превышает половину ВВП, Конституционный Суд сохраняет право проверять конституционность законов о бюджете и об исполнении бюджета, а также акты налогового законодательства только в особых случаях (в частности, когда предполагаемая упречность законодательства касается права на жизнь и человеческое достоинство, тайны персональных данных и ряда других личных прав); в) переименование Верховного Суда Республики в «Курию», что, в свою очередь, послужило формальным поводом для отставки А. Бака с поста председателя Суда; г) создание Всевенгерского судебного ведомства, председателем которого была назначена Т. Хандо, супруга одного из основателей «Фидес», и ряд других антидемократических по своему потенциалу мер<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 137.



В целом, оценивая сложившуюся в стране ситуацию, Б. Мадьяр характеризует ее как конституционный переворот, подразумевая под ним «государственный переворот, осуществленный конституционно-правовыми средствами, под прикрытием конституции, с помощью конституционно-творческой деятельности, рядом поправок к конституции»<sup>1</sup>.

Подобного рода констатации являются отнюдь ни риторическим приемом и ни проявлением обиды некогда высокопоставленного (Б. Мадьяр до прихода к власти крайне правых занимал пост министра образования Венгрии), но теперь утратившего власть чиновника. Это – юридически безукоризненная характеристика происходящего сегодня в государственно-правовой жизни. Более того, аналогичные оценки встречались в научной литературе и ранее. Скажем, широко известная венгерская исследовательница Р. Уитц, которую сложно упрекнуть в излишней политизированности, не раз писала о «постепенной деградации конституционного режима» в этой стране, своеобразной «конституционной провинциальности», периферийном характере ее конституционного строя, постепенном упадке конституционной системы и т. д.<sup>2</sup> Следовательно, напрашивается вывод, что ослабление судебной власти как некоего контролера политических властей сводит на «нет» конституционно закрепленный принцип разделения властей, приводит к разбалансировке системы «сдержек и противовесов» и, как следствие, ведет к постепенному угасанию всего конституционного механизма в целом.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в результате всех этих процессов по состоянию на 30 апреля 2017 года Венгрия вышла на третье место по количеству обращений в ЕСПЧ (10,7 % от всех обращений). К слову сказать, первое место занимает Турция (24,7 %, что в количественном отношении составляет 23000 жалоб), а второе – Украина (20,5 %, что составляет 19050 жалоб). Однако наиболее ярким среди венгерских дел в Европейском Суде стало, без сомнения, дело *Бака против Венгрии*, решение по которому было принято Большой Палатой 23 июня 2016 года.

<sup>1</sup> Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 136.

<sup>2</sup> См., например: Уитц Р. Указ. соч.

А. Бака, на протяжении семнадцати лет представлявший Венгрию в Европейском Суде по правам человека, был избран в июне 2009 года председателем Верховного Суда, как раз накануне прихода к власти консервативного большинства, затеявшего масштабную конституционную и законодательную реформу. Многие ее положения (упрощенная процедура отмены судебных решений, резкое снижение с 70 до 62 лет предельного возраста пребывания в должности судей, право главного прокурора определять компетенцию суда и т. п.) вызвали крайне негативную реакцию как юридического сообщества страны, так и международных институций. Не остался в стороне от этой дискуссии и А. Бака, занимавший к тому же пост председателя Национального совета юстиции. Вот, в частности, что он писал в коммюнике к общественности Венгрии и Европейского Союза: «Мультиплицирующий эффект вынужденного выхода в отставку, не имеющего реальных оправданий, высококвалифицированных судей, обладающих многолетним практическим опытом и в большинстве своем находящихся на верхних ступенях иерархии, радикальным образом расстроит функционирование системы судов, не говоря уже об иных непредвиденных последствиях. Кроме того, данное предложение является несправедливым и унижающим по отношению к затрагиваемым лицам, давшим клятву служить Венгерской Республике и отправлять правосудие и посвятившим свою жизнь судебской профессии»<sup>1</sup>.

Стоит ли удивляться тому, что в результате наскоро внесенных в проект Конституции поправок его полномочия председателя Верховного Суда (переименованного в Курию) были досрочно прекращены, а Конституционный Суд формально отказался принять к рассмотрению его жалобу. Европейский Суд, в конечном итоге, встал на сторону А. Баки, признав нарушение Венгрией пункта 1 статьи 6 (право на доступ к суду) и статьи 10 (свобода выражения мнения) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Помимо прочего, Страсбургский Суд напомнил об «охлаждающем эффекте», который страх санкций оказывает на осуществление свободы выражения мнения, в частности на других судей, желаю-

<sup>1</sup> Цит. по: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23.06.2016 г. по делу *Бака против Венгрии* // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2016. № 8. С. 61.

щих участвовать в публичном обсуждении вопросов, которые относятся к отправлению правосудия и судебной власти (пункт 167 постановления по делу *Бака против Венгрии*).

Между тем радикальные изменения, привнесенные в государственно-правовую жизнь венгерскими правыми, коснулись не только материального, но и процессуального права. Так, Закон 2010 года «О внесении изменений в некоторые акты с целью содействия эффективной деятельности судов и ускорения судебных процедур» впервые предусмотрел такую новую форму распределения судебных дел, как переназначение дела в другой суд, нежели суд, определяемый по общим правилам территориальной подсудности. Целью этого своеобразного «инструмента антикризисного управления» являлось «обеспечение рассмотрения судебных споров в разумные сроки» за счет исправления крайней диспропорции в нагрузке на суды метрополии (Будапешта) и регионов. Ответственными за проведение этой процедуры стали Национальный судебный совет и Ведомство по делам судов, а точнее, председатель данного ведомства. Последний вследствие проведенной судебной реформы представляет собой практически неподотчетного «политического назначенца», сосредоточившего в своих руках широкий спектр (более 60) полномочий по управлению судебной системой, и потому прозванного венгерскими конституционалистами «судебным царем»<sup>1</sup>.

Между тем специалисты, и прежде всего Венецианская комиссия, обращали внимание на ряд деталей: например, указывалось, что «некоторые суды в Венгрии столь малы, что назначение такого суда фактически будет означать назначение конкретного судьи или конкретного судебного состава», а также подчеркивалось, что «статистика рабочей нагрузки обеспечивает объективные статистические данные, но ее недостаточно как основания для принятия решения о передаче дела, поскольку она не содержит критерии для выбора конкретного дела для такой передачи и конкретного принимающего это дело суда»<sup>2</sup>. Неслучайно из первых дел, распределенных по новой системе и отправленных из Суда Метрополии в Будапеште в провинциальные суды, по меньшей мере, три дела

<sup>1</sup> Блохин П. Указ.соч. С. 68.

<sup>2</sup> Там же. С. 69.

имеют явный политический подтекст, поскольку касаются случаев обвинения бывших высокопоставленных чиновников – оппонентов нынешнего политического режима. В частности, М. Хагио, в прошлом вице-мэр Будапешта и член оппозиционной Венгерской социалистической партии, чье дело было передано из «политически нейтрального» Будапешта в «существенно меньший и политически монотонный» Кешкемет, был арестован полицией сразу же после смены состава правительства. Впоследствии Европейский Суд признал порядок и условия досудебного содержания под стражей подозреваемого не соответствующими целому ряду статей Евроконвенции 1950 года.

Широкий резонанс получило также закрепление в процессуальном законодательстве права Генерального прокурора, по инициативе прокурора, ведущего дело, направлять последнее в другой, менее загруженный суд. Это положение подверглось еще большей критике со стороны едва ли не всех экспертных, правозащитных и научных учреждений. Конституционный Суд своим Решением 166/2011 признал данную норму не соответствующей Основному Закону страны, поскольку она предполагает, по сути, «предоставление дополнительных прав одной из сторон судебного процесса» и «вызывала оправданные сомнения в беспристрастности суда». Симптоматично, что орган конституционной юрисдикции не счел возможным отвергнуть весь институт переназначения дела как таковой. Но для того, чтобы преодолеть это решение Суда, законодатель решился на отчаянный шаг, инкорпорировав обжалованные нормы непосредственно в переходные положения новой Конституции, которые, впрочем, впоследствии также были признаны неконституционными по формальным основаниям<sup>1</sup>.

*Польша.* Проблема усугубляется тем, что венгерский опыт был взят на вооружение Польшей, где также лидирующие позиции занимает правопопулистская Партия права и справедливости (лидер партии Качиньский называл это стремлением «принести Будапешт в Варшаву»<sup>2</sup>). Оценивая успех этой партии на парламентских выборах 2015 года, И. С. Яжборовская указывает, что несмотря на

<sup>1</sup> Блохин П. Указ.соч. С. 68.

<sup>2</sup> Galston W. The populist moment // Journal of democracy. 2017, Apr. Vol. 28. № 2. P. 31.

стабильный экономический рост, который Польша демонстрирует последние годы, особенно в сравнении со своими соседями по карте, указанная партия выдвинула лозунг «Польша в руинах». Тем самым шла целенаправленная спекуляция на неоправдавшихся, якобы по вине власти, личных планах и надеждах части молодежи, толкающая ее вправо. В свою очередь, старшее поколение, не получившее обстоятельного образования и принудительно выведенное на пенсию, было озабочено материальными проблемами и рассчитывало не на личные возможности, а на привычную помощь государства по патерналистской модели периода социализма<sup>1</sup>.

Широко известна «война с Конституционным Трибуналом», которая разразилась в этой стране в октябре 2015 года после отклонения Президентом А. Дудой пяти назначенных предыдущим парламентом судей Конституционного Трибунала. В результате конфликта А. Дуда при поддержке правого парламентского большинства назначил собственные кандидатуры, голоса которых, однако, блокировались остальными судьями. Для преодоления этой ситуации были специально разработаны и приняты поправки в Закон о Конституционном Трибунале, в соответствии с которыми увеличивалось количество голосов судей, необходимых для принятия итогового решения: с 9 из 15 до 13 из 15. Помимо прочего, Президент и министр юстиции получили право возбуждать дисциплинарные производства против судей. Более того, как подчеркивает И. С. Яжборовская, представителям оппозиции в ходе обсуждения и подготовки этих важнейших решений не была предоставлена возможность ни выступить в Сейме, ни даже задать вопросы, а три представленные ею проекта нового закона о Конституционном Трибунале и поправки к проекту парламентского большинства были проигнорированы<sup>2</sup>.

Спустя некоторое время принятые большинством поправки были рассмотрены Конституционным Трибуналом и признаны не соответствующими Конституции страны. Однако правительство пошло на беспрецедентный шаг, отказавшись опубликовать соответствующее решение в «Вестнике законов». И только после актив-

<sup>1</sup> Яжборовская И. С. Польша 2015-2016 гг. Хроника неавторитарного реванша // Полис. 2016. № 5. С. 55.

<sup>2</sup> Там же. С. 58.

ного противодействия гражданского общества (главным образом массовых манифестаций в 36 городах<sup>1</sup>) и резкой критики со стороны международного сообщества, в том числе по линии Европейской комиссии, польские правые пошли на уступки, согласившись с тем, что решения должны приниматься Трибуналом простым большинством голосов. Также Еврокомиссия неоднократно отмечала общее ухудшение ситуации с верховенством права в Польше, перейдя в прошлом году к процедуре контроля верховенства права в этой стране (впервые в истории)<sup>2</sup>.

Тем не менее осенью 2016 года Сейм Польши принял новое регулирование, в соответствии с которым для привлечения судьи Конституционного трибунала к уголовной ответственности требуется уже простое большинство голосов членов Общего собрания Трибунала, а не 2/3, как было до прихода правых к власти. Кроме того, были введены новые виды дисциплинарного взыскания, которые теперь можно применять по отношению к конституционным судьям: выговор, предупреждение, сокращение ежемесячного содержания. Симптоматично, что ранее Трибунал признал конституционным порядок назначения собственного руководства, в соответствии с которым председатель и вице-председатель назначаются Президентом Польши из числа трех кандидатов, представленных ему Общим собранием судей Конституционного Трибунала<sup>3</sup>.

Кроме того, польский опыт доказывает, что при отсутствии пожизненного назначения, как это происходит в Верховном Суде США, наблюдается более плотное выравнивание голосований отдельных судей с позициями назначивших их партий<sup>4</sup>. Иначе говоря,

<sup>1</sup> Среди лозунгов, которые звучали на митингах, были такие: «Трибунал не для того, чтобы быть союзником какой-либо власти. Он ее контролер и цензор», «Я не доверяю правительству, которое боится Трибунала», «Кто воюет с правом, того настигнет справедливость».

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Логинов Я.* Конституционный кризис или «покрашенная» по-польски // <http://gazeta.zn.ua/international/konstitucionnyy-krizis-ili-pokraschennya-po-polski-.html>

<sup>3</sup> *Болдинов Я.* Мониторинг конституционных новостей по разделу «Польша» // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 9-10.

<sup>4</sup> Григорьев И. С. Стратегический подход к судебной политике и соотношению внешних и внутрисудебных институтов в организации судебной власти. С. 166.

политические взгляды, преобладающие в суде, никогда надолго не расходятся с политическими взглядами, преобладающими в парламентском большинстве, уже в силу относительно частой ротации судей, которых назначают выборные политики из числа своих единомышленников. В результате убеждения среднестатистического судьи как бы постоянно следуют за убеждениями среднестатистического законодателя.

Польскими специалистами подчеркивается, что еще задолго до скандальной конституционной реформы Конституционному трибуналу недоставало очевидных примеров, которые демонстрировали бы, что он готов принимать непопулярные решения (в частности, влекущие негативные финансовые последствия для правительства) или возражать против идеологического выбора политических ветвей, подрывающего права меньшинств (особенно религиозных) или групп, недостаточно представленных политически (таких как женщины или лица с проблемами со здоровьем).

Немаловажное значение имеет также возможность обратиться в Конституционный трибунал с конституционной жалобой. На сегодняшний день польская модель в базовых показателях соответствует новой украинской. Речь идет о том, что в процедуре конституционного судопроизводства обжалуется не само решение нижестоящего суда, послужившее поводом для обращения в КС (так называемая полная конституционная жалоба), а лишь нормативный акт, на основании которого общий суд вынес то или иное решение (частичная конституционная жалоба). Как следствие, эффективность конституционной жалобы среди других гарантий правовой защиты не самоочевидна, поскольку даже выигрыш заявителя не означает еще прямой фиксации неконституционности правоприменительного решения, а лишь открывает путь для перепроверки индивидуального решения по «вновь открывшимся обстоятельствам» (а именно неконституционности нормативного акта, легшего в его основу).

Как бы там ни было, после успешной нейтрализации Конституционного трибунала Партия права и справедливости взялась за Национальный совет юстиции. В частности, по состоянию на апрель 2017 года правящей правой администрацией были разработаны два законопроекта, один из которых касался Совета юстиции, а второй

– системы общих судов в целом. В частности, в отношении Национального совета юстиции предлагается внести следующие новеллы: 1) 15 профессиональных судей, входящих в его состав, должны избираться не своими коллегами на съезде судей, а нижней палатой парламента; 2) предлагается разбить совет на две секции: в первую будут входить члены совета *ex officio* (председатели Верховного и Высшего административного судов, министр юстиции, один человек, назначенный президентом, и 6 парламентариев – 4 из нижней палаты и 2 сенаторов), а во вторую – 15 профессиональных судей. Однако для принятия какого-либо решения Национального совета (в первую очередь, решений о наделении судейскими полномочиями) необходимо будет уже набрать большинство в обеих секциях, заседающих раздельно; 3) кроме того, полномочия действующих членов совета из числа судейских работников будут прекращены, а освободившиеся места будут заполнены парламентом. Очевидно, что предлагаемые меры будут способствовать искусственному антагонизму между профессиональными политиками и представителями судейской корпорации, ослаблению самоуправленческих начал в судебном цехе (особенно в случае, когда органы судейского самоуправления лишатся права самостоятельно делегировать в совет 15 своих представителей), дальнейшей политизации судебной системы Республики.

Изменения коснутся и судов общей юрисдикции. В частности, в соответствующем законопроекте предлагается предоставить право министру юстиции назначать председателей судов всех уровней (всего в Польше около 400 судов разных инстанций). Несомненно, подобная мера также будет способствовать усилению влияния исполнительной власти, к которой относится министр юстиции, на судебные структуры.

*Украина.* Не менее драматически складывается ситуация с независимостью судебной власти в Украине. Не будем повторяться, что после трагических событий на Майдане Верховной Радой была возвращена редакция Конституции Украины от 8 декабря 2004 года, предусматривающая парламентско-президентскую республику, а против судей Конституционного Суда, голосовавших 30 сентября 2010 года за отмену этой редакции как принятой в свое время с нарушением процедуры, были возбуждены уголов-

ные дела. Кроме того, полномочия четырех судей были досрочно прекращены в связи с «нарушением присяги»<sup>1</sup>. Но главное даже не это. Главное то, что годом позже новым Президентом П. Порошенко было начата крупномасштабная судебная реформа, апогеем которой стало принятие 2 июня 2016 года поправок к Конституции Украины в части правосудия, призванных радикальным образом реформатировать судебную власть в государстве.

Среди множества нововведений хотелось бы отметить, в первую очередь, внедрение конституционной жалобы, объединение высших специализированных судов под эгидой Верховного, реформу Высшего совета правосудия, в частности выведение из его состава Генерального прокурора и министра юстиции, введение монополии адвокатов-лицензиатов на представительство интересов граждан в судах и, быть может, самое главное – поступательное обновление судейского корпуса на основах конкурсного отбора, начиная с Верховного Суда.

В этой связи закономерно возникает вопрос: зачем президенту Порошенко, занявшему после победы Евромайдана положение «царя горы» (А. Ю. Мельвиль) и традиционно занятому извлечением экономической и политической ренты, параллельно проводить рискованные преобразования в сфере судебной власти, привычно послушной каждому новому руководителю Украинского государства? Казалось бы, «царь горы» заинтересован не в реформах, а в поддержании статус-кво, доставшегося от его предшественника. При ответе на этот вопрос следует учитывать, однако, фрагментарность украинского депутатского корпуса и шире – политического спектра, которая всегда будет грозить Порошенко утратой статуса политического фаворита, а во-вторых, усиливающееся давление «снизу», заключающееся в риске повторения «цветной революции» в случае, если надежды, связанные с приходом нового главы государства, не оправдаются.

Между тем, как подчеркивает Л. В. Головкин, проведение крупных политических реформ в отсутствие сформировавшихся судебно-правовых институтов или четких надлежащих представлений о механизмах их скорейшего создания и функционирования бес-

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Евсеев А.* Судебная власть в Украине: между правом и политикой // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 96-108.

смысленно, а иногда и опасно<sup>1</sup>. В отсутствие надлежащего судебно-правового каркаса (который все же имеет место при всех издержках в Венгрии и Польше) новая политико-правовая система не способна эффективно функционировать в постреформенный период, в результате чего либо возникает перманентный институциональный хаос, либо государство в поисках «эффективности» вновь скатывается к авторитарно-полицейским методам управления, что лишний раз демонстрирует развернувшаяся на Украине дискуссия о презумпции правоты полицейского<sup>2</sup>.

Так, по подсчетам бывшего председателя Верховного Суда Украины В. Т. Маляренко, на сегодняшний день из 675 судов всех уровней и специализаций насчитывается 8, которые не функционируют в связи с отсутствием персонала, в 71 суде только один судья имеет право осуществлять правосудие, а 124 – двое. Еще 118 судов укомплектованы кадрами только на 40 % и полноценно осуществлять правосудие тоже не могут<sup>3</sup>.

Справедливости ради отметим, что сама возможность принятия поправок к Конституции стала предметом серьезной дискуссии среди конституционных судей, призванных в соответствии со статьей 159 Основного Закона проверять в процедуре предварительного нормоконтроля все проекты изменений, внесенные в парламент, на предмет их соответствия требованиям статей 157 и 158 Конституции. Указанные статьи предусматривают, что Конституция Украины не может быть изменена в условиях военного или чрезвычайного положения (часть 2 статьи 157 Конституции Украины); она не может быть изменена также, если изменения предусматривают отмену или ограничение прав и свобод человека и гражданина или если они направлены на ликвидацию независимости или нарушение территориальной целостности Украины (часть 1 статьи 157 Конституции).

<sup>1</sup> *Головкин Л. В.* Перспективы формирования независимой судебной власти в Республике Узбекистан // <http://medialaw.asia/node/4116>

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Евсеев А.* К дискуссии о презумпции правоты // <http://hvylyu.net/analytics/politics/k-diskussii-o-prezumptsii-pravoty.html>

<sup>3</sup> *Маляренко В.* За рік коридори у Верховному Суді знову будуть заставлені шафами, заваленими великою кількістю справ // [http://zib.com.ua/ua/print/127031-golova\\_vs\\_u\\_20022006\\_rr\\_vasil\\_malyarenko\\_za\\_rik\\_koridori\\_u\\_v.html](http://zib.com.ua/ua/print/127031-golova_vs_u_20022006_rr_vasil_malyarenko_za_rik_koridori_u_v.html)

Насколько можно понять правовую позицию Конституционного Суда Украины, изложенную им ранее в Заключении от 30.07.2015 года в отношении поправок касательно децентрализации, то она заключается в следующем. Согласно части 1 статьи 106 Основного Закона Президент Украины принимает в соответствии с законом решение о введении военного положения в Украине или отдельных ее местностях в случае угрозы нападения, опасности государственной независимости Украины (пункт 20); принимает в случае необходимости решение о введении в Украине или отдельных ее местностях чрезвычайного положения (пункт 21). Такие решения главы государства согласно пункту 31 части 1 статьи 85 Основного Закона должны быть утверждены Верховной Радой Украины в течение двух дней с момента обращения Президента. Конституционный Суд исходил из того, что на момент предоставления им данного Заключения в Украине или отдельных ее местностях не было введено военное или чрезвычайное положение по процедуре, определенной Конституцией Украины.

Вместе с тем указанная позиция большинства судей Конституционного Суда была подвергнута резкой критике их же коллегами, которые выразили свои особые мнения. Так, судья Н. И. Мельник отметил, что при решении вопроса об отсутствии в Украине военного положения Конституционный Суд ссылался исключительно на формальные критерии (отсутствие официального решения о введении военного положения), проигнорировав при этом фактическое состояние дел, в частности правовой режим антитеррористической операции, которая уже более трех лет, начиная с 13 апреля 2014 года, проводится на территории отдельных районов Донецкой и Луганской областей, и фактически выступает своеобразным суррогатом военного положения. «Ограничившись лишь механической проверкой факта наличия или отсутствия указа Президента Украины о введении военного или чрезвычайного положения, - отмечал Н. И. Мельник, - Конституционный Суд Украины не обеспечил убедительного доказательства отсутствия правовых оснований, исключающих внесение изменений в Конституцию Украины, а следовательно, и полной юридической ясности относительно возможности внесения изменений в Конституцию Украины в условиях осуществления вооруженной агрессии

против Украины, оккупации отдельных территорий Украины, совершения на этих территориях военных преступлений и преступлений против человечности как регулярными Вооруженными Силами Российской Федерации, так и незаконными вооруженными формированиями, управляемыми, контролируруемыми и финансируемыми Российской Федерацией...»

Таким, который не соответствует основам конституционного строя и ограничивает права человека в Украине, представляется также подход, изложенный в части 4 статьи 131<sup>2</sup> конституционных изменений: «Только адвокат осуществляет представительство другого лица в суде, а также защиту от уголовного обвинения». Фактически в Украине вводится монополия адвокатов-лицензиатов на представительство интересов в суде, а по уголовным делам - и на досудебном следствии. Но если по уголовным делам такая позиция законодателя еще может быть оправданной (как, например, это было сделано в 2012 году на основании статьи 45 нового УПК Украины), то во всех других категориях дел она представляет собой нонсенс. Ситуацию не спасает даже оговорка о том, что законом могут быть определены исключения относительно представительства в определенных категориях споров (в частности, относительно выборов и референдумов, малозначительных спорах и др.), ведь основной «фронт работ» украинских судов - это уголовные, гражданские и административные (прежде всего налоговые) споры, при разрешении которых гражданам теперь предстоит обращаться исключительно к услугам адвокатов.

Конституционный Суд Украины неоднократно обращался к проблеме обеспечения права на правовую помощь, прежде всего по делам о правовой помощи (Решение от 30.09.2009 года) и о праве свободного выбора защитника по обращению гражданина Г. И. Солдатова (Решение от 16.11.2000 года). Более того, сами эти решения вошли в «золотой фонд» отечественного конституционного судопроизводства. В частности, в Решении по делу о правовой помощи Суд указал, что правовая помощь является многоаспектной, различной по содержанию, объему и формам и может включать консультации, разъяснения, составление исков и обращений, справок, заявлений, жалоб, осуществление представительства, в том числе в судах и государственных органах, защиту

от обвинения и тому подобное. В любом случае, выбор формы и субъекта предоставления такой помощи зависит от воли лица, желающего ее получить.

Таким образом, равный доступ к услугам юристов для всех лиц, находящихся на территории государства и в сфере его юрисдикции, не может ограничиваться законодателем, ведь исходя из принципа равенства, никто не может быть лишен права быть свободным в выборе защитника своих прав (часть 1 статьи 59 Конституции). Выбор способов правовой защиты - при их конституционно-правовой обеспеченности - должен оставаться не за законодателем, а за субъектом права. Такой подход национального органа конституционной юрисдикции полностью согласуется и с международно-правовыми стандартами в сфере правовой помощи. Так, «Основные принципы, касающиеся роли юристов», принятые VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа - 7 сентября 1990 года, предусматривают, что каждый человек имеет право обратиться к любому юристу за помощью для защиты и отстаивания своих прав и защиты их на всех стадиях уголовного судопроизводства (принцип 1).

Следует согласиться с Конституционным Судом также в том, что, как он указывал в деле по обращению Г. И. Солдатова, «в соответствии с положениями части третьей статьи 42 Конституции Украины государство обеспечивает защиту конкуренции в предпринимательской деятельности. Закрепление только за адвокатами права на осуществление защиты подозреваемого, обвиняемого и подсудимого от обвинения и предоставления юридической помощи лицам, которые привлекаются к административной ответственности, не способствует конкуренции относительно предоставления квалифицированной правовой помощи в этих сферах и повышению квалификации специалистов в области права».

Не сложно прийти к выводу, что право на правовую помощь заключается в конституционной обязанности государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой правовой помощи, но не означает обязанности гражданина безусловно пользоваться помощью только такого уровня. Поэтому, на наш взгляд, введение монополии на представительство интересов граждан в судах исключительно лицами,

имеющими право на занятие адвокатской деятельностью, существенно ограничивает права и свободы человека и гражданина, прежде всего право на правовую помощь, чего, к сожалению, не заметил (или не захотел заметить) Конституционный Суд Украины при проверке законопроекта о внесении изменений в Конституцию в части правосудия.

В условиях несвободы, исходящей от правой администрации, конституционные суды стараются ограничивать свою деятельность, по возможности избегая «политически чувствительных» дел. Не стал исключением в этом отношении и Конституционный Суд Украины. Так, в 2016 году он вынес только 6 решений, 5 из которых непосредственно касались прав человека, в том числе 3 - прав в социальной сфере и 2 - личных прав, а также 2 заключения относительно законопроектов о внесении изменений в Конституцию. Причем в обоих случаях Конституционный Суд констатировал, что предложенные изменения соответствуют статьям 157 и 158 Конституции Украины. За первое полугодие 2017 г. – вовсе ни одного решения.

Подводя промежуточные итоги, можно суммировать, что правовая политика, осуществляемая в новых условиях Конституционным Судом Украины, характеризуется следующими тенденциями: а) широким использованием доктрины «политического вопроса» и, как следствие, вынесением отказных определений в отношении тех дел, которые имеют ярко выраженный политический характер; б) продолжающейся концентрацией на тех делах, предметом которых выступают политически нейтральные и наиболее волнующие граждан социально-экономические права; в) при разрешении «политически чувствительных» дел (как, например, дела о люстрации или о проверке на конституционность Закона о всеукраинском референдуме, которые слушаются уже более полутора лет) возможно формирование большинства, пытающегося улавливать политическую конъюнктуру, и непослушного меньшинства, стремящегося заявлять свои особые мнения, как это уже имело место при проверке на конституционность законопроектов Президента о внесении изменений в Конституцию.

Кроме того, следует учитывать, что в 2017 году кончился девятилетний срок полномочий председателя Конституционного Суда Ю. В. Баулина и судьи С. Л. Вдовиченко. Оба они в свое время

были назначены по квоте Президента, который сохранил свое право делегировать в Конституционный Суд шесть из восемнадцати судей (наряду с Верховной Радой и съездом судей). В таких случаях возникает риск того, что вакансии не будут заполнены в течение определенного, достаточно длительного времени. Это неминуемо создаст неопределенность в том смысле, что после кончины судьи О. А. Сергейчука 5 ноября 2016 года, в Конституционном Суде трудилось 15 из 18 судей. После выхода в отставку Баулина и Вдовиченко их число соответственно сократилось до 13. Минимально допустимым кворумом в пленарном заседании Суда является 12 судей. В результате достаточно будет банальной неявки на заседание двух судей, в том числе по уважительным причинам, дабы сорвать процесс принятия итогового решения по любому делу, в решении по которому не будет заинтересована исполнительная власть.

Примечательно также, что в поправках к Конституции, вступивших в силу 30 сентября 2016 года, отсутствует существовавший ранее 20-летний ценз оседлости для кандидатов на должность судьи Конституционного Суда. Теоретически это открывает возможность для иностранных юристов, получивших в экстренном порядке украинское гражданство (требование наличия гражданства Украины сохраняется), претендовать на представительство в органе конституционной юрисдикции. Такая практика, например, распространена в Конституционном Суде Боснии и Герцеговины, в котором из 9 судей трое – иностранцы, отобранные по согласованию с председателем ЕСПЧ<sup>1</sup>. Между тем мы оцениваем вероятность такого сценария не очень высоко, поскольку пик популярности назначений иностранцев на ведущие посты в Украине уже пройден, и едва ли Президент захочет отдавать столь хлебные места юристам из других, хотя бы и дружественных, стран.

Но, пожалуй, самая беспрецедентная ситуация складывается даже не с Конституционным, а Верховным Судом Украины, который сегодня вследствие своего переименования в «Верховный Суд» (венгерский пример заразителен!) формируется сызнова на конкурсных началах. Это связано с тем, что высшие специализи-

<sup>1</sup> Подробнее см.: Антонов А. Особенности организации и функционирования Конституционного суда Боснии и Герцеговины // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 31, 32.

рованные суды, как уже было сказано выше, прекращают свою деятельность и объединяются под эгидой Верховного Суда, в составе которого теперь будут функционировать Кассационные административный, хозяйственный, уголовный и гражданский суды. На первых порах, т. е. до осени 2017 года, численность судей в новом Верховном Суде будет составлять 120 человек. Именно такую цифру «застолбила» Государственная судебная администрация по согласованию с Высшим советом юстиции (в соответствии со статьей 37 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» от 02.06.2016 года предельная численность Верховного Суда установлена в количестве 200 судей). Соответственно, по 30 судей будет работать в Кассационном административном, Кассационном хозяйственном, Кассационном уголовном и Кассационном гражданском судах в рамках единого Верховного Суда.

Не менее проблемным остается вопрос, когда именно Верховный Суд начнет свою работу. Согласно «Заключительным и переходным положениям» Закона «О судоустройстве и статусе судей» Верховный Суд должен быть создан в течение шести месяцев с дня вступления в силу указанного Закона, т. е. до конца марта 2017 года. Как видим, законодательно установленный срок уже пропущен. Однако, на наш взгляд, если процесс формирования нового Верховного Суда и затянется, то не критично. К такому выводу нас приводит анализ шагов, которые делает власть ради достижения обозначенной цели. Речь идет об уже упоминавшемся определении численности судейского корпуса будущего Верховного Суда, принятии нового Закона «О Высшем совете правосудия» (который и передает Президенту кандидатуры будущих судей для утверждения), проведенном Высшей квалификационной комиссией судей (далее – ВККС) соответствующем конкурсе. Да и исполнительной власти нет смысла тормозить эту реформу, инициатором и главным «двигателем» которой является глава государства.

Однако вопросы вызывает человеческий субстрат будущего Верховного Суда. Согласно статье 38 упомянутого Закона таковыми могут быть лица, удовлетворяющие хотя бы одному из указанных ниже требований: а) лица, имеющие стаж работы на должности судьи не менее 10 лет; б) лица, имеющие ученую степень в сфере права и стаж научной работы в сфере права не менее 10 лет;



в) лица, имеющие опыт профессиональной деятельности адвоката не менее 10 лет; г) лица, имеющие совокупный стаж (опыт) работы (профессиональной деятельности) по перечисленным трем пунктам не менее 10 лет.

Если верить официальной статистике, на 120 вакантных мест Высшей квалификационной комиссией судей, которая фактически и проводит отбор, было допущено 653 кандидата (из 846 подавших документы). Из них 70 % составляют профессиональные судьи, выходцы из системы судов общей юрисдикции (от районных до Верховного), включая председателя Верховного Суда Украины Я. Романюка (впоследствии снял свою кандидатуру), а 30 % - адвокаты, научные работники и лица, имеющие совокупный стаж. В этой связи примечательно, что 45 % от общего количества подавшихся на конкурс «не-судей» были не допущены к участию в нем под разными, нередко надуманными, предлогами (скажем, для ученого таковым могло стать то обстоятельство, что защита его диссертации проходила в стенах НИИ, а не высшего учебного заведения юридического профиля, хотя прямого требования об этом в Законе не существует, и т. п.)<sup>1</sup>.

По результатам конкурса в Верховный Суд картина выглядит следующим образом. Из 120 победителей 94 (78 %) – судьи или судьи в отставке, включая 6 судей последнего состава Верховного Суда Украины, 49 судей высших специализированных судов, 27 судей апелляционных судов и 12 местных судей. 17 кандидатов (14 %) являются представителями академического сообщества и только 9 кандидатов (8 %) – адвокатами<sup>2</sup>. Следует также добавить, что в отношении 30 победивших кандидатов (25 %) ВККС удалось двумя третями от своего состава преодолеть негативные заключения Общественного совета добропорядочности – специального органа, созданного с целью содействия ВККС в установлении ответственности судьи (кандидата на должность судьи) критериям профессиональной этики и добропорядочности для целей квалификационного оценивания.

<sup>1</sup> С официальной статистикой можно ознакомиться на веб-сайте Высшей квалификационной комиссии судей Украины. См.: <http://www.vkksu.gov.ua/ua/news/widieozurnal-wkksu-8-konkurs-u-ws-dopushtchieno-653-kandidati/>

<sup>2</sup> [https://lb.ua/blog/oleksandr\\_vodennikov/373371\\_konkurs\\_verhovnogo\\_sudu.html](https://lb.ua/blog/oleksandr_vodennikov/373371_konkurs_verhovnogo_sudu.html).

Скорее всего, новые судьи, в особенности выходцы из академической среды, столкнутся с рядом трудностей, главными из которых будут:

- отсутствие практических навыков написания судебных решений (тем более от имени высшего суда Украины, призванного задавать эталонные стандарты всей судебной системе);

- отсутствие институциональной памяти и так называемого «невидимого колледжа». Многие судьи-ветераны не смогут оказать поддержку своим более молодым коллегам по причине неучастия в конкурсном отборе и, как следствие, выхода на пенсию. А ведь это – важнейшая гарантия преемственности правосудия. Как говорилось в заключении Венецианской комиссии о кардинальных законах Венгрии о судебной власти, принятом на ее 92-й пленарной сессии (12-13 октября 2012 года), «обучение молодых судей у опытных происходит именно тогда, когда они видят, как действуют последние на своих руководящих должностях»<sup>1</sup>;

- отсутствие квалифицированного аппарата Верховного Суда или, иначе говоря, судебных клерков, которые после вступления в силу нового Закона «О государственной службе» от 10.12.2015 года были вынуждены перейти с государственной в патронатную службу, что означает их привязанность к сроку полномочий «своего» судьи. Вообще как показывает опыт других стран, недооценка фактора «судебного клерка» часто приводит к весьма негативным последствиям;

- беспрецедентная судебская нагрузка, которая ляжет на них в первый год работы, ведь необходимо учитывать, что в высших специализированных судах из-за нехватки кадров на сегодняшний день скопилось порядка 40 тыс. нерассмотренных дел. Но разрешать по существу эти дела будут уже судьи-новички. В противном случае, с первых же месяцев своей работы судьи нового Верховного Суда рискуют оказаться под огнем ожесточенной критики разочарованного общества.

В заключение отметим, что политические деятели, стоящие у кормила Украинского государства, независимо от их места в политическом спектре должны ясно осознавать, что формированию

<sup>1</sup> Цит. по: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23.06.2016 г. по делу *Бака против Венгрии* (продолжение) // *Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 9. С. 24.

нового Верховного Суда, как и качественно новой судебной власти в целом, должна сопутствовать их последовательная политическая воля и искреннее желание создать независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предрасположений Суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призванный выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека. Поэтому новая власть, говоря словами С. А. Пашина, «должна совершить мужественный акт самоотрицания, превратившись из политической в правовую»<sup>1</sup>. В противном случае, новое поколение реформаторов постигнет та же участь, что постигла их незадачливых предшественников.

### 3.3. Выборы судейского корпуса как специфическая особенность политической системы США

Многочисленные призывы к проведению судебной реформы, которые вот уже много лет не сходят со страниц научной периодики и имеют широкую поддержку в украинском обществе, в качестве одного из своих ключевых требований называют внедрение института выборности судей. Можно даже утверждать, в нашей стране разгорелась целая полемика по данному вопросу. Так, одна группа экспертов, пусть и с оговорками, но в целом приветствует указанную меру, другая – категорически против. В частности, крупнейший украинский теоретик права Н. И. Козюбра полагает, что избрание судейского корпуса прямым голосованием на определенный, ограниченный во времени срок имеет больше «минусов», чем «плюсов», поскольку в таком случае, по его мнению, неизбежно втягивание служителей Фемиды в политический процесс, что, в свою очередь, подрывает одну из основ правового государства – независимость и беспристрастность судебной власти<sup>2</sup>. Тем интереснее для нас обращение к опыту тех стран, где выборность судей является элементом политической традиции, и в первую очередь – к опыту США.

<sup>1</sup> Концепция судебной реформы в РФ / Сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 6.

<sup>2</sup> Козюбра М. Судова влада в Україні // Право України. – 2009. - № 12. – С. 54.

Говоря об этой стране, необходимо четко различать две альтернативных модели комплектования судейского корпуса, которые уживаются друг с другом на протяжении столетий: selection (отбор) и election (выборы). В 7 американских штатах и федеральном округе Колумбия действует система отбора, своего рода селекции, то есть оценки личных и деловых качеств претендентов на судейские должности главой местной исполнительной власти – губернатором штата. Губернатор может назначить судью из списка кандидатов, предварительно одобренных органами судейского сообщества, иногда из числа лиц, предложенных законодательным собранием, а иногда закон вообще никак не оговаривает возможности выбора кандидата губернатором. Сроки пребывания в должности судьи могут быть пожизненными или варьироваться от 4-6 до 12-15 лет<sup>1</sup>. Иными словами, при такой модели наделение судейскими полномочиями происходит не в силу их делегирования кандидатам жителями той или иной общины в полном соответствии с теорией народного представительства (судьи как «доверенные лица» народа<sup>2</sup>), что имеет место на выборах, а в силу их назначения высшим должностным лицом местной исполнительной власти, впрочем, избираемым жителями штата (в отличие от Украины, в США губернаторы избираются). Однако стоит отметить, что пока такие штаты в меньшинстве.

Помимо отбора будущих судей с последующим их назначением губернатором, в США существуют еще, как минимум, две более распространенные методы комплектования судейского корпуса: выборы, которые могут происходить как по партийным спискам (partisan elections), так и в форме избрания кандидатов в личном качестве (nonpartisan elections), а также так называемый «референдум о доверии» (retention elections). На сегодняшний день партийные выборы проводятся в 17, выборы судей в личном качестве – 22, процедура retention – 20 штатах с той, правда, оговоркой, что в одном и том же штате, в разных его округах (county), могут использоваться различные способы избрания судей. Например, в Аризоне в одних округах выборы проходят по

<sup>1</sup> Бернам У. Правовая система США. – М.: Новая юстиция, 2007. – С. 318.

<sup>2</sup> Шайо А. Высшие суды как представители или представительство без представителей // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. - № 6. – С. 63.

партийной системе, а в других – судей избирают, не прибегая к помощи политических партий<sup>1</sup>.

Обобщим полученные данные в виде таблицы<sup>2</sup>:

Тип выборов	Название штатов
По партийным спискам	Алабама, Аризона (в некоторых округах), Коннектикут, Иллинойс (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Канзас (в некоторых округах), Луизиана, Мэн, Миссури (в некоторых округах), Нью-Мехико, Нью-Йорк, Пенсильвания (в некоторых округах), Южная Каролина, Теннесси (в некоторых округах), Техас, Вермонт, Западная Вирджиния
В личном качестве	Аризона (в некоторых округах), Арканзас, Калифорния (в некоторых округах), Флорида (в некоторых округах), Джорджия, Айдахо (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Кентукки, Мэриленд (в некоторых округах), Мичиган, Миннесота, Миссисипи, Монтана (в некоторых округах), Невада, Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Оклахома (в некоторых округах), Орегон, Южная Дакота (в некоторых округах), Вашингтон, Висконсин
«Референдум о доверии»	Аляска, Аризона (в некоторых округах), Калифорния (в некоторых округах), Колорадо, Флорида (в некоторых округах), Айдахо (в некоторых округах), Иллинойс (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Айова, Канзас (в некоторых округах), Мэриленд (в некоторых округах), Миссури (в некоторых округах), Монтана (в некоторых округах), Небраска, Оклахома (в некоторых округах), Пенсильвания (в некоторых округах), Южная Дакота (в некоторых округах), Теннесси (в некоторых округах), Юта, Вайоминг

<sup>1</sup> Подробнее см.: [https://ballotpedia.org/Judicial\\_elections](https://ballotpedia.org/Judicial_elections).

<sup>2</sup> Статистика штатов, в которых проводятся выборы судей, приведенная в единственной русскоязычной работе, посвященной рассматриваемой теме, к сожалению, уже безнадежно устарела. См.: Филиппов С. В. Судебная система США. – М.: Наука, 1980. – С. 128, 129.

Как и любые другие американские выборы, выборы представителей судебной власти проходят по мажоритарной избирательной системе относительного большинства.

Поясним для читателя специфику «референдума о доверии». Дело в том, что еще в 30-е гг. прошлого века в американском обществе стало нарастать недовольство по поводу влияния политики на избрание судей и процесс принятия решений. В результате в ноябре 1940 г. голосующие изменили конституцию штата Миссури, приняв «Беспристрастный план избрания судей» на референдуме, так называемый «миссурийский план» (Missouri Plan). Суть этого нововведения, существующего и по сию пору, заключалась в следующем. Кандидаты в судьи изучаются комиссией по отбору, в состав которой входят адвокаты, судьи и представители гражданского общества. Комиссия отбирает трех кандидатов на каждое вакантное место судьи на основе изучения личных данных, документов и оценок профессиональной квалификации кандидатов и представляет материалы этих кандидатов губернатору, который должен выбрать одного из них. Выбранное таким образом губернатором лицо назначается на должность судьи сроком минимум на один год, но по истечении которого проводятся всеобщие выборы, на которых в избирательном бюллетене фигурирует вопрос о том, следует ли оставить (retain) этого судью на своем посту. Если электорат оставляет судью в должности, то он служит 12 лет в суде апелляционной инстанции и более короткий срок – в суде первой инстанции<sup>1</sup>.

В рамках настоящего исследования, в силу тематики последнего, нам хотелось бы остановиться более подробно на выборах судей по партийным предпочтениям, памятуя при этом, что здесь мы неизбежно переступаем относительно узкие рамки юриспруденции и выходим на широкую арену политической жизни.

*Партийные выборы.* Когда противники такой системы назначения судей полномочиями приводят свои аргументы, то первым из них традиционно звучит опасность потенциальной зависимости

<sup>1</sup> Бернам У. Указ. соч. – С. 318, 319. См. также: Павлова Н. В. Построение системы отбора кандидатов в судьи и назначения их на должность // Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / Отв. ред. Т. Н. Нешатаева. – М.: Норма, 2011. – С. 146-148.

будущих носителей судебной власти от политических партий, выдвинувших и поддержавших их кандидатуры на выборах. Так, еще в 1906 г. крупнейший американский юрист, фактически основатель американской школы социологической юриспруденции Р. Паунд утверждал, что «втягивая суды в политику, вынуждая судей становиться политиками, во многих штатах почти уничтожили то уважение, которым суды традиционно пользовались»<sup>1</sup>. В самом деле, при выборах судей в этот процесс неизбежно втягиваются политические партии хотя бы по той простой причине, что никто, кроме них, не располагает в государстве отработанными технологиями ведения предвыборной борьбы, собственным штатом волонтеров, финансовыми возможностями и наработанными контактами среди партийных спонсоров, привычно готовых привести своего человека к победе. Но приводя его к победе, они столь же неизбежно делают его своим заложником<sup>2</sup>.

С приведенными доводами сложно не согласиться. Между тем, по нашему мнению, когда мы говорим о Соединенных Штатах, следует принимать во внимание также следующие обстоятельства.

Прежде всего следует учитывать, что американцы всегда были и остаются нацией с неразвитым партийным самосознанием. Американец, поддерживающий демократов или республиканцев, все равно не ощущает себя членом этой организации, связанным с ней определенной системой уставных, нравственных, а тем более коррупционных обязательств, и уж тем более – «колесиком и винтиком» партийной машины. Возможно, нечто подобное он мог ощущать в конце XIX – начале XX вв., в «позолоченный век» политических партий, в который пришлось жить и трудиться Р. Паунду, но уж никак не в веке ХХI<sup>3</sup>. «Долг перед партией», «подчинение личных интересов партийным», «партийная дисциплина» и другие подобные представления, исполненные смысла и приобретающие в той или иной мере силу нравственного императива, скажем, для

<sup>1</sup> Цит. по: Шайо А. Указ. соч. – С. 64.

<sup>2</sup> Козюбра М. Там само.

<sup>3</sup> Некоторые моменты, связанные с избранием судей в «позолоченный век» политических партий, затрагиваются в американской художественной литературе, в частности романе Р. П. Уоррена «Вся королевская рать». См.: Уоррен Р. П. Вся королевская рать: роман. – М.: Астрель, 2010. – 531 с.

европейского социалиста, не говоря уже о коммунисте, демокристе или социал-демократе, для американца – если, конечно, он не партийный функционер – псевдопонятия. По меткому слову Э. Я. Баталова, «республиканец или демократ видит себя не внутри партии, а рядом с партией»<sup>1</sup>. Вот почему в американских условиях партийные выборы судей не несут в себе ощутимых угроз судебной независимости. По этой же причине, несмотря на всю, казалось бы, партийную заангажированность американских судей, уровень доверия граждан к судебной системе в этой стране несоизмеримо выше, чем в Украине или России, где судьи назначаемые. Не случайно поэтому, опрос, проведенный в Канзасе, показал, что 65 % жителей штата полагают, что судьи должны избираться, а не назначаться губернатором<sup>2</sup>.

Во-вторых, как писал Р. Познер, один из авторитетнейших американских ученых-правоведов современности и федеральных судей, «... то, что избранные судьи имеют меньшую политическую независимость, чем назначенные на пожизненный срок службы, не обязательно плохо. И не только из-за стимулирования личных усилий в условиях отсутствия гарантированного рабочего места, но и по той простой причине, что решения избранных судей, как правило, более предсказуемые, чем решения судей назначенных»<sup>3</sup>. И действительно, коль скоро мы презюмируем, что одним из неотъемлемых атрибутов верховенства права является принцип правовой предсказуемости, именуемый еще в литературе принципом правомерных ожиданий, то в условиях выборности судей можно надеяться, что волюнтаризм последних будет ограничен страхом вызвать недовольство местной общины постановлением необоснованно мягкого (*soft on crime*) или, наоборот, необоснованно жесткого (*tough on crime*) приговора, потерять свой авторитет вследствие совершения некоего недостойного звания судьи поступка и т. д.

<sup>1</sup> Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – С. 150.

<sup>2</sup> Мишина Е. А. Из американского опыта обеспечения личной независимости судей // Право. Журнал Высш. шк. эк-ки. – 2010. - № 4. – С. 123.

<sup>3</sup> Познер Р. Як мислять судді / Ред. перекл. О. П. Євсєєв. – К.: Акта, 2012. – С. 171.

Кроме того, следует учитывать, что после решения Верховного Суда США по делу *Республиканская партия штата Миннесота против Уайта* кандидаты в судьи имеют право (гарантированное первой поправкой к Конституции) высказывать в ходе предвыборной кампании свое мнение по спорным юридическим вопросам, которые впоследствии могут встать перед ними уже в должности судей. На практике это приводит к тому, что для кандидатов разрабатываются специальные анкеты, в которых содержатся вопросы об их мнении по таким остроактуальным вопросам, как возможность назначения преступнику смертной казни (в тех штатах, где она предусмотрена), аборт, однополые браки, судебный контроль за применением оружия и т. д.<sup>1</sup> В конечном счете, все это объективно приводит к тому, что судебная политика, проводимая человеком в мантии, действительно становится более предсказуемой в том смысле, что граждане всегда имеют возможность сопоставить предвыборные обещания кандидата с реально проводимым курсом, и в случае радикального расхождения последних не переизбрать его на новый срок.

Другой вопрос, что судья, которому предстоит пройти через перевыборы, может менее независимо принимать решения по резонансным для общины делам. Да и сами перевыборы являются стрессом, требуют много времени и отвлекают судей. По этой причине американские юристы с горечью признают, что судьями во многих штатах могут стать лишь профессиональные политики, обладающие к тому же немалым капиталом<sup>2</sup> (феномен, практически неведомый на постсоветском пространстве, где профессиональные политики скорее стремятся поставить служителей Фемиды под свой контроль, нежели сами занять их посты). Хотя и этот недостаток не является абсолютным. Скажем, Д. Карлен, видный английский юрист, много лет отдавший изучению судебной системы США, полагал, что «политический опыт поможет ему стать более квалифицированным судьей, особенно в тех слу-

<sup>1</sup> Подробнее см.: Caufield R. The changing tone of judicial election campaigns as a result of *White // Running for judge* / Ed. by M. Streb. – N. Y.: New York Univ. Press, 2007. – P. 34-58.

<sup>2</sup> Симкин Л. Как стать судьей в Америке // Советская юстиция. – 1992. - № 19/20. – С. 22.

чаях, когда он должен будет иметь дело с вопросами социальной политики»<sup>1</sup>.

По-настоящему проблемными являются иные аспекты темы. Во-первых, следует иметь в виду чудовищную неосведомленность большинства граждан обо всем, что связано с политикой, правом, законодательством. Американский историк Р. Шенкман, опубликовавший во время президентских выборов 2008 г. небольшую книжку «Насколько же мы глупы? Перед лицом правды об американском избирателе», приводит красноречивый факт, как в 1992 г. делегаты Национального съезда Демократической партии, бегло ознакомившись с биографиями своих кандидатов на президентских выборах, пребывали в полной уверенности, что Б. Клинтон – выходец из богатой семьи, коль скоро он учился в престижном Йельском университете. Понадобилось специальное опровержение пресс-службы, а затем и наспех сделанный пропагандистский фильм «Человек из города Надежды» (*The Man from Hope*)<sup>2</sup>, дабы доказать, что Клинтон происходит из отнюдь не респектабельного общества, а учеба в Йеле – результат его незаурядных способностей и программы государственного субсидирования одаренных детей<sup>3</sup>. Обратим внимание, что речь шла о человеке, претендующем на высший государственный пост, а приведенное заблуждение разделялось партийными функционерами, делегированными на общенациональный конвент. Что уж говорить о миллионах простых избирателей, которые в глаза не видели какого-нибудь Джона Дэвиса или Питера Гопкинса, баллотирующихся в окружные судьи.

Помимо этого, чрезвычайно остро стоит вопрос финансирования избирательных кампаний судей. Ведь большая часть «доноров», к которым кандидаты обращаются за финансовой поддержкой, – это не олигархи, как может показаться на первый взгляд, а адвокаты и потенциальные стороны в процессе, а значит велика вероятность, что их согласие или отказ внести пожертвование будет

<sup>1</sup> Карлен Д. Американские суды: система и персонал. – М.: Прогресс, 1972. – С. 45.

<sup>2</sup> Игра слов. Клинтон родился в 1946 г. в городе Хоуп, что в переводе с английского означает «надежда».

<sup>3</sup> Shenkman R. Just how stupid are we? Facing the truth about the American voter. – N. Y.: Basic Books, 2008. – P. 41.

намеренно или неосознанно учитываться судьей при вынесении решения по делу в случае его избрания.

В 2015 г. Верховный Суд США пятью голосами против четырех принял решение по резонансному делу *Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды* о запрете сбора средств на нужды предвыборной кампании кандидатами на должности судей штатов. Как следует из материалов дела, в Суд обратилась Л. Уильямс-Юли, баллотировавшаяся на должность судьи в штате Флорида. В рамках судебного разбирательства было установлено, что Юли рассылала сообщения своим потенциальным спонсорам с просьбой оказать ей финансовую поддержку в рамках предвыборной кампании. За указанные действия Юли была привлечена к ответственности Ассоциацией юристов Флориды за нарушение правил судейской этики, а именно положения пункта 7(С) Кодекса поведения судей, согласно которому кандидаты на должности судей не вправе лично обращаться к потенциальным спонсорам с просьбой финансирования предвыборной кампании, но могут лишь учреждать специальные комитеты, которые будут заниматься подобной деятельностью. Юли сочла, что такие ограничения нарушают первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу слова, и дискриминируют кандидатов на должности судей по профессиональному признаку. Таким образом, перед судьями Верховного Суда был поставлен вопрос о конституционности запрета, установленного в законодательстве большинства штатов, в отношении кандидатов на должности судей по личному обращению к спонсорам за финансовой поддержкой.

Как следует из позиции Верховного Суда, подготовленной председателем суда Дж. Робертсом, штаты имеют достаточные социально-политические основания устанавливать специальные ограничения в отношении кандидатов на должности судей обращаться к потенциальным спонсорам за финансовой помощью, что объясняется наличием публичного интереса, заинтересованностью всего общества штата в подлинной независимости и беспристрастности судейского корпуса при отправлении правосудия. Более того, судья Робертс отметил, что норма, позволяющая кандидатам на должности судей формировать специальные комитеты уполномоченных лиц для сбора средств, как раз и направлена на

реализацию положений первой поправки. К позиции судьи Роберта присоединились все судьи «либерального крыла» Верховного Суда, включая С. Брайера, С. Сотомайор, Е. Каган, а также Р. Гинзбург (которая все же представила особое мнение).

В своем особом мнении, в целом согласившись с логикой большинства, судья Гинзбург остановилась на разграничении «обычных» политических выборов и избирательных кампаний судей. Главное отличие, по мнению судьи Гинзбург, состоит в том, что если спонсоры («доноры») политиков, оказывая поддержку своим кандидатам, вправе ожидать от них какой-либо «благодарности» и «понимания» в последующем, то в случае с судьями такое невозможно, поскольку подобное положение дел подрывало бы независимость и автономию судей («финансирование выборов... означает покупку голосов»).

Судьи же «консервативного крыла» (тогда еще здравствующий А. Скалиа, С. Алито, Э. Кеннеди и К. Томас), как и положено консерваторам, исходили из буквального толкования первой поправки, на основании чего пришли к выводу, что любое ограничение доступа граждан (в том числе кандидатов на должности судей) напрямую обращаться за финансовой поддержкой приводит к нарушению свободы слова. Как разъяснил судья Кеннеди, подобное ограничение, поддержанное большинством судей Верховного суда, по существу, ущемляет права наиболее необеспеченных кандидатов (лишая их возможности обратиться даже к своим друзьям и родственникам), что приводит к ограничению всех слоев населения американского общества в доступе к судейской профессии. Иными словами, судьи, оставшиеся в меньшинстве, сочли подобное ограничение непропорциональным. Тем не менее пятью голосами против четырех Верховный Суд США постановил признать конституционным существующий в штате Флорида запрет для кандидатов на должности судей в непосредственном обращении к потенциальным спонсорам<sup>1</sup>.

Дело осложняется еще и тем, что если до начала 1990-х гг. выборы судей привлекали минимум внимания и финансовых затрат

<sup>1</sup> Подробнее об этом деле см.: Храмова Т. Иллюзия независимости избираемых судей: размышления по поводу решения Верховного суда США по делу «Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды» // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. - № 4. – С. 117-127.

(так, еще в 2002 г. на выборы судей в штате Нью-Йорк явилось менее 15 % зарегистрированных избирателей<sup>1</sup>), то теперь размеры избирательных фондов кандидатов исчисляются миллионами долларов, кампании стали агрессивными, а вероятность проигрыша действующих судей конкурентам в процессе переизбрания выше, чем у инкубентов на выборах в Конгресс или местные легислатуры.

Итак, подведем краткие итоги.

Во-первых, выборность судей в ее классическом понимании была, есть и остается символом исключительно англосаксонской системы судопроизводства, если не принимать во внимание советский опыт безальтернативного голосования на выборах «народных судей» или нынешнее голосование в странах тоталитарного социализма (Куба, КНДР). Только здесь выборность судей, начиная с 1812 г., когда всюду пошел процесс перехода штатов от процедуры назначения к выборным процедурам, покоится на прочных исторических устоях. Континентальные же образцы всегда тяготеют к назначению представителей судейского корпуса, главным образом исходя из подготовленности и профессиональной компетентности последних. Во-вторых, выборность судей нигде не имеет массового характера, являясь весьма и весьма локальным сегментом юстиции. Даже в США она отсутствует в 8 субъектах, а еще в 20 она существенным образом ограничена и фактически сведена к перепроверке всенародным голосованием ранее сделанного губернатором выбора (retention). Поэтому любые попытки рассматривать ее в качестве универсального способа преодоления всех проблем, связанных с неэффективностью судебной власти (ее оторванностью от народа, коррумпированностью и проч.), как это нередко происходит на постсоветском пространстве, представляют собой очевидную утопию. И, наконец, в-третьих. Выборность судей является архаичной формой комплектования судейского корпуса, представляя собой продукт исторического развития страны с глубокими демократическими традициями. В наших условиях вопрос о выборности судей не имеет никакого отношения к про-

<sup>1</sup> Streb M. Judicial elections: a different standard for the rulemakers ? // Law and election politics. The rules of the game / Ed. by M. Streb. – L.: Lynne Rienner Publ., 2005. – P. 175.

блеме восстановления доверия народа к судебной власти, где логика развития требует использования иных институциональных механизмов совершенствования правосудия, которые украинской правовой системе прекрасно известны и которые имеют глубокие исторические корни.

#### 3.4. «Гибридизация» международного правосудия как фактор, препятствующий его политизации<sup>1</sup>

7 апреля 2017 года в верхнюю палату Конгресса США поступил законопроект под названием «Акт 2017 года об ответственности за военные преступления, совершённые в Сирии» (англ.: “*Syrian War Crimes Accountability Act of 2017*”). В соответствии с его нормами предлагается учредить специальный гибридный трибунал для расследования трёх видов преступлений, имевших место на территории Сирийской Арабской Республики (*далее – САР*), начиная с марта 2011 года, а именно: 1) военные преступления; 2) преступления против человечества; 3) геноцид<sup>2</sup>. Думается, данная инициатива американских сенаторов, среди которых был и М. Рубио, один из конкурентов Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года, является не столько типичным проявлением Рах Америсана, при котором любое мало-мальски значимое событие мировой политики (гражданская война в Сирии – не исключение) должно получить соответствующую оценку Вашингтона, сколько некоей реакцией на Резолюцию 71/248, принятую в конце прошлого года Генеральной Ассамблеей ООН.

К сожалению, отечественными СМИ был как-то обойдён вниманием тот факт, что 21 декабря 2016 года, по инициативе Лих-

<sup>1</sup> Подраздел написан по результатам участия автора в недельной программе Агентства США по международному развитию «Использование гибридных подходов в целях повышения подотчётности судов и обеспечения доступа к правосудию», проходившей со 2 по 9 апреля 2017 г. в столице Боснии и Герцеговины городе Сараево.

<sup>2</sup> Syrian War Crimes Accountability Act of 2017 // URL: <https://www.congress.gov/115/bills/s905/BILLS-115s905rs.pdf> (дата обращения: 21.07.2017).

тенштейна и Катара, Генеральная Ассамблея ООН постановила учредить «Международный беспристрастный и независимый механизм для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьёзные преступления по международному праву, совершённые в САР с марта 2011 года, и их судебному преследованию»<sup>1</sup>.

Западные авторы отмечают, что изначально планировалось учредить трибунал на основании резолюции Совета Безопасности ООН, что имело место в 1993 году в случае с Международным Трибуналом по бывшей Югославии (далее – МТБЮ). Шесть раз указанная инициатива ставилась на голосование и все шесть раз как минимум один постоянный член Совета Безопасности – Российская Федерация – был против. В конечном итоге международное сообщество, принимая во внимание тяжесть и беспрецедентный характер преступлений, совершённых во время сирийского конфликта, вплоть до применения химического оружия, вынесло данный вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи, которая 105 голосами при 52 воздержавшихся и 15 проголосовавших «против» приняла Резолюцию 71/248. К слову сказать, аналогичная процедура – создание международного трибунала по решению Генеральной Ассамблеи – уже использовалась в международно-правовой практике при учреждении Административного трибунала ООН в 1949 году. Исходя из текста Резолюции, Генеральный секретарь ООН должен разработать в течение 20 рабочих дней с даты принятия настоящей резолюции круг ведения будущего механизма и безотлагательно предпринять шаги, меры и действия, необходимые для его скорейшего создания и обеспечения полномасштабного функционирования<sup>2</sup>.

Судя по инициативе американских сенаторов, будущий трибунал по Сирии будет принадлежать к числу «гибридных». Как от-

<sup>1</sup> Резолюция 71/248, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 2016 года // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/462/05/PDF/N1646205.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.07.2017).

<sup>2</sup> Подробнее об истории принятия данной резолюции см.: *Wenaweser C., Cockayne J.* Justice for Syria?: The International, Impartial and Independent Mechanism and the Emergence of the UN General Assembly in the Realm of International Criminal Justice // URL: <https://academic.oup.com/jicj/article-lookup/doi/10.1093/jicj/mqx010> (дата обращения: 21.07.2017).

мечается в самом законопроекте, термин «гибридный трибунал» (англ.: *hybrid tribunal*) означает временный уголовный трибунал, который состоит из национальных и международных адвокатов, судей и других профессионалов с целью осуждения лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечества и геноцида. Примечательно, что, по мнению американцев, трибунал должен существовать не сам по себе, а будет «вмонтирован» в более широкий контекст «транзитивного правосудия» (англ.: *transitional justice*), включающего в себя, как сказано в том же законопроекте, целый комплекс «юридических, неюридических, формальных, неформальных, карательных и восстановительных мер, используемых в странах при переходе от состояния вооруженного конфликта или репрессивного режима». Традиционно в число таких мер, наряду с органами международного правосудия, входят комиссии по установлению истины, люстрационные процедуры, всевозможные репарации невинно пострадавшим и т. д.<sup>1</sup>

Прежде всего бросается в глаза лексическое разнообразие, которое используется при попытке адекватно передать сущность гибридных судов. В доктрине их именуют «смешанными судами/трибуналами», «интернационализованными уголовными судами/трибуналами», «смешанными национально-международными трибуналами», «гибридными национально-международными судами» и т. д., что лишний раз свидетельствует в пользу формирующегося характера этого феномена<sup>2</sup>.

Как указывает Г. Г. Шинкарецкая, гибридные суды являются «уголовными трибуналами третьего поколения»<sup>3</sup>. Имеется в виду, что Нюрнбергский и Токийский трибуналы – международные трибуналы первого поколения – во многом были «судами победителей», поскольку в них заседали судьи из стран антигитлеровской коалиции. В МТБЮ и Международном Трибунале по Руанде (международных трибуналах второго поколения) правосудие осу-

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Бобринский Н. А.* К вопросу о концепции «правосудия переходного периода» // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 328-337.

<sup>2</sup> *Nouwen S.* 'Hybrid Courts': The Hybrid Category of a New Type of International Crimes Court // *Utrecht Law Review*. 2006. Vol. 2. Issue 2 (December). P. 192.

<sup>3</sup> *Шинкарецкая Г. Г.* Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? // *Международное право и международные организации*. 2014. № 2. С. 294.



ществляли уже судьи из государств, не принимавших непосредственного участия в конфликте<sup>1</sup>. И, наконец, в гибридных судах – трибуналах третьего поколения – судьи из развитых государств, прежде всего США и Западной Европы, *совместно* с судьями из государств, пострадавших вследствие ведения военных действий, и на территории последних осуществляют правосудие в отношении тех, кто обогрил свои руки кровью. По статистике из 16 международных судей, действовавших в Косово, 4 были из США, 2 – из Германии, и по одному из Великобритании, Молдовы, Польши, Камеруна, Италии, Венгрии, Уганды, Филиппин, Маврикия и Канады. Впоследствии они были замещены 4 судьями из Франции, 3 – из Германии, 2 – из Дании и Финляндии, и по одному из Румынии, Бельгии, Испании, Австрии, Швеции и Канады<sup>2</sup>.

Таким образом, гибридные суды – это суды, в работе которых, наряду с национальными судьями, принимают участие судьи-иностранцы и которые создаются на постконфликтных территориях с целью привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении военных и иных преступлений.

На сегодняшний день к гибридным судам относят: специальные судебные палаты по серьёзным преступлениям в Тиморе-Лешти (2000 г.); смешанные судебные коллегии в Косово (2000 г.); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002 г.); Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005 г.);

<sup>1</sup> При учреждении МТБЮ председательствовавший на заседании Совета Безопасности ООН 25 мая 1993 года постоянный представитель России Ю. Воронцов заявил буквально следующее: «Виновные в массовых преступлениях..., в нарушениях законов и обычаев войны, преступлениях геноцида, а также против человечности, должны понести заслуженное наказание. Особенно важным представляется тот факт, что впервые в истории не победитель судит побеждённого, а все международное сообщество в лице Трибунала вынесет свой вердикт тем, кто грубо попирает не только нормы международного права, но и просто человеческие представления о нравственности и гуманности» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/858/68/IMG/N9385868.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.07.2017).

<sup>2</sup> Romano C. The Judges and Prosecutors of Internationalized Criminal Courts and Tribunals // Internationalized Criminal Courts and Tribunals / Ed. by C. Romano, A. Nollkaemper and J. Kleffner. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004. P. 245, 246.

Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006 г.); Специальный Трибунал по Ливану (2007 г.)<sup>1</sup>.

Несмотря на все разнообразие моделей гибридного правосудия, используемых в современном мире, и непохожесть конфликтов, послуживших поводом для их внедрения, можно выделить как минимум два условия, при которых учреждение гибридных судов будет иметь смысл. Во-первых, отсутствие потенциала или ресурсов на национальном уровне. Смешанные суды зачастую создаются в таких ситуациях, когда национальная правовая система не в состоянии справиться с задачами в силу отсутствия технических или юридических механизмов либо отсутствия основных ресурсов для проведения справедливого разбирательства по преступлениям – как имевшим место в прошлом, так и недавно совершённым. А во-вторых, наличие опасений по поводу предвзятости или отсутствия независимости в правовой системе. В некоторых ситуациях международный элемент был привнесён ради преодоления атмосферы предвзятости или отсутствия независимости внутри правовой системы, что могло бы воспрепятствовать компетентному судебному разбирательству по возбуждённым делам<sup>2</sup>.

Словно иллюстрируя второй тезис, крупнейший итальянский учёный-международник и первый председатель МТБЮ А. Кассезе приводил такой пример: представьте, что в разгар или сразу после этнического конфликта на территории бывшей Югославии дела о военных преступлениях или геноциде начали бы слушаться в местных судах. Не исключено, что преступления, совершенные боснийцами, попадали бы на рассмотрение судьям-сербам, а преступления сербов – судьям-хорватам, и наоборот. К чему бы это привело? В лучшем случае – к «избирательному правосудию» при незначительном количестве профессионалов, стремящихся

<sup>1</sup> Егоров С. А. Гибридные (смешанные) суды // Институты международного правосудия: Учеб. пособие / Под ред. В. Л. Толстых. М.: Международные отношения, 2014. С. 446.

<sup>2</sup> Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств: максимизация наследия смешанных судов» // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HybridCourtsRU.pdf> (дата обращения: 21.07.2017).

заглушить «голос крови», в худшем – к полному параличу национальной судебной системы, неспособной в югославских условиях по определению справиться с делами подобного рода и, как следствие, окончательному подрыву веры граждан в торжество закона<sup>1</sup>.

В то же время гибридные суды полностью не элиминируют национальную специфику, поскольку с судьями-иностранцами в одной коллегии работают судьи-резиденты – носители одинаковой с другими участниками процесса языковой, профессиональной и общей культуры. Например, по состоянию на ноябрь 2002 года из 341 судей и прокуроров, работавших в Косово, только 26 были иностранцами. В Тиморе-Лешти работали 13 национальных и 6 международных судей<sup>2</sup>. В Судебной палате по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине соотношение между национальными и международными судьями складывалось следующим образом: в 2005 г. в палате работали 12 международных и 23 национальных судей, 2007 г. – 15 и 31, 2009 г. – 7 и 48, 2010 г. – 5 и 51, 2011 г. – 4 и 51 соответственно<sup>3</sup>.

Но самое главное, что гибридные суды необходимы прежде всего там, где национальные суды не имеют достаточного ресурсного, организационного или юридического потенциала, позволяющего им справиться с военными преступлениями самостоятельно. Иными словами, речь идет о странах «третьего мира» или точнее, о тех странах, которые вследствие военных конфликтов на их территории были отброшены в «третий мир». Так, в письме правительства Камбоджи на имя Генерального секретаря ООН говорилось следующее: «... обращаемся к Вам с тем, чтобы просить ООН и международное сообщество о помощи в деле привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении актов геноцида и преступлений против человечности в период правления “красных кхмеров” с 1975 по 1979 год... Камбоджа не располагает ни ресурсами,

<sup>1</sup> Cassese A. The Role of Internationalized Courts and Tribunals in the Fight Against International Criminality // Internationalized Criminal Courts and Tribunals. P. 5.

<sup>2</sup> Romano C. Op. cit. P. 238.

<sup>3</sup> 10 godina rada Odjela za ratne zločine Suda Bosne i Hercegovine. S., 2015. S. 15.

ни специальными средствами для осуществления этой весьма важной процедуры»<sup>1</sup>.

В новейшем исследовании по транзитивному правосудию под редакцией О. Симич подчеркивается, что «гибридные или интернационализированные суды, действующие на основании смешения международного и национального права, а также персонала, являются своеобразной реакцией на известные недостатки международных трибуналов ad hoc наподобие МТБЮ и Международного Трибунала по Руанде, в частности, их дороговизну, неумение учитывать местные особенности и т. д. Например, один из гибридных судов, а точнее, Специальный суд по Сьерра-Леоне, учитывая ошибки МТБЮ, старался в большей степени вовлечь туземное население в содействие правосудию, чему в немалой степени способствовала его географическая близость к месту конфликта (он был расположен в африканском Фритауне, а не в Гааге)»<sup>2</sup>.

Впрочем, справедливости ради отметим, что многие местные юристы надеялись, что Специальный суд будет располагаться в центре города рядом с местными судами, что дало бы повод рассчитывать на неформальное общение. Вместо этого, в январе 2002 года миссия по планированию приняла решение о сооружении собственного здания Суда вдали от центра. Выражались также надежды на то, что будет создано значительное количество рабочих мест для профессионалов, которые смогут занять граждане Сьерра-Леоне, но никто не отдавал себе отчета в том, что ключевой персонал Специального суда будет весьма немногочисленным. Кроме того, у некоторых возникло разочарование по поводу того, что мероприятия в рамках разъяснительной кампании, первоначально планировавшиеся либо международными неправительственными организациями, либо самим Судом, в большей степени носили характер «одностороннего» информирования, а не реального диалога<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: Ложников И. С. Международное содействие национальному правосудию в отношении преступлений, совершенных в период Демократической Кампучии // Московский журнал международного права. 2005. № 2 (58). С. 148.

<sup>2</sup> An Introduction to Transitional Justice / Ed. by O. Simič. N. Y.: Routledge, 2017. P. 53, 54.

<sup>3</sup> Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств: мак-

Существует еще одна причина создания гибридных судов, о которой традиционно предпочитают умалчивать. Речь идёт о том, что очень часто международные уголовные трибуналы, особенно на заре своей деятельности, стараются «перекачать» незавершенные дела обратно на местный уровень с возможностью их дальнейшего мониторинга или даже без такового. Например, правило 11bis Правил процедуры и доказывания МТБЮ («Передача обвинительного акта другому суду») предусматривает возможность для председателя Трибунала назначить трех постоянных судей (так называемая «группа по передаче дел»), которые самостоятельно и единолично определяют, следует ли передать дело на рассмотрение властей государства: 1) на территории которого было совершено преступление; или 2) в котором обвиняемый был арестован; или 3) обладающего юрисдикцией принять такое дело, а также желающего это сделать и должным образом для этого подготовленного, чтобы эти власти немедленно передали дело соответствующему суду для проведения судебного разбирательства в данном государстве.

В частности, в Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине из МТБЮ было передано 19 дел, из которых 13 находились в процессе расследования, а по 6 было выдвинуто обвинение. Всего же за время своего существования (с 2005 г. по 31 декабря 2012 г.) палата постановила 177 приговоров в отношении военных преступников<sup>1</sup>.

Важнейшим достоинством гибридного правосудия является то, что данные суды максимально приближены к местам совершения преступлений (за исключением трибунала по Ливану в Лейдсенде). Это обстоятельство имеет не только важный «демонстрационный эффект» для местного населения, но и является благом чисто с инфраструктурной точки зрения – как следствие, исчезает необходимость трудоёмкой доставки жертв и свидетелей преступлений в иностранное государство, как, скажем, это происходит в МТБЮ, ответственном за доставку участников процесса в Гаагу (Нидерланды). Как установлено в Соглашении между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда, симизация наследия смешанных судов» // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HybridCourtsRU.pdf> (дата обращения: 21.07.2017).

<sup>1</sup> 10 godina rada Odjela za ratne zločine Suda Bosne i Hercegovine. S. 19.

«местопребыванием Специального суда является Сьерра-Леоне. Суд может заседать за пределами своего местопребывания, если он считает это необходимым для эффективного выполнения своих функций, и может быть переведён за пределы Сьерра-Леоне, если того потребуют обстоятельства...» (ст. 10)<sup>1</sup>.

Так, после ареста Ч. Тейлора в Нигерии он был доставлен во Фритаун. Однако сразу после этого председатель Суда, ссылаясь на Правила процедуры, заявил, что судить бывшего либерийского президента в Сьерра-Леоне небезопасно и что это может привести к новой волне беспорядков во всём регионе. По этой причине 16 июня 2006 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1688 (2006) о переводе процесса над бывшим президентом в Гаагу, в помещении Международного уголовного суда<sup>2</sup>. С этой точки зрения, кстати говоря, крайне сомнительной выглядит идея учреждения гибридного трибунала по Сирии на сирийской земле, где всё ещё продолжает полыхать огонь кровопролитной гражданской войны, отягощённой к тому же иностранным присутствием. Очевидно, что функционирование такого трибунала в условиях продолжающегося конфликта создаст непросчитываемые риски для лиц, вовлечённых в его работу.

Тем не менее гибридные суды оставляют после себя хорошее наследие. Речь идёт, разумеется, не только о Дворцах правосудия, которые специально строятся для гибридных судов за счёт зарубежных «доноров» и выгодно отличаются даже чисто внешне от уже имеющихся зданий судебных присутствий, но прежде всего о той демократической культуре отправления правосудия, которая ранее была незнакома национальным судьям. Эта культура может проявляться как в овладении азами состязательного уголовного процесса в англо-американском стиле, на котором зиждется судопроизводство в гибридных судах, так и в целом в содействии

<sup>1</sup> Соглашение между ООН и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. 2004. № 1 (53). С. 287.

<sup>2</sup> Каюмова А. Р. Перспективы развития системы международной уголовной юстиции: смешанные (гибридные) трибуналы и интернационализированные суды // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. пол-ки, 2009. С. 461.

искоренению безнаказанности посредством обязательного преследования за особо серьезные преступления. Подчеркнём ещё раз, что оборудованные по последнему слову техники впечатляющие сооружения, в которых располагаются гибридные суды, после завершения ими своей деятельности передаются в управление национальной судебной администрации, как это имело место в Боснии и Герцеговине. В этой стране в бывшем здании Судебной палаты по расследованию военных преступлений располагается ныне Верховный суд.

Существует еще один позитивный момент, причем сугубо психологического плана, который сопряжён с деятельностью гибридных судов. В чём-то он созвучен психологическому феномену, который возникает при работе профессионального судьи с присяжными заседателями. Учёными доказано, что многие судьи, в том числе в РФ, являются горячими сторонниками суда присяжных и ратуют за его повсеместное внедрение по той простой причине, что, вынося свой вердикт, присяжные заседатели как бы снимают с судьи ответственность за судьбу подсудимого<sup>1</sup>. В гибридных судах национальные судьи получают аналогичную возможность переложить ответственность на иностранцев, избегая тем самым упреков, угроз или давления национальных элит.

Так, в Косово произошла замена национальных судей целиком на их зарубежных коллег при рассмотрении дел, которые представляли потенциальную угрозу для безопасности судей-резидентов, в частности дел по организованной преступности, которая является реальным фактором в клановом обществе Косово и фоном для жизни во многих постконфликтных обществах, а также дел, связанных с военными преступлениями. Помимо прочего, судьи-иностранцы рассматривали те дела, которые косовские судьи попросту не хотели рассматривать<sup>2</sup>.

Кроме того, в наиболее сложных случаях, подобно косовскому, входящие в одну и ту же судебную коллегия судьи разных наци-

<sup>1</sup> Пашич С. А. Становление правосудия. М.: Р. Валент, 2011. С. 265.

<sup>2</sup> Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств: максимизация наследия смешанных судов» // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HybridCourtsRU.pdf> (дата обращения: 21.07.2017).

ональностей отказывались работать друг с другом. Например, в 1999 году миссия ООН в Косово привлекла к работе в суде Северной Митровицы двух сербских судей и двух прокуроров. Однако спустя месяц они ушли в отставку по причине давления из Белграда<sup>1</sup>. При этом следует учитывать, что до войны основную массу судебных должностей занимали именно этнические сербы, а косовские албанцы, хотя и имели определенные профессиональные амбиции, тем не менее были исключены из юридического истеблишмента. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в условиях конфликта, когда основной массе сербов пришлось эвакуироваться из Косово, значительное количество судебных мест стало вакантным, однако занявшие эти места косовары не обладали достаточными компетенциями для осуществления правосудия на должном уровне<sup>2</sup>. В сложившейся ситуации обращение за помощью к судьям-иностранцам выступило в качестве гарантии выживания национальной судебной системы и дало возможность выиграть время, дабы взрастить собственную юридическую элиту.

Между тем здесь возникает другая проблема. Как свидетельствует А. Н. Антонов, один из руководителей Правозащитной консультативной коллегии Миссии ООН в Косово, албанские участники судопроизводства часто отказывались сотрудничать с русскими полицейскими, так как последние однозначно воспринимались как союзники сербского населения. «Следовала очень долгая и кропотливая работа по доказыванию того, - пишет А. Н. Антонов, - что ты можешь быть нейтральным и беспристрастным профессионалом»<sup>3</sup>. Сказанное может быть справедливо и по отношению к представителям судебного корпуса. Поэтому при комплектовании гибридных судов международному сообществу целесообразно избегать судей из тех государств, которые были косвенно вовлечены

<sup>1</sup> Baylis E. Parallel Courts in Post-Conflict Kosovo // The Yale Journal of International Law. 2007. Vol. 32. № 1. P. 15.

<sup>2</sup> Dickinson L. The Promise of Hybrid Courts // The American Journal of International Law. 2003. Vol. 97. № 2. P. 303, 304.

<sup>3</sup> Антонов А. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооруженными конфликтами // Международное правосудие. 2015. № 2 (14). С. 112.

в тот или иной конфликт или в благих намерениях которых у местного населения есть основания сомневаться.

Упомянутый нами ранее А. Кассезе выделял две основные проблемы в деятельности гибридных трибуналов – различные трудности во взаимодействии национальных и иностранных судей друг с другом, а также поиск средств для финансирования таких судов. Наиболее выпукло эти проблемные моменты обозначились в деятельности трибунала по Камбодже.

Так, по оценкам экспертов, названный трибунал за 11 лет своего существования обошелся международным «донорам» (Германии, Австралии, Франции и США) в 300 млн. долларов, несмотря на то, что в нем были осуждены всего лишь трое обвиняемых<sup>1</sup>. Кроме того, в 2008 году вследствие многочисленных скандалов, связанных с нецелевым расходованием местной элитой средств, которые были выделены на его существование, счета трибунала были заморожены, и более двух тысяч его сотрудников некоторое время оставались без зарплат<sup>2</sup>.

По контрасту, в финансировании Специального суда по Сьерра-Леоне принимали участие более 30 государств, 4 из них (Канада, Нидерланды, Великобритания и США) предоставили две трети средств первого годового бюджета, составившего 19 млн. долларов. Общий бюджет Судебной палаты по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине составил порядка 60 млн. евро, из них около 60 % были переданы США, Великобританией, Нидерландами и Европейским Союзом. 51 % расходов Специального трибунала по Ливану покрывается за счет добровольных взносов государств, а 49 % - правительством Ливана. Как видим, данная система финансируется в основном за счёт добровольных пожертвований государств, а не из регулярного бюджета ООН, как в случае с МТБЮ, что, в свою очередь, позволяет снять нагрузку с ООН, распределить финансовое бремя между заинтересованным государством и государствами-донорами. С другой стороны, такая

<sup>1</sup> *Mydans S.* 11 Years, \$300 Million and 3 Convictions. Was the Khmer Rouge Tribunal Worth It? // URL: [https://www.nytimes.com/2017/04/10/world/asia/cambodia-khmer-rouge-united-nations-tribunal.html?\\_r=0](https://www.nytimes.com/2017/04/10/world/asia/cambodia-khmer-rouge-united-nations-tribunal.html?_r=0) (дата обращения: 21.07.2017).

<sup>2</sup> *Мезяев А.* Специальный суд по Камбодже // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2009/04/12/9399-9399.html> (дата обращения: 21.07.2017).

модель финансирования вносит элемент непредсказуемости в деятельность суда – он начинает работать только тогда, когда доноры сформируют его бюджет, и работает постольку, поскольку они продолжают делать добровольные взносы<sup>1</sup>.

Но гораздо более сложными являются проблемы психологического толка, которые возникают при взаимодействии судей друг с другом. Причем конфликт закладывается изначально, ведь подавляющее большинство судей-иностранцев – выходцы из стран английского языка, где действует состязательная модель уголовного процесса, в то время, как в государствах, в которых учреждаются гибридные суды, традиционно доминирует инквизиционная модель (как, например, в той же Камбодже, чья правовая система всегда находилась под сильнейшим влиянием французского права). Скажем, в Суде по Сьерра-Леоне заседали преимущественно судьи из стран Британского Содружества (Канады, Камеруна, Нигерии, Гамбии, Великобритании, Замбии). Кроме того, руководитель канцелярии Суда был британцем, а прокурор – представителем США<sup>2</sup>.

Напомним читателю, что на правовой карте мира параллельно сосуществуют две уголовно-процессуальные модели: состязательная и инквизиционная. Характерными особенностями состязательной техники уголовного процесса являются «террор прецедента», отсутствие единого уголовного дела (поскольку доказательства собирают сами стороны, то вместо этого здесь развита концепция «двух автономных папок-файлов» - обвинения и защиты), отсутствие понятия производства по уголовному делу и лица, его ведущего, распространение так называемых «сделок о признании вины». Иными словами, признание обвиняемым своей вины немедленно приводит к постановлению обвинительного приговора, а отказ прокурора от обвинения, напротив, означает прекращение дела. В этом же русле находятся теории «пассивного судьи» и «формальной истины», означающие, что суд оперирует лишь теми доказательствами, которые предоставили ему стороны, и не имеет права по собственной инициативе собирать доказательства или направлять дело на дорасследование. Следует также добавить, что

<sup>1</sup> *Толстых В. Л.* Международные гибридные суды и трибуналы (общий обзор) // Казанский журнал международного права. 2011. № 4. С. 141.

<sup>2</sup> *Romano C.* Op. cit. P. 244.

в классическом состязательном процессе спор по существу дела рассматривает не профессиональный суд, а суд присяжных (непрофессиональных представителей народа), призванных дать на него, по сути, односложный и немотивированный ответ: «да, виновен» или «нет, не виновен»<sup>1</sup>.

В инквизиционном же процессе, к которому привыкли страны, некогда находившиеся в колониальной зависимости от европейского континента (Сьерра-Леоне, Камбоджа) или вовсе географически находящиеся в Европе (Босния и Герцеговина), действуют совершенно иные процедуры и правила доказывания. Прежде всего речь идёт о концепциях «материальной истины» и «активного судьи», при которых презюмируется, что задача судьи заключается не в том, чтобы ограничиться доказательствами, предоставленными сторонами, а в том, чтобы с максимальной точностью попытаться воссоздать реальную картину произошедшего. Для этого суд по собственной инициативе может назначать экспертизы, причём в роли эксперта всегда выступает некий независимый профессионал в сфере науки, искусства или ремесла, а не «эксперт обвинения» или «эксперт защиты», что имеет место в состязательном процессе. Кроме того, относительно редким явлением считаются «сделки о признании», которые вступают в конфликт с концепцией «материальной истины», слабое распространение получает суд присяжных, замещаемый здесь в лучшем случае на шеффенскую модель (присяжные принимают решение совместно с судьёй-профессионалом). Действует обязанность для судьи тщательно мотивировать свой приговор, ссылаясь при этом на конкретные положения писаного права («террор нормы»), а не на судебную практику или доктринальные труды<sup>2</sup>.

Как убедительно показал опыт МТБЮ, слабая осведомлённость юристов, взращённых на континентальных образцах, о состязательной модели уголовного процесса, сплошь и рядом распространённой в международных и интернационализованных судах (не будем забывать, что Правила процедуры МТБЮ были непосред-

<sup>1</sup> Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 130, 131.

<sup>2</sup> International Criminal Procedure: The Interface of Civil Law and Common Law Legal Systems / Ed. by L. Carter, F. Pocar. C.: Edward Elgar Publ., 2013. P. 25-31.

ственно разработаны специалистами «Американской ассоциации адвокатов»), приводит к многочисленным недоразумениям – забавным для стороннего наблюдателя, но уж никак не для самих участников процесса.

В. Н. Точилковский, много лет проработавший в офисе Прокурора МТБЮ, приводит характерный пример, как в деле *Erdemović* подсудимый признал свою вину, полагая, что после этого последует судебное разбирательство. Тем не менее судьи, как и подобает в состязательном процессе после признания подсудимым своей вины, сразу же перешли к слушаниям о назначении наказания. В своем особом мнении судья А. Кассезе специально подчеркнул, что для Эрдемовича, а точнее его адвоката, привыкшего к инквизиционной модели, «признание вины является всего лишь частью доказательственного материала, которая нуждается в дальнейшей проверке судом»<sup>1</sup>.

Невольно напрашивается вывод, что в международных судах юристы, имевшие опыт работы в рамках состязательного уголовного процесса, поставлены в более выгодное положение, нежели юристы, не имевшие такого опыта. Применительно к гибридным судам, в которых судопроизводство осуществляется по тем же англосаксонским лекалам, это означает, что судья-англосакс всегда будет находиться в более выгодном профессиональном отношении, нежели национальный судья, в большинстве случаев никогда ранее не соприкасавшийся с состязательной моделью. Аналогичную характеристику можно распространить и на представителей адвокатуры, которые, работая при смешанных судебных коллегиях в Косово, регулярно не отводили неприемлемые доказательства и не запрашивали результаты судебно-медицинских экспертиз, ошибочно полагая, что это – прерогатива суда<sup>2</sup>.

На обозначенные сложности накладывается также языковой барьер, существенно ограничивающий возможности общения судей друг с другом и требующий качественной работы переводчиков.

<sup>1</sup> *Tochilovsky V.* International Criminal Justice: “Strangers in the Foreign System” // Criminal Law Forum. 2014. № 15. P. 334.

<sup>2</sup> *Рогожин С. Л.* Белград – четвертый Рим? Политологический и юридический анализ социального эксперимента в Косово // Московский журнал международного права. 2001. № 4. С. 35.

При этом необходимо учитывать, что в переводе нуждаются не только сами судебные слушания, но и многочисленные письменные материалы, которыми оперируют стороны. Кроме того, как подчеркивает Ф. Уэйнер, имевший опыт работы в трибунале по Камбодже, «тот факт, что судья может бегло говорить по-английски, отнюдь не означает, что он так же хорошо понимает юридическую терминологию или нюансы»<sup>1</sup>. Неслучайно в МТБЮ даже организовали специальные курсы юридического французского для франкоговорящих юристов. Что тогда говорить о тех странах, где языком судопроизводства является не английский или менее распространенный французский, а африкаанс, украинский или сербскохорватский? К слову сказать, первый судья-иностранец в Судебной палате по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине – А. Родригес – был испанцем, не знавшим ни английского, ни тем более сербскохорватского языка.

Видимо, для предотвращения различного рода инцидентов в гибридных судах вводятся сложные процессуальные правила, призванные минимизировать возможные издержки. Например, в трибунале по Камбодже действует правило супербольшинства: вина обвиняемого должна быть признана 4 из 5 либо 5 из 7 голов судей. Такое правило выгодно отличает указанный трибунал от других гибридных судов, где для приговора достаточно простого большинства голосов. Более того, в случае отсутствия единства в текст решения включаются точки зрения большинства и меньшинства<sup>2</sup>.

По-разному формируется и количественное соотношение между судьями-иностранцами с одной стороны, и национальными судьями – с другой. Скажем, в каждой коллегии Судебной палаты по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине вначале работало трое судей: двое иностранцев и один (председательствующий) – резидент. Затем, когда данная форма судопроизводства встала на ноги, пропорция изменилась: двое национальных

<sup>1</sup> *Weiner P. The Right to a Competent Judge: Selecting, Training and Assigning International Criminal Judges // Procedural Fairness in International Courts and Tribunals / Ed. by A. Sarvarian, R. Baker, F. Fontanelli and V. Tsevelekos. L.: British Institute of International and Comparative Law, 2015. P. 258.*

<sup>2</sup> *Шинкарецкая Г. Г. Указ. соч. С. 297.*

судей и один иностранец. На сегодняшний день судебная система Боснии и Герцеговины окрепла настолько, что уже не нуждается в помощи зарубежных коллег.

Способствует повышению эффективности и своеобразное разделение труда, которое сложилось в гибридных судах: национальные судьи, входящие в состав таких трибуналов, в большей степени занимаются фактами, в то время как иностранные – вопросами права<sup>1</sup>.

Более того, по свидетельству очевидцев, если на первых порах национальные судьи очень нервничали, работая с непривычными для них законодательством и процедурными правилами, то спустя некоторое время они постепенно втягивались в новые для них условия деятельности и даже получали удовольствие от причудливых ритуалов англосаксонского процесса, невольно ощущая себя зрителями американского юридического кино<sup>2</sup>.

Одним из важнейших является вопрос о праве, которое применяется гибридными судами при осуществлении своей компетенции. В разных странах этот вопрос решается по-разному. В частности, возможны следующие варианты: 1) правила процедуры и доказывания того или иного гибридного трибунала проистекают из национального процессуального законодательства с небольшими вариациями; 2) правила процедуры и доказывания заимствованы из деятельности международного трибунала; 3) правила процедуры и доказывания представляют собой результат некоего специально разработанного законодательства.

Так, в трибунале по Камбодже по общему правилу применяется процессуальное право Камбоджи. Однако в тех случаях, когда камбоджийское право не регулирует тот или иной конкретный вопрос, или же когда существует неопределенность относительно толкования либо применения соответствующей нормы камбоджийского права, или же когда возникает вопрос относительно соответствия такой нормы международным стандартам, чрезвычайные палаты могут руководствоваться также процедурными нормами, установленными на международном уровне. Таковыми могут считаться нормы Римского статута Международного уголовного суда, пра-

<sup>1</sup> *Толстых В. Л. Указ. соч. С. 138.*

<sup>2</sup> *Скуре-интервью с судьей Ф. Уэйнером, 05.04.2017 г.*

вила процедуры и доказывания МТБЮ и даже процессуальные регламенты других гибридных судов<sup>1</sup>.

А вот что говорится в статье 28 Устава Специального трибунала по Ливану: «... судьи руководствуются в соответствующих случаях Уголовно-процессуальным кодексом Ливана, а также другими исходными материалами, отражающими самые высокие стандарты международного уголовного процесса, с тем чтобы обеспечить справедливое и оперативное судебное разбирательство»<sup>2</sup>.

Гораздо реже возникают случаи, когда гибридный суд полностью перенимает процессуальное право международного трибунала. Специальный трибунал по Сьерра-Леоне может служить тому примером. Как закреплено в статье 14 его Устава, «правила процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по Руанде, существующие в момент учреждения Специального суда, применяются *mutatis mutandis* в отношении судопроизводства»<sup>3</sup>.

Уникален случай Косово. Первоначально в июле 1999 года действующая в регионе Временная администрация ООН приняла решение о применении на территории края действующего права Югославии, за исключением дискриминационных положений и норм, противоречащих международным правозащитным стандартам. Но уже в декабре того же года было принято решение о возвращении к праву, в том числе процессуальному, действовавшему в Косово по состоянию на 22 марта 1989 года – даты, когда режимом С. Милошевича был отменен автономный статус Косово. Как указывает С. Л. Рогожин, этим решением Временная администрация «во-первых, реанимировала право социалистической Югославии, во-вторых, перечеркнула десятилетний опыт общественного и правового развития Косово, в-третьих, создала проблему выявления применимого права и его применимости к качественно новым правоотношениям, сложившимся в Косово в условиях международного протектората»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> International Criminal Procedure. Op. cit. P. 10.

<sup>2</sup> Устав Специального трибунала по Ливану // URL: [http://www.un.org/ru/documents/bylaws/special\\_tribuna\\_lebanon.pdf](http://www.un.org/ru/documents/bylaws/special_tribuna_lebanon.pdf) (дата обращения: 21.07.2017).

<sup>3</sup> Устав Специального суда по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. 2004. № 1 (53). С. 300.

<sup>4</sup> Рогожин С. Л. Указ. соч. С. 30.

Что касается Судебной палаты по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине, то процессуальная сторона её деятельности полностью подчинялась национальному законодательству, включая Уголовно-процессуальный кодекс. Однако уникальность боснийского «кейса» проявилась в другом.

Босния и Герцеговина (*далее* – БиГ) является единственной страной, где «гибридизация» охватила орган конституционной юрисдикции. Дело в том, что трое из девяти членов Конституционного суда назначаются председателем ЕСПЧ после проведения консультаций с Президиумом Боснии и Герцеговины (своего рода коллективный орган, наделенный функциями главы государства). Более того, действует правило, согласно которому назначаемые просвещённым страсбургским правосудием служители Фемиды не должны быть гражданами БиГ или соседних с ней стран. Так, в настоящее время судьями, избранными по квоте председателя ЕСПЧ, являются: Тудор Панцыру (Молдавия), Констанс Грев (ФРГ) и Маргарита Цаца-Николовска (Македония). Ранее в Конституционном суде работали представители Швеции, Франции (в частности, крупнейший конституционалист Л. Фаворо), Австрии и других стран.

В этой связи исследователи отмечают, что присутствие иностранных судей в составе органа конституционного правосудия оказало положительное влияние на развитие конституционного правосудия не только тем, что сделало возможным передачу опыта, особенно в области применения Европейской Конвенции, но и тем, что позволило суду преодолеть сильную этническую поляризацию голосов национальных судей. *De facto* союз иностранных и боснийских судей, наблюдаемый во многих случаях, обеспечивал противовес союзу их хорватских и сербских коллег (напомним читателю, что из шести оставшихся судей Конституционного суда БиГ двое должны быть босняками по национальности, двое – хорватами и еще двое – сербами, представляющими автономную Республику Сербскую)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Антонов А. Особенности организации и функционирования Конституционного суда Боснии и Герцеговины // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 31. Более подробно см.: Мильчакова О. В. Конституционный контроль в странах бывшей Югославии. М.: ДПК Пресс, 2014.



Приведем характерный пример из практики суда.

Любой, кто хотя бы раз бывал на территории бывшей Югославии, наверняка обращал внимание на то, что если и возможен консенсус между представителями различных, враждующих между собой этносов, то этот консенсус практически исчерпывающим образом воплощен в фигуре Иосипа Броз Тито, президента Югославии в 1953-1980 гг., одинаково почитаемого всеми национальностями. В политическом лексиконе балканских народов есть даже термин «югостальгия» - тоска по некогда единой Югославии эпохи Тито. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именем последнего до сих пор называют дороги и улицы. Тем не менее еще при жизни легендарного лидера, не говоря уже о дне сегодняшнем, ширилась и крепла оппозиция по отношению к его политике, особенно в среде национальной интеллигенции. Стоит ли удивляться тому, что относительно недавно, в 2011 г., гражданин обжаловал в Конституционный суд Постановление о создании и изменении названий дорог и улиц в том муниципальном образовании, где было предусмотрено присвоение дороге имени Тито. Обосновывая свой законный интерес, заявитель, в частности, утверждал, что он жил при коммунистическом режиме, когда систематически нарушались права человека и основные свободы, а значит, присвоение улице имени Тито наносит ущерб его праву на личное достоинство<sup>1</sup>.

Тут надо заметить, что, как справедливо указывает П. Д. Блохин, современное демократическое правосознание полагает человеческое достоинство (*human dignity*) «матерью всех прав», понимая его предельно широко и включая в него такие, казалось бы, далёкие друг от друга правовые ценности, как запрет придания обратной силы закону, ухудшающему положение лица, принцип равенства перед законом и недопустимость дискриминации, и даже право на жилище<sup>2</sup>. Поэтому не без влияния судей-иностранцев Конституционный суд пришёл к выводу о том, что «уважение человеческого достоинства является правовой и моральной

<sup>1</sup> Мильчакова О. В. Указ. соч. С. 134.

<sup>2</sup> Блохин П. Реформа судебной власти в Венгрии и европейские стандарты справедливого правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 79.

основой современного государства, основанного на концепции конституционной демократии. При этом определение содержания «человеческого достоинства» не представляется возможным, т. к. конституционные и международные правовые стандарты заполнения этой категории с течением времени развиваются и расширяются.

Имя Тито символизирует не только освобождение территории страны от фашистской оккупации в годы Второй мировой войны, но и послевоенный тоталитарный коммунистический режим, для которого были характерны масштабные и серьёзные нарушения прав человека и основных свобод, особенно в первое послевоенное десятилетие. Независимо от того, чего городские власти хотели достичь приданием дороге имени Тито, и какие цели они при этом преследовали, важно, что оспариваемое Постановление можно объективно рассматривать как положительную оценку бывшего недемократического режима.

В государстве, в котором развита демократия и существует свободное общество, основанное на уважении человеческого достоинства, прославление коммунистического режима путем присвоения дороге имени Тито, является неконституционным. Имени Тито, в пространстве и времени, в котором существует страна, нет места, т. к. это противоречит принципу уважения человеческого достоинства, являющемуся основой конституционного строя»<sup>1</sup>.

Таким образом, в деятельности гибридных судов национальные правовые ценности соединены с некоторыми универсальными, для восприятия которых, как показывает история и практика, юридический профессионализм местных судей оказывается недостаточным, порою – губительным, и его ограниченность нуждается в выполнении другими средствами.

Любопытно, что Украина в ходе судебной реформы, инициированной поправками в Конституцию от 2 июня 2016 года, ликвидировала предусмотренный ранее в ст. 148 Основного Закона 20-летний ценз оседлости для судей Конституционного Суда, что теоретически открывает дорогу для назначения туда иностранцев. Кроме того, в новом Законе о Конституционном Суде, приня-

<sup>1</sup> Цит. по: Мильчакова О. В. Указ. соч. С. 136, 137.

том 13 июля 2017 года, предусматривается фигура специального советника. Как указывается в тексте Закона, «с целью предоставления экспертной помощи в конституционных производствах по конституционным жалобам в Конституционном Суде временно, на срок до 1 января 2020 года, вводится институт специального советника. Для осуществления функций специального советника Конституционный Суд по своему решению может пригласить судью в отставке иностранного органа конституционной юрисдикции или представителя международной правительственной организации, предметом уставного задания которой являются вопросы конституционного права. Не может быть приглашён для осуществления этих функций гражданин государства, признанного Верховной Радой Украины агрессором (речь идет о России. – Прим. авт.). Специальный советник может до начала рассмотрения дела Сенатом или Большой палатой предоставить свое письменное обоснованное юридическое заключение (*amicus curiae*) по делу, которое является обязательным для рассмотрения Сенатом или Большой палатой соответственно. Обеспечение деятельности специального советника осуществляется за счёт международной технической помощи или международных организаций»<sup>1</sup>.

Принципиально важным является вопрос о возможности пересмотра решений гибридных судов. Широко известна практика ЕСПЧ, в которой тот акцентирует внимание на необходимости существования в правовой системе возможностей для ревизии судебных решений как одной из гарантий права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека). Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день возможности обжаловать решения гибридных трибуналов крайне ограничены. Во многом это закономерно вытекает из того уникального положения, которое они занимают в судебных системах своих стран. Очевидно, что если бы в законодательстве была предусмотрена возможность обжаловать решение интернационализованного суда в какой-либо местный трибунал, то это во многом свело бы на «нет» всю их деятельность, поскольку ги-

<sup>1</sup> Закон України «Про Конституційний Суд України» // URL: [http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4\\_1?pf3511=61971](http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=61971) (дата обращения: 21.07.2017).

бридные суды как раз и создаются для того, чтобы вывести хотя бы один сегмент правосудия из сферы действия национальной судебной системы с её традициями, обычкновениями и авторитетами. Иными словами, гибридное правосудие никогда не достигнет своей цели – осуществления профессионального и беспристрастного правосудия в отношении военных преступников и политически «чувствительных» дел, если его решения можно будет сломать в национальных судах.

В силу указанных обстоятельств в Косово отсутствовала возможность пересмотра решений смешанных судебных коллегий. Единственной лазейкой, правда, была возможность апеллировать в суды «материковой» Сербии, которая, как известно, никогда не признавала независимости Косово, продолжая считать его своим автономным краем. Однако такого рода возможность была прямо исключена Резолюцией ООН 1244 (1999).

Схожая ситуация складывается и в других гибридных судах. В Тиморе-Лешти решения специальных судебных палат по серьёзным преступлениям можно было обжаловать – опять-таки в гибридную – специальную палату Апелляционного суда. В Камбодже, а равно в Сьерра-Леоне, подобно международным трибуналам второго поколения, апелляционная палата находилась в составе самого гибридного суда, при этом действует правило, согласно которому судья, участвовавший в постановлении решения по первой инстанции, не имеет права рассматривать это же дело в апелляционном порядке<sup>1</sup>.

Существует такая поговорка: «Суд хорош ровно настолько, насколько хороши судьи, в нём работающие». Поэтому работа в гибридном суде требует от судьи, в особенности судьи-иностранца, особых человеческих и профессиональных качеств.

Прежде всего с теми, кто подходит под формальные требования, выдвигаемые для судей в том или ином гибридном трибунале, необходимо связаться и убедиться, что они имеют возможность и хотят отправлять правосудие в потенциально опасной зоне. В свою очередь, организаторам нужно позаботиться о множестве протокольных вопросов, связанных с въездом персонала, ввозом

<sup>1</sup> *Kleffner J., Nollkaemper A.* The Relationship Between Internationalized Courts and National Courts // *Internationalized Criminal Courts and Tribunals*. P. 371, 372.

необходимых средств, обеспечением безопасности, в том числе в месте жилого размещения, а также линиями связи, о транспорте и многих других моментах. Как подчеркивает А. Н. Антонов, всё это необходимо сделать до отправки группы, «протолкнув» через бюрократические машины, работающие в разных странах с разной скоростью. В противном случае жизнь участников может быть подвергнута опасности и конечная цель окажется под угрозой<sup>1</sup>.

Не менее важной является проблема мотивации тех юристов, которые стремятся работать в гибридных судах. Не секрет, что многие из них преследуют сугубо прагматичные цели, например, получение ярких экзотических впечатлений или улучшение собственного CV за счет работы за рубежом. Такого рода люди на языке англоязычных юристов получили неуважительное наименование «балласта» (англ.: *passengers*). Не будем также забывать, что активная помощь международного сообщества странам «третьего мира», получившая широкое распространение последние несколько десятков лет, породила новый психологический тип «любителя кризисов» (англ.: *mission-junkie, crisis-junkie*). Речь идёт о людях, которые не имеют постоянной работы на родине и участвуют в деятельности гибридных судов исключительно по финансовым соображениям, мигрируя из одной постконфликтной территории в другую<sup>2</sup>.

Сохраняет свою актуальность и старая дилемма о том, кого лучше назначать судьями: теоретиков (бывших преподавателей юриспруденции) или же юристов, имеющих сугубо практический опыт. Насколько можно оценивать, в международных и интернационализованных трибуналах доминируют практикующие юристы (главным образом судьи общих судов). Если же в составе судейской коллегии оказывается юрист-теоретик, то его, как правило, никогда не назначают председательствующим (известное исключение составляет, пожалуй, А. Кассезе, чистопородный учёный-международник, ставший первым председателем МТБЮ).

<sup>1</sup> Антонов А. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами. С. 107.

<sup>2</sup> Рогожин С. Л. Указ. соч. С. 25.

Последнее обстоятельство объясняется, во-первых, лёгким нигилизмом, с которым бывшие учёные относятся к «занудным» процессуальным механизмам, без строгого следования которым судебная деятельность может быть сведена на «нет», а во-вторых, приходится учитывать, что очень часто военные преступники, находящиеся на скамье подсудимых, ведут себя вызывающе по отношению к судебному составу. И в такой конфликтной ситуации необходимо, чтобы председательствующий, не роняя собственного достоинства, умел «поставить на место» зарвавшегося подсудимого, что учёному всегда сделать сложнее, нежели профессиональному судье.

Между тем опыт практической работы тоже может быть разным. В личной беседе с автором этих строк Ф. Уэйнер вспоминал, как в трибунал по Камбодже делегировали бывшего британского коронера, основной функцией которого, как известно, является констатация факта насильственной или естественной смерти. Очевидно, что столкнувшись со сложнейшими категориями международного уголовного и гуманитарного права, незнакомой для себя национальной и правовой культурой, бывший коронер слегка растерялся, а затем занял последовательно конформистскую позицию, послушно ориентируясь на позицию большинства. Не рекомендуется также назначать в гибридные трибуналы бывших политиков, дипломатов, судей, уже пребывающих в отставке (по причине их преклонного возраста), или совсем молодых юристов, имеющих стаж работы по специальности менее 15 лет.

Таким образом, к несомненным достоинствам гибридного правосудия следует отнести повышение авторитета судебной власти в условиях «разделённых обществ» за счет привлечения незаангажированных местной элитой иностранцев, умение последних (при всех издержках) противостоять «культуре безнаказанности», пустившей глубокие корни в странах «третьего мира» и развивающихся странах, возможность адаптировать стандарты международного гуманитарного права к местным условиям. Среди слабых сторон хотелось бы отметить финансовую уязвимость гибридных судов, неготовность национальных юристов взаимодействовать с коллегами из зарубежных стран,

первоначальные сложности, которые возникают у юристов, взращённых на континентальных образцах, при работе в состязательном процессе.

Как бы там ни было, гибридные суды являются новым словом в теории и практике международного права, перспективным направлением научного поиска.

*Научное издание*

**ПОЛИТИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ  
ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД:  
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

*Монография*

Ответственный редактор  
кандидат юридических наук, доцент  
***А. П. Евсеев***

Издано в авторской редакции  
Ответственный за выпуск Н. М. Ярошенко  
Компьютерная верстка и дизайн И. В. Москалюк

Подписано в печать 11.09.2017 г.  
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.  
Гарнитура Times. Усл.-печ. лист. 11,87.  
Тираж 100 экз. Цена договорная.  
Зак. №1109/1

Напечатано с оригинал-макета,  
изготовленного Издательством “Юрайт”  
(Свидетельство о внесении в государственный реестр  
субъектов издательской деятельности:  
серия ДК № 4236 от 22.12.2011 г.),  
в типографии ФЛ-П Дуюнова Т. В.  
61023, г. Харьков, ул. Веснина, 12. тел: (057)717-28-80  
e-mail: promart\_order@ukr.net